

СКАЗКИ ГОРНОГО КОРОЛЯ

Сакарнас Топелиус

Сакарнас Топеллус

СКАЗКИ ГОРНОГО КОРОЛЯ

Санкт-Петербург

АМФОРА

2003

УДК 82-93
ББК 84.4Фн
Т 58

ZACHARIAS TOPELIUS

Перевод со шведского, предисловие и примечания
Людмилы Брауде

Перевод стихов Михаила Яснова

Рисунки Светланы Жаворонок

Дизайн Вадима Назарова
Оформление Алексея Горбачёва

*Настоящее издание выходит при поддержке
Литературно-Информационного центра Финляндии*

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и партнеры»*

Топелиус С.

Т 58 Сказки Горного короля / Пер. со швед. Л. Брауде. — СПб.: Амфора, 2003. — 204 с.

ISBN 5-94278-349-7

Знаменитый поэт, сказочник и ученый Сакариас Топелиус (1818–1898) в истории культуры Финляндии сыграл ту же роль, что и Пушкин в России.

В эту книгу вошли избранные сказки Топелиуса, тесно связанные с легендами Скандинавии, финскими и карельскими рунами. На страницах книги вас ожидают встречи с троллями, домовыми и великанами, принцами и принцессами, а также обыкновенными мальчиками и девочками, с которыми происходят настоящие приключения.

ISBN 5-94278-349-7

© «Амфора», 2002

КАК НАХОДЯТ СКАЗКИ

В одной старинной финской легенде рассказывается о чудесных крыльях княгини лебедей Радигундис. Высоко-высоко, под самыми облаками, летит лебединая стая. А впереди, расправив могучие крылья, — княгиня лебедей, прекрасная Радигундис. Тихо летит стая, и порой, но редко-редко, из крыла Радигундис выпадает белоснежное перо. В Финляндии считают, что тот, кто поднимет это перо, станет поэтом, скальдом и из-под лебединого пера польются стихи и сказки, веселые и прекрасные, как день.

Если верить преданию, то однажды стая пролетала над Финляндией. А белоснежное перо, выпавшее из крыла прекрасной княгини лебедей, подобрал маленький Топелиус, живший в усадьбе Куднэс близ города Ньюкарлебу.

Много легенд существует в Финляндии о рождении и жизни замечательного поэта, сказочника и ученого Сакариаса Топелиуса, создавшего свои творения на шведском языке, но ставшего для Финляндии тем же, кем стал Пушкин для России. Топелиус-Младший унаследовал талант и славу своего отца — врача, ученого и собирателя финских рун Сакариаса Топелиуса-Старшего. 14 января 1818 года,

когда родился этот мальчик, ему предсказали: «Имя твое прославит родину!»

А много лет спустя, когда, уже юношей, он шел за гробом своего знаменитого отца, серебряная звезда, лежавшая на крышке гроба, упала к его ногам. И все зашептали: «Сын будет подобен отцу в искусствах и благородстве деяний. И будет столь же любим и почитаем, как отец».

Сакариас Топелиус-Младший с детства слышал чудесные руны, которые пели его отцу коробейники. А старая нянька Брита рассказывала мальчику сказки о ведьмах и колдунах, о волшебной горе Растекайс, об олене с золочеными рогами, о храбром мальчике Сампо и о страшном Горном короле Хииси, о принцессах и заколдованных замках, о розариях и райских кущах, о замке фей, сверкающем серебром и золотом, о синих вершинах гор, где гнездятся золотоперые фазаны.

«Она рассказывала нам сказки, — вспоминал Топелиус, — а мы, малыши, как зачарованные внимали ее дивным рассказам, подобно тому как цветы в лесу внимают шелесту темных елей!.. Я вырос, веря в то, что в природе все живет, чувствует, разговаривает. Я обнимал осины в лесу, разговаривал с ними и наделял их именами. Я похлопывал „по плечу“ гранитные горы и расспрашивал о сокровищах, что таятся в их недрах. Птицы и рыбы были моими самыми закадычными друзьями».

Однажды он прочитал сказку великого датского писателя Ханса Кристиана Андерсена «Жених и невеста» и пришел в восторг от «наивно-игривого», по его словам, стиля автора, а потом уже и от других его сказок для детей. «Они очаровывают ребенка, — писал Топелиус, — потому что действие

этих историй непринужденно движется в кругу его привычных представлений, и каждую изображенную в них картину, каждую шутку он воспринимает как свою собственную. В том, чтобы писать так просто, и заключается величайшее искусство».

Топелиус был младшим современником великого датского сказочника, но они ни разу не встречались. В 1856 году финляндский писатель побывал в Копенгагене, и друзья повели его к Андерсену, но, как рассказывал Топелиус: «К моему великому огорчению, он уехал, и мне никогда не пришлось увидеться с ним, а лишь принять надписанное его рукой дружеское посвящение книги „Новые сказки“».

Под влиянием Андерсена Топелиус почувствовал сильное искушение попробовать свои силы в жанре сказки.

И вот с 1847 по 1852 год выходят в свет четыре книги сказок Топелиуса. Писатель не предназначал их специально ни для детей, ни для взрослых. Позднее же, когда он включил сказки, наряду с пьесами, рассказами и стихами в сборники «Детское чтение» (1865–1896), они получили более определенный адресат. Сказки имели громадный успех. Рецензенты писали о «поэтическом даре» и о «богатой фантазии» их автора и видели особую заслугу писателя в том, что он не превратил эти «невинные рассказы» в проповеди морали.

Сам Топелиус больше всего ценил высказывания детей, этих «опасных рецензентов», как он их называл. Он получал множество писем от мальчиков и девочек из Финляндии и Швеции.

«Пришлите нам свой портрет! Сочините для нас стихотворение или целую книгу», — просили дети.

Что же представляют собой сказки Топелиуса, почему они вызвали такой живой интерес и, безусловно, не устарели до сих пор?

Одна из причин кроется в том, что эти сказки тесно связаны с преданиями и легендами Скандинавии, с финскими и карельскими рунами.

В стихотворном предисловии к первому выпуску сказок, которое называлось «Предисловие для всех, кто любит прекрасные сказки», Топелиус рассказал о «старенькой-престаренькой старушке, которая жила в маленькой-премаленькой избушке», и обещал передать в своей книге все, что поведала ему в детстве старушка:

«То, что помню, хочу теперь рассказать!»

А помнил он троллей, хохочущих в недрах гор, воздушных эльфов, танцующих на лугах в лунном сиянии, замок великана, храбрых рыцарей и плененных дев.

Фольклорные мотивы особенно ощутимы в сказках «Как тролли на свой лад Рождество справляли», «Старый домовый Абоского замка», «Зимняя сказака о соснах Достаньтучу и Зацепибородойоблако» и др.

В сказке «Принцесса Линдагуль» персидский Шах Надир обещает, как и короли всех народных сказок мира, тому, кто найдет его дочь, принцессу Линдагуль, отдать ее в жены и всю Персию в придачу. Безутешный отец принцессы Адальмины в сказке «Жемчужина Адальмины» также сулит руку дочери и полкоролевства тому, кто отыщет ее. А у колыбели принцессы Адальмины, как и у колыбели Спящей Красавицы (Шарль Перро, Братья Grimm), стояли две феи — Алая и Лиловая, которые преподносят Адальмине, как и Спящей Красавице, необыкновенные да-

ры. Звездоглазку, словно Белоснежку, уводят в снежную пустошь. Но все эти события происходят в лесах Финляндии, на бескрайних равнинах и диких вересковых пустошах Лапландии или в знойной Персии.

Интересны и сказки Топелиуса, связанные со скандинавской мифологией, где обыкновенные дети, смелые, обладающие чувством собственного достоинства, встречаются с героями памятников древней литературы («Старшая Эдда» и «Младшая Эдда») великаном Тучегоном и Инеистым великаном.

Финляндский сказочник широко использует и сказки соседей — саамов («Сампо-Лопаренок», «Звездоглазка», «Принцесса Линдагуль»), где наряду с фантастикой, с Горным королем и богом снов Нукку-Матти соседствуют обыкновенные люди.

Герои Топелиуса не бродят по свету, убивая несметные толпы людей, а хитрецы не добиваются счастья и богатства. Он рассказывает о приключениях обыкновенных маленьких финляндских мальчиков и девочек.

В произведениях Топелиуса тонко и поэтично изображена природа Финляндии, так что справедливы слова Астрид Линдгрэн о Топелиусе: «Его понимание природы пронизывает все, что он пишет...»

Его описания природы всегда образны и вместе с тем реальны. Они проникнуты глубоким чувством, позволившим когда-то Сельме Лагерлёф сказать о Топелиусе: «Он сохранил сказочный стиль во всей его прекрасной простоте, присовокупив к нему лишь свои собственные, присутствующие ему теплоту и сердечность».

Особенно ощущается это в знаменитом цикле прозаических и стихотворных сказок об Унде Марине и принце

Флурио. Марина, волна, — дочь Морского короля. Принц Флурио — наследный принц Леса. Их диалоги — гимны прекрасной «живой» природе, которую одушевляет Топелиус.

Под пером писателя природа оживает, он наделяет биографией ручьи, реки, волны, цветы и деревья, а также вещи и предметы («Серебряная чаша Унды Марины», «Канал принца Флурио», «Следы Унды Марины», «Гордые мечты березки в пору, когда распускаются почки», «Кувшинка — дочь Водяного», «Бурливый Ручей и Шумливый Ручей» и др.)¹.

Как и у Андерсена, у Топелиуса много сказок, которые рождает сама жизнь. В одном из своих ключевых произведений «Как находят сказки» писатель открывает простой секрет: надо только пойти в лес, а там на всех ветвях растут сказки! Они выглядывают из березовой листвы, висят на елях, ими усеяны кусты можжевельника так, что почти не видно ягод. В полях также можно отыскать тысячи сказок. Сказки качаются и на прибрежных волнах. Осенью они слышатся в шуме высоких сосен. Необыкновенно много сказок знает вереск, а еще больше — пожелтевшая листва. Зимой сказки рассказывают цветы инея на окнах и на ветвях деревьев. По весне волшебный замок сказки водружается на вечернем небе, отсвечивающем всеми цветами радуги. В любое время года сказки рассказывают серебряные звезды...

---

¹ Эти сказки планируются к выходу в издательстве «Амфора» в книге «Сказки Морского короля» в 2003 г.

Как и великому Андерсену, Топелиусу присущи поэтичность и мягкий юмор («Как Муравьишка по докторам разъезжал»), мудрость и философичность («Червячок — король Малинника», «Гордые мечты березки в пору, когда распускаются почки»). Правда, юмор Топелиуса не такой искрящийся, сказки его не столь сатиричны, как у Андерсена, они скорее назидательны, что объясняется взглядами Топелиуса на просветительскую роль литературы и книги. «Самая жалкая книга может содержать нравоучение», — утверждал финляндский сказочник.

Он постоянно внушал детям высокие и благородные чувства: любовь к отчизне и ее природе, к родителям, бережное отношение к старикам, преклонение перед поэзией и сказкой («Березка и Звезда», «Как находят сказки»), доброту и снисхождение к слабым («Червячок — Король Малинника», «Как тролли на свой лад Рождество справляли»).

Он учил презирать высокомерие и жадность. Однако мораль, нравоучение и назидание даются Топелиусом в индифферентной форме, которая наиболее доступна ребенку и скорее проникает в его сознание, в его особый мир.

В 1998 году весь читающий мир, и особенно Финляндия, отмечали двойной юбилей: 14 января — 180 лет со дня рождения Топелиуса, а 21 марта — 100 лет со дня его смерти. Многие журналы и газеты опубликовали тогда статьи и заметки под заголовком:

«САКАРИАС ТОПЕЛИУС! ОН ЖИВ!!»

Надеюсь, сказки финляндского писателя понравятся детям России, как нравятся ребятам всего мира.

Вот, как сказала в 1998 году директор Института детской литературы Швеции Сонья Свенссон о Топелиусе, «его песни пелись, его стихи декламировались, его пьесы для детей игрались на сцене, а его рассказы и сказки читались в юные годы бесчисленным множеством мужчин и женщин, оказавших влияние на наше собственное столетие (XX век)».

Людмила Брауде

Зимняя сказка о соснах Достаньтузу и Зацепибородойоблако

Далеко-далеко в бескрайнем лесу среди диких вересковых пустошей Финляндии росли некогда совсем близко друг от друга две высокие сосны. Казались они такими старыми, что никто ведать не ведал, когда они были молоды. Их было видно уже издалека, потому что темные верхушки сосен вздымались высоко-высоко над всеми другими деревьями. Весной на ветвях сосен пел свои песни дрозд, а летом бледно-розовые цветы вереска взирали на них смиренным взглядом, словно желая сказать: «Добрый Боже, неужто и вправду можно так вырасти и стать такими старыми в этом мире?»

Но зимой, когда метель все кругом укутывала в снега, дикие бури проносились над кронами сосен, сметая снег с их вечнозеленых ветвей. Ураган опрокидывал дома и сокрушал леса, но сосны держались непоколебимо. А это кое-что да значит, если ты столь силен и упорен!

Неподалеку от сосен располагалась некогда хижина с крышей из дерна и двумя небольшими оконца-

ми. Жили там бедный торпарь¹ с женой. И был у них близ хижины клочок картофельного поля да небольшая пашня. Зимой рубил торпарь деревья в лесу и отвозил их потом на лесопильню в миле² от своего торпа. А зарабатывал он так мало, что денег едва-едва хватало на масло, хлеб да на молоко к картошке. Но и это было просто прекрасно, потому как о ту пору многим приходилось довольствоваться хлебом из древесной коры, и уж точно у других не было ни кусочка масла, чтобы сдобрить свой ломоть хлеба.

Было у торпаря с женой двое детей — мальчик, которого звали Сильвестр, и девочка, которую звали Сильвия. Диковинные то были имена! Быть может, получили они их в честь леса, ибо «сильва» означает «лес». А имя «Сильвестр» значит в святцах³ и относится к последнему дню года, так что именины мальчика приходились как раз на сочельник.

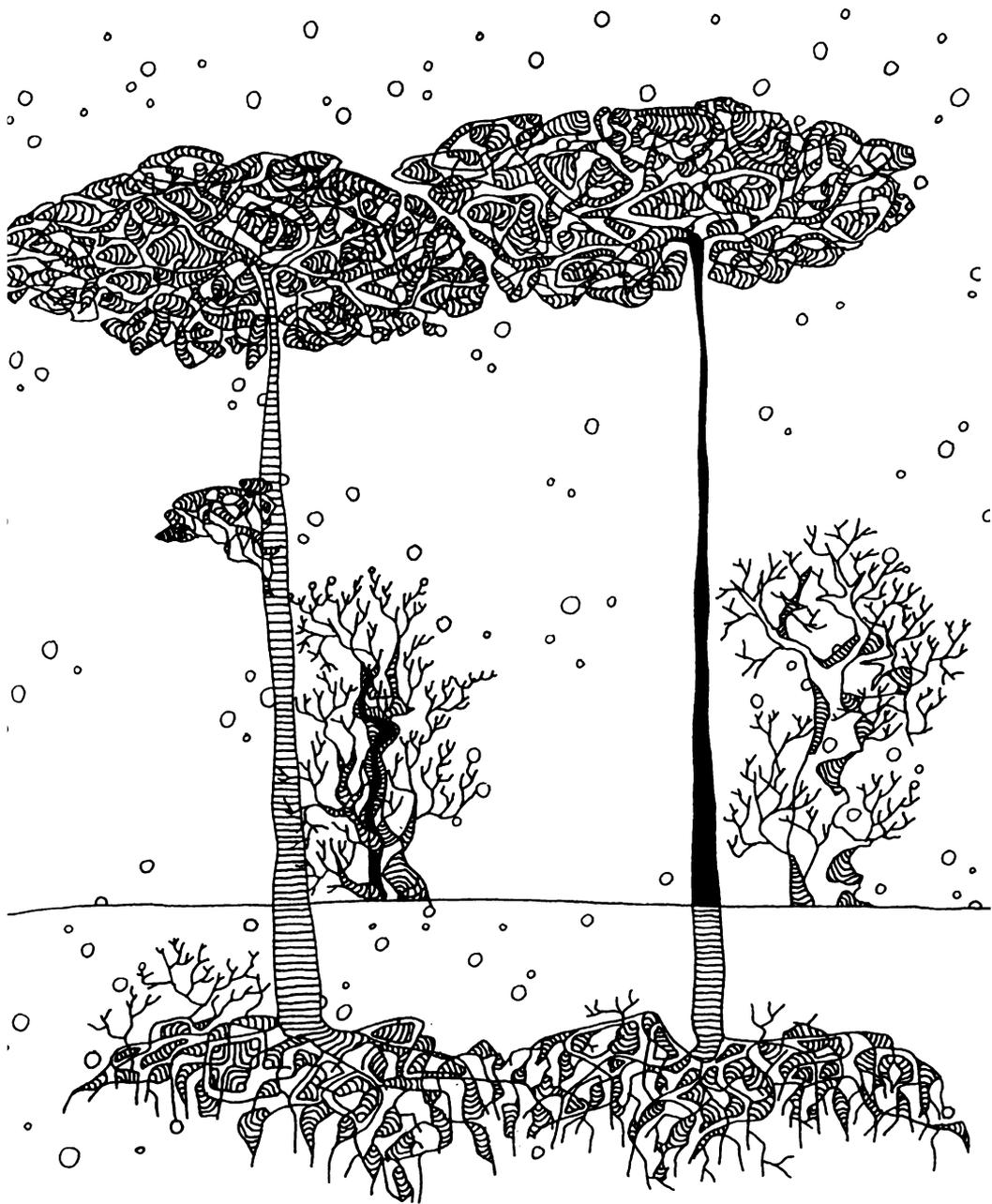
Однажды зимним днем, а было это как раз в день Святого Сильвестра, случилось так, что дети отправились поглядеть на силки, которые расставили в лесу, где полным-полно водилось зайцев и белых куропаток. И в самом деле, в силках Сильвестра сидел белый заяц, а в силках Сильвии — белая куропатка. Но оба они — и заяц и куропатка — остались в живых: у них

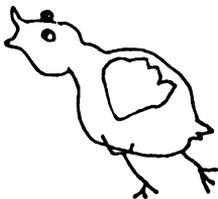
---

¹ Безземельный крестьянин, арендующий клочок земли — торп (*шв.*).

² Шведская миля равна 10 км.

³ Список имен святых и церковных праздников в календарном порядке.

застряли в силках лишь лапки, и они так жалобно пищали, что дети только диву дались:

— Отпусти меня, и получишь славный подарок! — верещал заяц.

— Да, отпусти и меня, получишь что-то хорошее! — вторила зайцу белая куропатка.

Дети сжалились над ними и отпустили их на волю. Тогда заяц со всех ног кинулся бежать в лесную чащу, а куропатка пустилась лететь со всю силу своих крылышек, и оба закричали:

— Спросите Достаньтучу и Зацепибородойоблако, спросите Достаньтучу и Зацепибородойоблако!

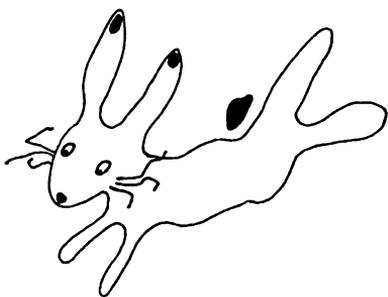
— О чем это они? — обиделся Сильвестр. — Неблагодарные звери, даже спасибо нам не сказали!

— Они велели спросить о чем-то Достаньтучу и Зацепибородойоблако, — напомнила Сильвия. — Кто бы это мог быть? Никогда раньше я таких диковинных имен не слыхивала.

— Да и я тоже, — согласился Сильвестр.

В тот же миг резкий зимний ветер пронесся мимо, потрясая высокие

сосны, стоявшие совсем рядом. Темные кроны деревьев зашумели, и в свисте ветра дети расслышали удивительные слова:

— Ты еще держишься, сестрица Достаньтучу? — спросила одна сосна.

— Ясное дело, держусь! — ответила другая. — А как ты, сестрица Зацепибородойоблако?

— Начинаю стареть, — ответила сосна Зацепибородойоблако. — Ветер обломал недавно ветку в моей кроне.

— Ты ведь просто дитя по сравнению со мной, — молвила сосна Достаньтучу. — Тебе ведь всего триста пятьдесят лет! А мне нынче триста восемьдесят восемь минуло. Ты — просто дитя! Просто дитя!

— Ну вот, Буря возвращается! — заметила сосна Зацепибородойоблако.

Хорошо бы нам немного спеть, тогда моим ветвям найдется хоть какая-то пища для размышлений.

И обе сосны запели под шум Бури:

Наша песня гремит как гром —
Здесь, на Севере, мы вдвоем
Сквозь времена и пески растем.
Словно каменная десница,
Корень в твердой земле гнездится,
Поэтому крона бурь не боится.
Зимой — ветра и заносы,
Летом — грозы и росы,
К ночи прибавим короткий день —
И на столетья отбросим тень.
Тучи сбиваются
И напирают,

Люди рождаются
И умирают, —
А мы стоим вопреки всему,
Глядим на солнце или во тьму.
Смотри, дитя,
Не клонись ветрам, —
Вставай, как мы,
И, подобно нам,
Расти не во зле,
А крепись в земле.
В шуме ветров
Пробивай дорогу
И поднимайся навстречу Богу.
И даже в самые тяжкие дни
К свету тянись
И чело не клони!

— Поговорим с детьми человеческими, — пробор-
мотала сосна Достаньтучу.

— Любопытно, что они собираются нам ска-
зать? — спросил Сильвестр.

— Да нет, не надо, пошли! Пойдем домой! — про-
шептала Сильвия. — Мне так страшно, когда я смот-
рю на эти высокие деревья и слышу их диковинные
песни.

— Погоди, я вижу отца, он идет с топором на пле-
че, — сказал Сильвестр.

И в этот миг в лесу появился торпарь.

— Глянь-ка, здесь как раз растет пара деревьев,
таких, какие мне нужны! — молвил торпарь. И он
поднял топор, чтобы срубить Достаньтучу. Но тут де-
ти как заплачут!

— Дорогой батюшка, не руби Достаньтучу, — попросил Сильвестр.

— Милый добрый батюшка, не руби Зацепибородойоблако! — умоляла Сильвия. — Они такие старые! Они спели нам песенку!

— Что за ребячьи выдумки! — возмутился торпарь. — Где это слыхано, будто старые деревья могут петь! Ну да ладно! Раз вы так за них просите, поищу-ка я парочку других деревьев.

И отправился дальше в лесную чащу. Но дети остались, горя любопытством узнать, что еще скажут им Достаньтучу и Зацепибородойоблако.

Прошло совсем немного времени, прежде чем ветер вернулся обратно, и дети явственно услышали, как деревья заговорили вновь.

— Вы спасли нам жизнь, — сказали они, — и это очень благородно с вашей стороны. Ныне вы вправе потребовать каждый свою награду, и тогда получите все, что только пожелаете.

Дети очень обрадовались, но вместе с тем и страшно растерялись. Сначала они подумали, что им вообще-то нечего желать. Наконец Сильвестр ответил:

— Мне бы очень хотелось, чтобы хоть немного выглянуло солнце, тогда бы мы лучше разглядели заячьи следы на снегу!

— Да, — согласилась с ним Сильвия, — а мне бы хотелось, чтобы снежные сугробы начали таять и настала весна, а в лесу запели бы птички!

— Глупые дети! — молвили деревья. — Вы могли бы попросить себе все самые прекрасные вещи на свете,

а вместо этого вы хотите то, что все равно и без вашей воли случится! Однако же вы спасли нам жизнь, и поэтому ваши желания исполнятся, хотя станут еще лучше и еще красивей, чем вы хотите...

Ты, Сильвестр, получишь такой дар, что куда ни пойдешь и на что ни глянешь, вокруг тебя всегда будет сиять солнечный свет. А ты, Сильвия, получишь такой дар, что где бы ты ни очутилась и что бы ни сказала, всегда вокруг тебя будет весна, а снежные сугробы начнут таять. Ну как, довольны? — спросили сосны.

— Да, да! — с великой радостью воскликнули дети. — Это даже больше, чем мы желали! Спасибо, спасибо, милые сосны, за чудесные подарки!

— А теперь — до свидания! — молвили деревья. — Желаем вам счастья.

— До свиданья, до свиданья! — попрощались с соснами дети и пустились в обратный путь. Сильвестр то и дело оглядывался, как обычно, в поисках куропаток и зайцев. Но что удивительно: куда он ни глянет, всюду пред ним луч солнца так и светит! Да так ясно и ярко светит, словно золото на ветвях сверкает. Сильвия с не меньшим удивлением заметила, что стоило ей произнести хоть слово, как снежные сугробы по обеим сторонам тропки, где она шла, начинали таять.

— Глянь-ка, глянь-ка! — кричала она брату, и стоило ей только открыть ротик, как трава начинала пробиваться из-под снега прямо у ее ног и внезапно раздавались трели первого весеннего жаворонка.

— Ах, как же нам весело! — кричали в восторге дети, вбегая в горницу.

— Я вижу солнце! — воскликнул Сильвестр.

— А я могу заставить снег таять! — закричала Сильвия.

— Ну, это всякий может, — сказала их матушка и рассмеялась.

Но прошло совсем немного времени, как и она широко раскрыла глаза от удивления.

Хотя наступал вечер и уже начало смеркаться, вся горница была залита ярким солнечным светом до тех пор, пока Сильвестру не захотелось спать и глаза его не сомкнулись. И хотя на дворе стояла зима, в горнице вдруг повеяло весной, и от этого аромата зазеленел даже веник, стоявший в углу, а на своем вечернем наместе запел петух. И все это продолжалось до тех пор, пока Сильвия не уснула, закрыв глазки и ротик.

— Послушай-ка, отец, — сказала мать Сильвестра и Сильвии, когда торпарь вернулся домой. — С детьми что-то неладное творится. Боюсь, не наткнулись ли они в лесу на какого-нибудь тролля!¹ Чудеса, да и только!

— Все-то ты выдумываешь, маты! — ответил торпарь. — Расскажу-ка я тебе лучше новость, милая моя! Так вот, король с королевой объезжают страну и завтра проедут мимо нашей церкви. А что, если нам взять детей и поехать туда на них поглядеть?!

---

¹ Тролль — в скандинавской мифологии сверхъестественное, чаще — злобное и уродливое существо, враждебное людям.

Да, я согласна, — радостно согласилась торпарка. Не всякий день увидишь короля с королевой!

Наутро, чуть только рассвело, чета торпарей с детьми уже катила в санях по дороге в церковь. Дети страшно радовались, что увидят короля с королевой! Они и думать не думали о вчерашнем чуде. Даже не заметили, как все время по обеим сторонам дороги перед их санями летел солнечный луч и как березки, на которых распустились почки, зазеленели.

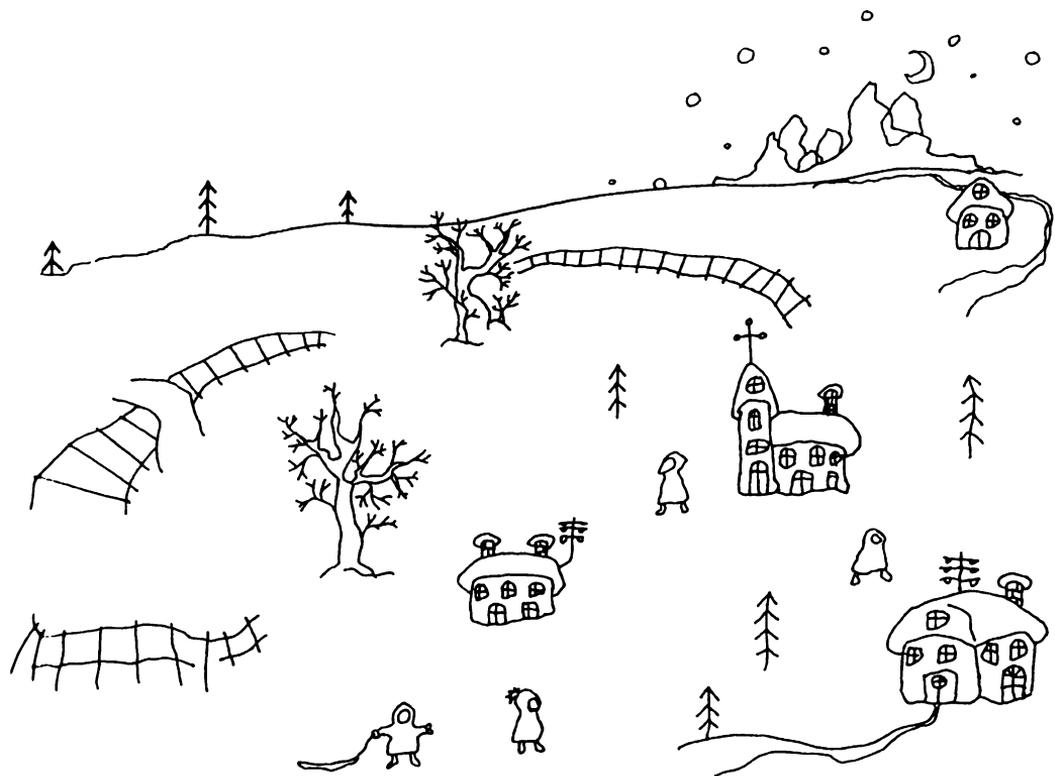
Когда торпарское семейство вошло в церковь, там собралось уже множество прихожан. Но все казались робкими и напуганными. Шла молва, будто король в страшном недовольстве из-за того, что увидел, какая пустынная и одичалая у него страна! И поскольку был он весьма строг, то обвинил во всем свой народ и, по всей вероятности, собирается подвергнуть его суровой каре. О королеве известно было лишь то, что во время всего путешествия она мерзла и выглядела очень печальной.

Это знали уже все, и поэтому задрожали, когда королевские сани в один миг подкатили к церкви.

— Посмотри, как ярко вдруг засияло солнце! — промолвил король и вполне милостиво засмеялся. — Не понимаю, почему мне стало так радостно на душе?!

— Должно быть, это оттого, что Вы, Ваше Величество, хорошо позавтракали, — ответила королева. — Со мной творится то же самое.

— Должно быть, это оттого, что Вы, Ваше Величество, так сладко почивали нынче ночью, — сказал король. — Но посмотрите только, как прекрасна эта пу-

стынная Финляндия! Посмотрите, как ярко освещает солнце две высокие сосны в лесу. Здесь следует воздвигнуть королевскую усадьбу!

— Да, так и сделаем, — согласилась королева. — Должно быть, в здешней местности мягкий климат. Посмотрите, как на деревьях посреди зимы распускаются зеленые листья.

В тот же миг взгляд королевской четы упал на Сильвестра и Сильвию. Чтобы лучше видеть короля с королевой, дети взобрались на изгородь ближайшего

двора. Сильвия от радости болтала без умолку, так что высохшая изгородь, на которой сидела девочка, вдруг покрылась свежими зелеными листьями.

— Посмотрите на этих двух милых детишек!.. — молвила королева. — Пусть подойдут к нашим саням.

Дети подошли к королевским саням, оба держа пальчик во рту, что, по их разумению, слыло высочайшей модой в подобных случаях.

— Послушайте, — начал король, — вы мне по душе пришлись, при виде вас становится так тепло и весело на сердце! Садитесь в сани и поедem к нашему королевскому двору. Вас оденут в роскошное платье, и вы будете радовать всех вокруг.

— Спасибо, господин король, — в один голос отвечали Сильвестр и Сильвия. — Но нам больше по душе радовать батюшку с матушкой у нас дома. А при королевском дворе мы будем скучать по соснам Достаньтучу и Зацепибородойоблако.

— А разве нельзя взять с собой Достаньтучу и Зацепибородойоблако? — спросила королева.

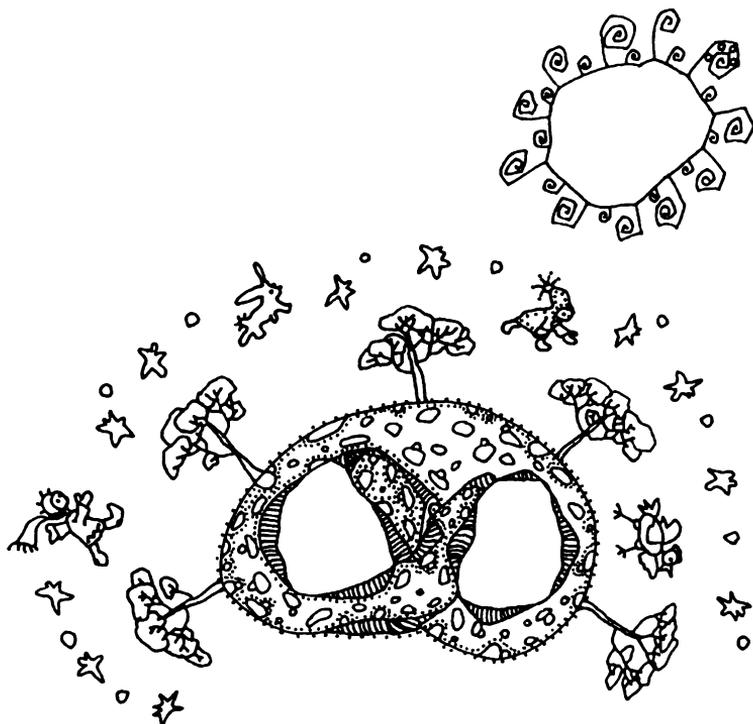
У нее вдруг стало так непостижимо тепло на сердце!

— Нет, спасибо, фру¹ королева, — отвечали дети, — ничего не получится, ведь это — сосны, и они растут в лесу.

— И чего только дети не придумают, — подивились король с королевой и расхохотались так, что королевские сани подпрыгнули.

---

¹ Госпожа, дама, хозяйка (шв.).

И были король с королевой на сей раз так веселы и милостивы, что народ только диву давался! Всем раздали по золотому, а Сильвии с Сильвестром подарили еще большой королевский крендель, который испек для этой поездки королевский пекарь. И был тот крендель такой огромный, что тащила его четверка лошадей! Сильвия и Сильвестр поделились королевским угощением со всеми ребятишками в округе, и у них еще столько осталось, что лошаденка торпаря едва дотащила домой все оставшиеся ломти кренделя.

По дороге торпарка шепнула мужу:

— А ты знаешь, почему король с королевой были так веселы?

Нет, — ответил торпарь.

А потому, что Сильвестр и Сильвия смотрели на них. Вспомни-ка, что я тебе давеча рассказывала.

— Молчи, — приказал ей муж, — не говори об этом детям. — Лучше им не знать о тех диковинных дарах, которых ни один человек не разумеет.

Сильвестр и Сильвия страшно радовались огромному королевскому кренделю и вовсе позабыли, что могут творить солнечный свет и заставляя снег таять. Они сами ведать не ведали, как при виде их на сердце у людей становилось тепло и весело. Да и родителям доставляли они сердечную радость. А вся окрестность вокруг торпа превратилась мало-помалу в чудесные поля и зеленые рощи, где всю зиму пели весенние пташки.

Однажды Сильвестр с Сильвией пришли навестить своих старых друзей Достаньтучу и Зацепибородой-облако. В тот день как раз бушевала зимняя Буря. Ветер шумел, свистел, неистовствуя в высоких темных кронах сосен, и они вновь запели свою старую песню:

О-хо-хо! О-хо-хо!
Мы уж давным-давно старики,
Но в бурю стоим — сильны, высоки!
И кружат веками
Снега над нами,
И дождь весной
Стучит по земле,
И туман лесной
Ползет на заре...

О-хо-хо! О-хо-хо!
Мы уже давным-давно старики,
Но сильны, как прежде, и высоки!

Но только допели они слова этой песни, как вдруг раздался страшный треск, и вот уже обе сосны — Достаньтучу и Зацепибородойоблако — лежат, сраженные Бурей, на земле. Достаньтучу было в то время триста девяносто три года, а Зацепибородойоблако — триста пятьдесят пять. Они и сами не заметили, как корни их мало-помалу увяли и прогнили, так что ветрам небесным удалось одержать над ними верх.

Сильвия и Сильвестр ласково погладили мшистые стволы упавших сосен и сказали им на прощание такие ласковые слова, что снег вокруг растаял, а над мертвыми деревьями выросли высокие-превысокие бледно-розовые цветы вереска!

Вот так и обрели свой вечный покой — в цветах — Достаньтучу и Зацепибородойоблако.

Сампо-Лопаренок

Лапландская сказка

Жили-были в стародавние времена лапландец и лапландка, или, как их еще называют, лопарь и лопарка¹. Знаешь ли ты, кто они такие? Лапландцы — народ, что обитает к северу от шведов, норвежцев и финнов на самом Крайнем Севере. Там, где не увидишь больше полей, и настоящего, дремучего леса, и добротных домов, а где одни лишь огромные, безлюдные болота, и высокие горы, и крохотные лачуги — чумы, куда нельзя войти даже согнувшись, а приходится вползать, — вот там и живут лапландцы. Диковинная у них страна! Полгода там почти постоянно светло, так что солнце в разгар лета никогда не заходит, а полгода там почти постоянно темно, так что зимой весь день напролет сияют звезды. Десять месяцев в году там стоит зима и держится санный путь, и тогда видишь, как низкорослые лапландцы и лапландки катят по снегу в маленьких лодках, что называются пулками. А в пул-

---

¹ Употребляемое в литературе старое название народа саамов, живущих на севере Финляндии, Швеции, Норвегии, а также на западе Мурманской области России.

ку — лапландские сани — запряжен вовсе не конь, а олень! Видел ты когда-нибудь оленя? Нет? Так вот! По величине он напоминает небольшого серого конька, у оленя высокие ветвистые рога и красивая маленькая голова с большими ясными глазами. И когда он мчится вперед, словно вихрь проносится над горами и долами, а копыта его так и стучат! Лапландцу, сидящему в пулке, это по душе, и ему хочется, чтобы круглый год в Лапландии был бы такой чудесный санный путь!

Как уже сказано, жили-были лопарь и лопарка. Жили они далеко-далеко в Лапландии, в том месте, что зовется Аймио и находится рядом с большой рекой Теноёки, или Тана. Ты можешь разглядеть его в самой верхней части карты Финляндии, где Лапландские земли кажутся большим белым ночным колпаком на высокой голове страны. Место это — безлюдное и дикое, но лапландец и лапландка наверняка полагали, что нигде на всем земном шаре не увидишь такого белого снега, и таких ярких звезд, и такого великолепного Северного сияния, как там, в Аймио. Там они, по-своему обыкновению, и построили чум. Деревья в их краях, можно сказать, не росли, кроме низкорослых березок, что больше походили на кусты, чем на деревья. И где же было им взять древесину, чтобы построить дом? Поэтому они и собрали узкие длинные палки, воткнули их в снег и связали меж собой верхние концы. Затем покрыли палки оленьими шкурами, так что все вместе взятое

напоминало серую сахарную голову. Вот так и соорудили они свой чум. Но на вершине сахарной головы оставили отдушину, через которую выходил дым, когда в чуме зажигали огонь в очаге. А с южной стороны оставили другое отверстие, дверной проем, в который можно было влезать в чум и откуда можно было вылезать на волю. Таков и был лапландский чум, и лапландцы почитали его великолепным и благоденствовали в нем, хотя другой кровати и другого пола, кроме белого снега, у них не было.

Так вот, жили лапландец и лапландка на Севере в горах Лапландии, и был у них маленький сынок, а звали его Сампо. Имя это в Лапландии означает «Счастье». Однако же Сампо был не только счастлив, но и богат: у него имелось два имени. Одного ему было мало. Заглянули как-то в их чум незнакомые господа в богатых шубах и попросились отдохнуть. И были у них с собой кусочки твердого белого снега, каких лопарка никогда раньше не видывала, а назывались они «сахаром». Господа дали несколько кусочков этого сладкого белого снега маленькому Сампо и потрепали его по щеке, повторяя:

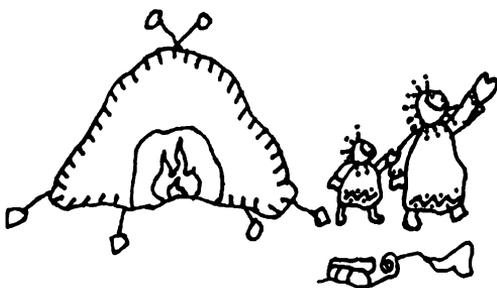
— Лопаренок, лопаренок!

Ничего другого сказать они не могли, потому как ни один из них по-лопарски не говорил. А потом они снова укатили еще дальше к Северному Ледовитому океану и самому северному мысу Европы, что зовется Северный Полюс.

Лопарке пришлось по душе и незнакомые господа, и их сладкий снег. Поэтому и стала она с той поры на-

зывать своего сына Лопаренок.

— По мне, так Сампо — куда лучше, — рассерженно говорил хозяин чума. «Сампо» означает «счастье» и «богатство». И гово-

рю тебе, матушка, не отказывайся от этого имени. Помяни мое слово, Сампо станет королем лопарей и владыкой оленей, — а их у него будет больше тысячи, — да еще и хозяином пятидесяти лопарских чумов. Вот увидишь, мать, вот увидишь!

— Да, но Лопаренок — звучит так славно, — ответила лопарка.

И все равно звала мальчика Лопаренок, а отец величал его Сампо.

Надобно знать, что мальчик еще не был окрещен, потому что ни единого пастора о ту пору на двадцать миль в округе не было.

— В будущем году поедем к пастору и окрестим мальчонку, — говаривал то и дело лопарь.

Однако на будущий год обязательно что-нибудь да мешало. Поездку откладывали, а Сампо как был, так и остался некрещеным. А в те времена верили, что у троллей есть власть над некрещеными детьми.

Сампо-Лопаренок был теперь невысоким пухленьким мальчонкой семи или восьми лет, черноволосым, кареглазым, с курносеньким носиком и широким

ртом, ну прямо вылитый отец-лопарь. Но в Лапландии это считалось эталоном красоты. К тому же для своих лет Сампо слыл парнишкой не из слабых. Были у него и свои собственные маленькие лыжи, на которых он, словно танцуя, мчался вниз с высоких холмов у реки, да еще собственный олененок, которого он запрягал в собственную пулку. Фью-фью!.. Видел бы ты, как клубился вокруг Сампо снег, когда олененок несся по льду или перескакивал через высокие снежные сугробы, да так, что самого мальчишки, кроме маленького кончика его черной челки, не было видно.

— Не знать мне покоя на душе, покуда мальчонку не окрестят, — говаривала мама-лопарка. Волки могут схватить его там в горах. Он может угодить под копыта золаторого оленя, того, что принадлежит самому Хииси, и тогда... Боже, смилуйся над бедняжкой, если он к тому времени останется некрещеным.

Сампо угораздило услышать как-то слова матери, и ему стало любопытно, что это за олень, у которого золотые рога.

— Замечательный, должно быть, тот олень, — решил он. — Вот бы прокатиться на нем хоть разок и добраться до самого Растекайса.

Растекайс — Пустынная гора — была такая высокая, что ее видно было даже в пяти или шести милях от чума лопарей до самого Аймио.

— Не смей глупости болтать, ты, зазнайка! — выругала мальчика мать. — Растекайс — настоящее гнездовье троллей, да и Хииси там живет.

— Хииси... это кто такой? — спросил Сампо.

Женщина смутилась. «Ну и слух у мальчонки, — подумала она. — Да и зачем я-то болтала при нем о таких вещах? Но, может, и не худо, коли он станет бояться горы Растекайс».

— Милый мой Лопаренок, — наказала она сыну, — никогда не езжай на Растекайс! Там живет Хииси, огромный Горный король, что за один присест съедает оленя, а мальчишек глотает, словно комаров.

Сампо, как видно, задумался, но не произнес ни слова. Думал же он вот что: «До чего здорово было бы хоть разок увидеть такую важную птицу, как Горный король-великан, но только, поди, лучше глядеть на него издалека!»

Дело было через три или четыре недели после Рождества, и в Лапландских землях стояла еще полная тем-

ноги. Там не было ни утра, ни полудня, ни вечера, и сияла лишь одна вечная ночь. Светила луна, сверкало Северное сияние, а яркие звезды сутками горели в небе.

Сампо скучал. Он так давно не видел Солнце, что почти забыл, как оно выглядит. А когда кто-нибудь говорил про лето, Сампо вспоминал только то, что это было тогда, когда злющие комары хотели до последней косточки сожрать его. Поэтому Сампо казалось, что пусть бы лето исчезло навсегда, но только стало бы светло, чтобы удобнее ходить на лыжах.

Однажды, почти в полдень, — хотя было темно — лопарь сказал:

— Иди-ка сюда, кое-что увидишь!

Сампо вылез из чума и оцепенело поглядел на юг, в ту сторону, куда ему указывал отец. И на самом краю неба увидел маленькую алую полоску.

— Знаешь, что это? — спросил отец.

— Южное сияние, — ответил мальчик. Он хорошо знал стороны света и, верно, понимал, что увидеть Северное сияние на юге — невозможно.

— Нет, — возразил лопарь, — это предвестник Солнца. Завтра или послезавтра мы, может статься, увидим и само Солнце. Глянь-ка, какой, однако, чудный красный свет падает на вершину Растекайса!

Сампо посмотрел на запад и увидел, что снег на темной мрачной вершине Растекайса окрасился в алый цвет. И тут же ему пришло в голову: «Как чудесно было бы хоть издалека увидеть Горного короля!»

Целый день и еще полночи Сампо обдумывал, как бы это сделать. Ему надо бы спать, но он не мог. «Нет, — размышлял он, — было бы просто здорово хоть один разок увидеть Горного короля!» Он все думал... думал... и в конце концов тихонько вылез из-под оленьих шкур и выбрался через дверной проем из чума.

Стоял такой холод, что звезды искрились, а снег под ногами так и скрипел. Но Сампо-Лопаренок не был избалован, и такое его ничуть не смущало. Вообще-то оделся он тепло, на нем была меховая парка¹, меховые штаны, меховая шапка, меховые рукавички и лопарские унты. Он стоял, глядя на звезды и думая, что же ему теперь делать.

И тут услышал, что неподалеку от него скребется копытцами в снегу его маленький олененок.

«А что, если мне немного покататься?» — подумал Сампо.

Сказано — сделано! Сампо привычно запряг олененка в пулку и вихрем вылетел на бескрайнее снежное поле.

«Прокачусь-ка малость в сторону Растекайса, — решил он, — ну самую малость». И понесся вперед по льду замерзшей реки Тана, а потом поднялся наверх, на другой берег. И тогда Сампо очутился уже в пределах королевства Норвегия, поскольку река Тана — это граница между Финляндией и Норвегией. Но этого Сампо не понимал.

---

¹ Зимняя верхняя одежда народов Севера — глухая, без разрезов и без пуговиц, надевается шерстью наружу; может быть украшена цветной оторочкой.

— Ты, что читаешь эту сказку о Сампо-Лопаренке, пел ли ты когда-нибудь: «Беги, мой славный олень»? Знакома ли тебе эта великолепная песня, сочиненная дражайшим, добрейшим епископом Франсеном¹, любимцем всей Финляндии? И видел ли ты титульный

лист четвертой части его прекрасных песен? Там изображен мальчик, едущий по снегу со своим оленем, — это как раз Сампо-Лопаренок и есть. Именно так он и сидел, напевая самому себе:

День все темней, все короче,
А дорога длинней, чем ночь.
Уйдем же отсюда прочь —
С песней навстречу ночи.
Здесь радости нас не ждут —
Здесь только волки живут.

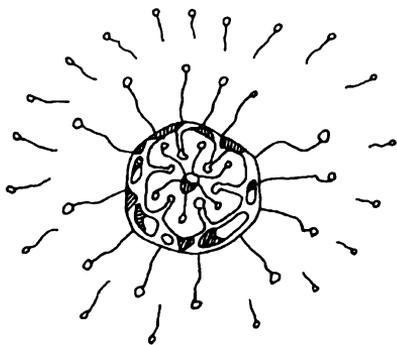
И Сампо увидел вдруг, как в темноте, словно серые псы, бегут вокруг саней волки, приюхиваясь к оленю, но не обратил на них внимания. Он, верно, знал, что ни одному волку не даны такие быстрые ноги, как ему.

Ух, ну и летела же вперед пулка! В ушах свистело, но Сампо-Лопаренок, ни на что не обращая внимания,

---

¹ Прославленный финляндский поэт и ученый Франсен Франс Микаэль (1772–1847) служил также пастором, а затем епископом в Швеции.

все летел и летел вперед. Да так, что только снег скрипел под копытцами олененка. Месяц на небе плыл с ним наперегонки, а высокие скалы, казалось, бежали назад. До чего весело было мчаться вперед!

Но тут случилось так, что пулка внезапно перевернулась. Олененок же ничего не заметил, он решил, как видно, что Сампо по-прежнему сидит в пулке, и продолжал свой путь — все бежал и бежал вперед. А Сампо, словно крыса, остался лежать в снегу темной ночью посреди бескрайней дикой вересковой пустоши, где на много-много миль вокруг не найдешь ни единого человеческого жилья.

Не мудрено, что Сампо вначале был немного ошарашен. Он выбрался из снежного сугроба без малейшей царапины — он ничуть не пострадал, да что толку?! Насколько хватало глаз, при слабом свете месяца он видел кругом лишь сугробы, заснеженные поля да высокие горы. Однако же одна гора возвышалась надо всеми остальными, и Сампо понял, что он возле самой горы Растекайс.

Внезапно ему вспомнилось, что здесь живет свирепый Король гор! Это он съедает за один присест оленя и глотает, словно комаров, маленьких мальчишек! Тут Сампо испугался. Ах, до чего же захотелось ему снова

очутиться дома,
у отца с матерью,
в их теплом чуме! Но
как попасть туда? И не слу-
чится ли вдруг так, что не успеет
он опомниться, как Горный король най-
дет его в сугробе и проглотит вместе с меховыми
штанами и рукавичками, как любого беднягу-комара?

Да, вот так и сидел теперь Сампо-Лопаренок один-
одинешенек в снегу и во мраке. А видя пред собой высо-
кую черную тень горы Растекайс, где жил Горный ко-
роль, он чувствовал себя так ужасно! Не помогало даже
то, что он плакал в сугробе: ведь все его слезы мгновен-
но замерзали, превращаясь в льдинки, и скатывались,
как горошинки, вниз на шерстинки его маленькой оле-
ней парки. Поэтому Сампо решил, что плакать беспо-
лезно, и вылез из сугроба, чтобы побегать и согреться.

«Если я останусь здесь, то замерзну до смерти, —
сказал он самому себе. — Уж лучше пойти к Горному
королю. А коли он меня съест, ну так съест! Пускай!
Но я все-таки скажу ему: пусть лучше ест здешних

волков. Из них жаркое — жирнее, да и меньше возни с одежкой!»

Сампо начал карабкаться вверх на высокую гору. Но не успел он немного подняться ввысь, как услышал: кто-то топочет лапами по снегу, и в тот же миг рядом с ним очутился большой косматый волк. Маленькое сердечко лопаренка екнуло, но он решил, будто ни капельки не боится.

— Нечего перебегать мне дорогу! — закричал он волку. — У меня дело к Горному королю, и береги свою шкуру, Серый, если подойдешь ко мне слишком близко!

— Ну-ну, поспешай, не торопясь, — успокоил его волк (ведь на горе Растекайс все животные умеют говорить). — Кто же ты, малыш, что ковыляешь по снегу?

— Меня зовут Сампо-Лопаренок. А ты кто?

— Я верховный волк его Величества Горного короля, его приближенный, — ответил зверь, — и я бегаю в горах, сзывая подвластный ему народец на великий праздник Солнца. А раз тебе со мной по пути, можешь сесть ко мне на спину — и въедешь на гору верхом.

Сампо, не долго думая, взобрался на мохнатую волчью спину, и волк помчался галопом, перепрыгивая через расселины и пропасти.

— А что такое праздник Солнца? — спросил Сампо.

— Неужто ты не знаешь? — в свою очередь спросил волк. — После того как всю долгую зимнюю пору в Лапландии бывает темно, Солнце впервые всходит на небе,

и мы празднуем день торжества Солнца. Тогда все животные, все тролли и прочая нечисть со всего севера собираются на Растекайсе, и никто из них не смеет наносить вред другому. Твое счастье, Сампо-Лопаренок, что ты попался мне на глаза в такой день, не то я бы тебя давным-давно съел.

— А для Горного короля этот закон тоже писан? — спросил Сампо.

— Само собой, — ответил волк. — Целый час до восхода Солнца и час после его захода даже сам Горный король не посмеет тронуть и волосок у тебя на голове. Но когда это время истечет, берегись! Если ты еще задержишься в горах, то сто тысяч волков и тысяча медведей ринутся на тебя, а Горный король схватит того, кто первым попадет к нему под руку. И тут-то Сампо-Лопаренку конец!

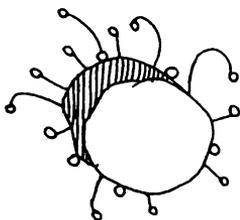
— А когда грянет опасность, ты не поможешь мне выбраться с Растекайса? Будь добр, помоги, — с бьющимся сердцем попросил Сампо.

Волк как расхохочется! (Потому что на горе Растекайс волки умеют не только говорить, но и хохотать.)

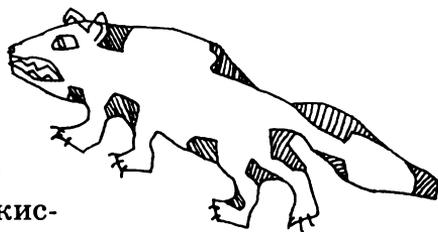
— И не мечтай об этом, милый Сампо! — заявил он. — Наоборот, я буду первым, кто схватит тебя! Ты — мальчишка пухленький да ладный, на оленьем молоке да на оленьем сыре вскормленный. Ну и вкусный же завтрак ожидает меня на рассвете!

Сампо подумал, не лучше ли тут же спрыгнуть с волчьей спины! Но было слишком поздно. Они уже взобрались на вершину горы, и диковинное зрели-

ще представилось их глазам. На троне из высоких до небес скал сидел великий Горный король в шапке из белой снежной тучи.

Глаза его были словно две полные луны, если бы они взошли над лесом, нос, как горная вершина, рот, словно горная расселина, борода, как кисточка из длинных ледяных сосуллек, а руки толстые, как горная сосна, кисти, словно еловые ветви, ноги и ступни, как меловые утесы зимой, а белая широкая шуба, словно снежная гора. Но если ты спросишь, как Сампо посреди ночи разглядел Горного короля и его народец, знай, что кругом блестел и сверкал снег, а на небе полыхало ярчайшее Северное сияние.

Вокруг Горного короля сидели миллионы горных троллей и серых старичков-домовичков, таких маленьких, что когда они семенили по заснеженному ледяному насту, следы их ножек были ничуть не больше беличьих. Они собрались здесь с самых дальних концов-света, с Новой Земли и Шпицбергена, из Гренландии и Исландии, даже с самого Северного полюса, чтобы поклониться Солнцу. Но сделали это только из страха. Вообще-то тролли терпеть не могут Солнце и желали бы, чтоб оно, однажды опустившись за пусты-

ными горами, вовсе никогда не всходило. Чуть по-дальше длинными плотными рядами стояли все крупные и мелкие животные Лапландии, начиная от медведей, волков и россомахи вплоть до кротких оленей, маленькой крысы и шустрой оленьей блохи. Но комары так сюда и не попали. Они попросту замерзли.

Все это с величайшим удивлением наблюдал Сампо-Лопаренок. Он незаметно слез с волчьей спины и спрятался за огромным валуном, желая посмотреть, что будет дальше. Горный король поднял свою громадную голову, так что снег вихрем закружился вокруг него, а Северное сияние, словно ореол, засветилось над его лбом, и захлопал в ледяные ладоши с такой силой, что эхо, будто гром, отозвалось в горах. Тролли завопили от радости, а стоявшие вокруг животные закричали от страха. Это позабавило Горного короля, и он громко на всю вересковую пустошь возвестил:

— Да будет так! Да будет так! Вечная зима и вечная ночь! Вот это мне по нраву!

— Да-да, да будет так! — во всю глотку заорали тролли, так как ночь и зима были им куда больше по нраву, нежели лето и солнечный свет. Все хищные звери думали точно так же, как тролли, однако олени ничуть не возражали бы против лета, если б только не вспоминали лапландских комаров. Только маленькая оленья блоха безоговорочно жаждала лета, и поэтому запищала как можно громче:

— Ваше Величество, господин король, ведь мы явились сюда, чтобы дождаться Солнца!

— А ну замолчи, ты, жалкая букашка! — заревел рядом с ней белый медведь. — Нынче Солнце скроется навсегда! Солнце погасло, Солнце мертво!

— Солнце погасло, Солнце мертво! — забормотали животные, а вся природа содрогнулась.

Огромный Горный король повысил свой и без того громкий голос, и снова тот прогремел над дикими безлюдными вересковыми пустошами:

— Да будет так! Солнце мертво! Весь мир падет ниц и преклонится предо мной, королем вечной зимы и вечной ночи!

Слова эти жутко разозлили Сампо-Лопаренка, сидевшего в своем убежище за камнем. Выйдя оттуда, он закричал своим тоненьким дерзким голоском:

— Ты лжешь, Горный король, ты лжешь! Хоть ты и взрослый и огромный, а все равно — лжешь! Вчера я видел свет среди туч, свет — предвестник Солнца! Солнце не умерло! А твоя борода к середине лета, ко дню летнего солнцестояния, растает!

При этих словах чело Горного короля потемнело. Позабыв все законы, он поднял было длинную грозную руку, чтобы сокрушить Сампо-Лопаренка. Но в тот же миг Северное сияние начало блекнуть. Алая полоска переместилась высоко на небе и засветила Горному королю прямо в его мерзлое лицо, ослепило внезапно и заставило опуститься его руку. И тогда стало видно, как Солнце медленно и величественно поднимается на краю неба, освещая горы, дикие пустоши, троллей и маленького смелого Сампо-Лопаренка. В один миг озарился светом и снег, словно на него пролился дождь из многих миллионов роз, и в глазах у всех, проникая в самое сердце каждого, засияло Солнце. Даже те, кто больше всех радовались, что Солнце мертво, теперь уже искренне улыбались ему. До чего ж забавно было видеть удивление троллей! Уставившись на Солнце, они моргали своими маленькими серыми глазками из-под красных ночных колпаков. А борода огромного ужасного Горного короля начала таять, и капли воды потекли ручьем вниз на его широкую снежную шубу.

Но к тому времени, когда все глядели на Солнце, пока оно снова не скрылось за горами, почти минул

первый час. Сампо-Лопаренок услышал, как один из оленей сказал своему олененку:

— Пошли, пошли отсюда, милый сынок, пора убираться, а не то нас съедят волки!

Тут Сампо вспомнил, что это грозит и ему, если он будет еще дольше медлить. И увидев рядом с собой великолепного оленя с чудесными золотыми рогами, он, не раздумывая, вскочил ему на спину. Тот помчался во весь опор вниз по крутым горным склонам.

— Что за чудной шум слышится у нас за спиной? — спросил через некоторое время Сампо.

— Это тысяча медведей гонится за нами, чтобы проглотить нас, — ответил олень. — Но не бойся! Я личный олень Горного короля и я заколдован, так что ни один медведь никогда еще не наступил мне на пятки!

Так мчались они еще некоторое время. И тогда Сампо спросил:

Кто так чудно и тяжело дышит у нас за спиной?

Олень ответил:

— Это сто тысяч волков несется галопом, чтобы разорвать в клочья тебя и меня. Но не бойся! Ни один волк еще не перегнал меня на диких вересковых пустошах в горах!

Они снова мчались вперед некоторое время. Тут Сампо-Лопаренок и спрашивает:

— Может, это гром гремит в здешних горах?

— Нет! — ответил, дрожа всем телом, олень. — Это сам Горный король шагает за нами гигантскими шагами. Теперь нам конец! Ведь от него никому не уйти!

— А нет никакого средства против него? — спросил Сампо.

— Нет, — отвечал олень, — тут никакого другого средства нет, разве что успеть добраться до усадьбы пастора у озера Энаре. Если попадем туда, мы спасены! Над христианами у Горного короля никакой власти нет!

— Да, — взмолился Сампо, — беги, мой добрый олешек, беги через горы, доли и поля, а я накормлю тебя золотым овсом из серебряных яслей.

И олень бежал, бежал со всех ног. Но лишь только они успели вбежать в дом пастора, как Горный король оказался уже во дворе усадьбы и так сильно заколотил в дверь, что все решили: дом вот-вот разлетится на куски.

— Кто там? — спросил пастор.

— Это я — отозвался громовой голос на дворе. —
Отвори Горному королю! Там у тебя — некрещеное
дитя, а все дети-язычники — мои!

— погоди немного, пока я надену рясу да белый
воротничок, дабы достойно встретить такого знатного
господина, — ответил за дверь пастор.

Так и быть, иди одевайся, — взревел Горный король, но поторопись, а не то я выбью дверь!

— Сейчас, сейчас, милостивый господин, — отвечал пастор.

Но сам тут же принес чашу с водой, да и окрестил Сампо-Лопаренка.

— Ну, ты еще не готов? — снова взревел Горный король, поднимая свою громадную грозную ножищу, чтобы сокрушить дом пастора.

Но тут пастор собственноручно отворил дверь и сказал:

— Убирайся прочь, ты, король ночи, зимы и мрака! С этим ребенком тебе ничего не сделать! Сампо-Лопаренок не принадлежит тебе, он принадлежит Богу.

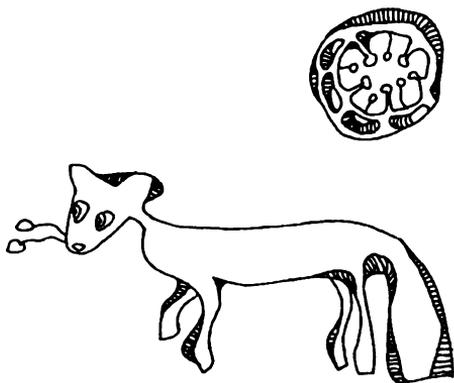
Разъярился тут Горный король сверх всякой меры, да так, что лопнул и превратился в жуткую снежную бурю.

Густой снег валил так, что засыпал даже крышу дома пастора, и люди в нем подумали, что им не миновать смерти в этом снежном сугробе. Один пастор был спокоен, читал свои молитвы да и ждал следующего утреннего часа. А когда этот час настал, Солнце озарило снег, снег растаял, и усадьба пастора была спасена.

Сампо-Лопаренок поблагодарил доброго пастора и одолжил у него пулку, потом запряг в нее златорогого оленя и помчался домой!

Ну и обрадовались же его родители, когда Сампо-Лопаренок так нежданно-негаданно вернулся домой!

Но то, как Сампо стал потом важным господином и кормил своего оленя золотым овсом из серебряных яслей, — это совсем другая история. И рассказывать ее долго придется. Сказывают, будто лапландцы с той поры не откладывают больше из года в год крещение своих детей. Ведь кому захочется видеть, как Горный король пожирает малышей?! Сампо-Лопаренку ведомо, что это значит. Ему ведомо, каково это, когда в горах гремит гром!

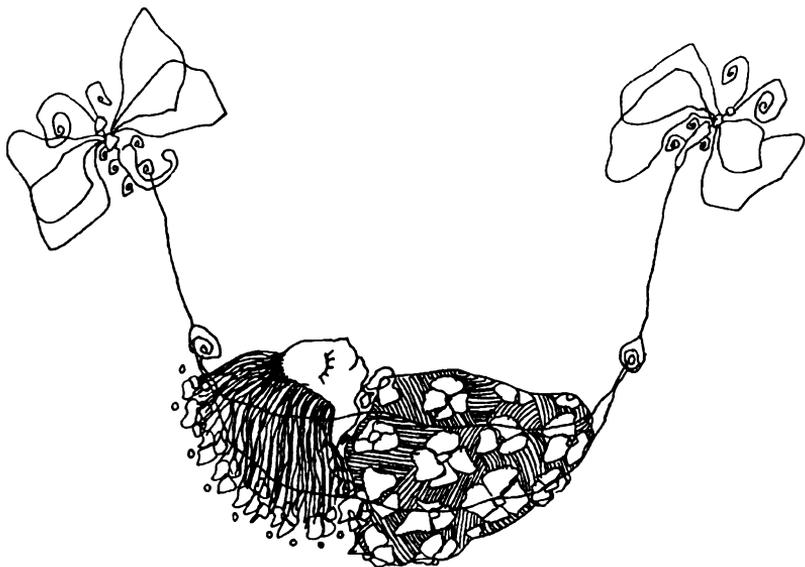
Жемчужина Адальмины

Жили-были в давние времена король с королевой, и была у них малютка — единственное дитя своих родителей, а звали ее — Адальмина. Поскольку была она к тому же королевская дочь, называли ее еще — принцесса.

На крестины принцессы Адальмины пригласили в крестные матери двух добрых фей — фею Алую и фею Лиловую. Так уж водится у сказочных королей... И две добрые феи не забыли одарить маленькую принцессу!

Крестная мать Алая фея преподнесла ей большую драгоценную жемчужину такой красоты, что никто никогда ничего подобного не видывал, а вдобавок — еще три других дара.

— Знайте же, — молвила фея, — до тех пор, пока принцесса носит эту жемчужину, она с каждым днем будет все *красше*, все *богаче* и *разумнее*. Но коли она свою жемчужину потеряет, она тотчас же утратит и красу свою, и богатство, да и ум тоже, и тут уж никому не помочь! Их ей не вернуть, куда она не обретет свою жемчужину снова.

Лиловая фея молвила:

— Адальмина получила три таких великих дара, что многие не пожелали бы себе ничего более прекрасного на свете. Но есть еще один дар, и лучше его в этом мире нет. Я наделю им Адальмину, однако с уговором. Пока принцесса владеет жемчужиной и тремя прочими дарами Алой феи, дар мой никакой силы не имеет. Но коли она жемчужину потеряет, а вместе с ней и красу свою, свое богатство и ум, она тут же обретет взамен мой дар! А это — доброе *незлобивое сердце!*

С этими словами обе феи распрощались да тут же и исчезли, словно два белых облачка

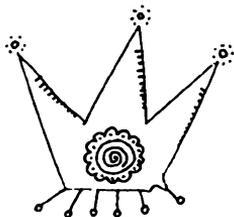

на голубом летнем небосклоне. Король с королевой были очень довольны. А втайне думали:

— Если только наша малютка-принцесса станет красива, богата и разумна, неважно, каким будет ее сердце. Мы станем охранять ее жемчужину, и тогда ей не понадобится нищенский дар Лиловой феи! Нет, Алой фее лучше ведомо, что нужно принцессе! Ее дары — королевские, а Лиловая фея, приходится признать, поскупилась. Она подала дорогому нашему дитяти милостыню. Точь-в-точь так же, как бросают медную монетку нищей девчонке у проселочной дороги.

Повелел тут король выковать золотую корону, что была бы малютке Адальмине впору, а сработана так, чтобы, когда принцесса росла и становилась старше, вместе с ней росла бы и ее корона. Но всем другим корона не должна быть впору — либо слишком велика, либо слишком мала. Корону увенчали вершьем с той самой жемчужиной, притом вправленной так крепко, что потерять ее было просто невозможно.

Корону водрузили на головку Адальмины, и принцесса постоянно носила ее — и когда спала, и когда бодрствовала.

Но поскольку король с королевой все-таки боялись лишиться жемчужины, принцессе строго-настрого запретили когда-либо выходить за большую калитку, что отделяла королевский двор от парка. Четыре камердинера и четыре камер-фрейлины

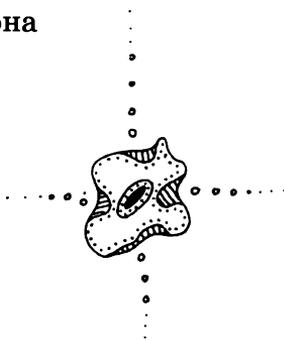
постоянно следовали за ней, когда она выходила из замка, и им было строго-настрого наказано охранять принцессу и ее жемчужину.

Принцесса подрастала, и все свершалось точь-в-точь так, как предсказала Алая фея. Куда бы ни шла Адальмина, ее всюду озаряло солнечное сияние. Она стала самой красивой девочкой, какой еще свет не видывал, столь красивой, что весенним вечером ее маленькие глазки сияли, словно ясные серебряные звездочки. А все цветы, склоняясь пред ней, говорили:

— Ты краше нас!

А еще принцесса стала так богата, что драгоценные сокровища просто-напросто росли вокруг нее! Пол в покоях Адальмины был из серебра и перламутра; стены — сплошь зеркальные, а потолок из золота, усыпанного алмазами. Все так и сверкало! Адальмина ела на золоте, спала на золотой кровати и одевалась в тканые золотом платья. Да, если бы золото можно было есть, она бы золотом и кормилась, однако оно такое твердое, что никак его не раскусить...

Была же принцесса столь умна, что отгадывала самые трудные загадки и запоминала самые длинные уроки, стоило ей хотя бы раз заглянуть в книжку. Все мудрецы королевства собирались в замке и задавали Адальмине вопросы. Однако все сходились в одном: таковой умницы-разумницы, как принцесса, во всем мире

не сыщешь, да и никогда больше такой, покуда свет стоит, не будет!

Ну да. Все это было прекрасно! Не грех быть красивой, богатой и разумной, коли сумеешь распорядиться своими дарованиями согласно воле Божьей. Но в этом-то вся и загвоздка! Король с королевой полагали, что Адальмина — самое лучшее и самое совершенное создание на земле; однако же беда в том, что и сама принцесса начала думать точно так же. Пока все неизменно повторяли ей, что она — в тысячу раз краше, богаче и мудрее, чем все другие, она стала такой надменной, что почитала всех на свете, да и своих родителей тоже, куда ниже себя. Бедняжка Адальмина! Подобное высокомерие было грязным пятном на всем ее блеске, уродовало ее красоту, обращало принцессу в нищую при всем ее богатстве, делало ее неразумной при всем ее уме. До чего ж была она близка к своей гибели!

Ведь чем старше, тем надменнее и высокомернее становилась Адальмина, а надменность и высокомерие всегда влекут за собой ужасающие пороки. Адальмина сделалась злой, жадной и завистливой. Стоило ей увидеть в саду красивый цветок, как она поспешно затаптывала его ногой, ведь никто не должен был быть красив, кроме нее. Стоило Адальмине встретить другую принцессу, катившую в позолоченной карете, это приводило ее в неопикуемый гнев, ибо никому не должно было быть богатым и знатным, кроме нее. А если о другой девочке говорили, что она добра и разумна, Адальмина плакала горькими слезами от досады, ибо почему

какая-то другая тоже умна? Она делала все, что только взбредет ей в голову, и карала всех тех, кто не льстил ей прямо в лицо. Она была тиранка, которую все боялись и никто не любил. Король с королевой остались единственными во всем королевстве, кто не держал на нее зла.

Когда принцессе исполнилось пятнадцать лет, отправилась она однажды на прогулку. И захотелось ей выйти в парк, но калитка была заперта, а четверо камердинеров и четыре камер-фрейлины не осмеливались ее отпереть. Впервые посмели они послушаться принцессу! Ну и разозлилась же Адальмина! Да так, что красота ее померкла. Она надавала пощечин своим верным слугам, а затем перелезла через калитку. Когда камердинеры и камер-фрейлины последовали за ней, принцесса побежала прочь. Она мчалась все дальше и дальше так, что никто уже не мог больше ни видеть, ни отыскать ее.

Вскоре впервые в жизни Адальмина почувствовала жажду, усталость и присела у родника отдохнуть. Да, она соизволила даже зачерпнуть воду из родника своей нежной белой девичьей рукой и испить водицы, как это делают все люди, если никто не подает им с поклоном стакан воды на подносе. В тот же миг она увидела свое отражение на зеркальной глади родника.

— Ах, до чего ж я прекрасна! — сказала она самой себе и наклонилась как можно ближе к воде головку, чтобы получше себя разглядеть.

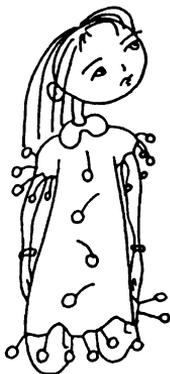
«Плюх!» — послышался плеск воды... Это золотая корона с жемчужиной упала с головы Адальмины и исчезла на дне родника.

Адальмина едва обратила на это внимание, столь поглощена она была созерцанием своей красоты. Но что же случилось потом?

Только-только родник снова успокоился и стал прозрачен, как в зеркале его вод принцесса увидела совсем другое отражение, нежели свое собственное. На зеркальной глади родника не было больше принцессы дивной красоты в тканном золотом платье, с драгоценной короной на голове и серьгами из сверкающих алмазов, она видела лишь жалкую уродливую беднягу-нищенку, простоволосую, нечесаную, босую, в рваной одежде.

С быстротою молнии исчез и весь ее великий ум: она стала столь же невежественна и необразованна, как самые заядлые неучи. В тот же миг утратила она и свою память, так что больше ведать не ведала, кто она такая, откуда явилась и куда намеревалась идти. Она лишь смутно ощущала, что с ней произошла какая-то огромная перемена. Это испугало Адальмину так, что она убежала прочь от родника. Она бежала все дальше и дальше в лес, не зная, куда держит путь.

Стемнело, послышался вой волков. Адальмину все сильнее и сильнее одолевал страх. Она все бежала и бежала, пока не увидела отблеск света. Свет шел из маленькой хижины, где жила бедная дряхлая старушка.

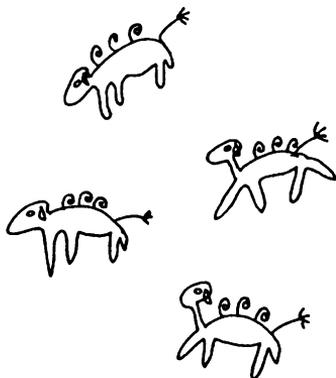
— Несчастное дитя, — пожалела Адальмину старушка, — откуда ты так поздно вечером?

Но ответить ей Адальмина не смогла. Она не знала, кто она и где живут ее родители. Старушке показалось это странным, но она сжалилась над бедной девушкой и сказала:

— Раз ты так несчастна и одинока на всем белом свете, живи у меня. Мне как раз надо, чтобы кто-нибудь пас моих коз в лесу. Придется это делать тебе, дитя мое, коли ты добра, скромна и довольствуешься малым.

Да, Адальмина была очень довольна и в знак благодарности поцеловала руку старушки. Потому что, хоть принцесса этого и не знала, Лиловая фея сдержала слово. Девушка обрела ныне то, что было дороже и красоты, и богатства, и ума, а именно — доброе незлобивое сердце. И была она ныне куда счастливее прежнего, хотя пасла коз и ела свой нищенский хлеб да спала на постели из соломы и мха. А стала она куда лучше прежнего, ибо у человека с мягким сердцем и совесть чиста, и он всегда рад и доволен. И куда бы теперь Адальмина ни шла, ее снова озаряло сияние солнца, но это было уже не сияние ее красоты, а сияние того, что много лучше...

Меж тем, когда принцесса исчезла, на королевском дворе начался ужасный переполох. Ничуть не помогло и то, что бедные камер-фрейлины и полубезумные от

страха камердинеры были брошены в мрачную тюремную башню, куда не попадали ни лучи солнца, ни свет луны. Король с королевой были безутешны. Они повелели всем подданным своего королевства надеть траур, а во всех церквях возвестить:

— Тот, кто вернет принцессу Адальмину в отчий замок, получит ее в жены и полкоролевства впридачу.

Как известно, так все и было заведено в те давние-предавние времена.

Награда была прекрасна, щедра, и немало принцев и рыцарей пожелало заслужить ее. Три долгих года скакали они верхом по всему белу свету и искали, искали принцессу, но никаких следов так и не нашли, даже такую малость, как позолоченный каблучок туфельки Адальмины.

Но вот однажды юный, но могучий принц Сигизмунд из франкских земель во время своих поисков очутился возле хижины дряхлой старушки. Она сидела там в траурном одеянии, не особо изысканном, но все-таки черном.

— О ком горюете, милая матушка? — спросил принц.

— Король повелел всем подданным оплакивать нашу принцессу, что исчезла, — ответила старушка. — По правде говоря, потеря эта — не больно велика! Ясное дело, принцесса казалась пригожа, богата да умна, но в народе сказывают, будто была она чванлива да жестокосердна, а потому никто во всем королевстве ее не любил.

В тот миг из леса вернулась домой со своими козами Адальмина. Поглядел на нее принц да и подивился, как девушка, что столь бедна и неприметна, могла все же так тронуть его сердце? Ведь она ему по душе прилась, хотя видел-то он не более чем мочку ее уха.

Принц спросил, не встречала ли она принцессу.

— Нет, — ответила Адальмина.

— Поразительно, — молвил принц. — Три долгих года я и думать не думал ни о ком, кроме моей малютки принцессы. Но отныне не стану я больше ее искать! Ныне желаю я построить замок в здешнем лесу и жить в нем до конца дней своих!

Сказано — сделано! Построил принц замок как раз близ родника, где Адальмина некогда глупенькой дурнушкой обернулась. И вот однажды, когда было очень тепло, принца мучила жажда и он наклонился, чтобы испить водицы из родника.

— Что может так ярко блестеть на дне? — спросил он самого себя. — Ну-ка погляжу, что же это такое!

Принц наклонился, сунул руку в родник и вытащил оттуда золотую корону с диковинно прекрасной жемчужиной. Подумать только! А что, если это — жемчужина Адальмины! Взял тут принц корону и тотчас же отправился в королевский замок. Не успели король с королевой увидеть драгоценную корону, как закричали оба в один голос:

— Это же корона Адальмины, жемчужина Адальмины! Ах, где же она сама? Где она, наша красавица? Где наша дорогая малютка принцесса?

Тут король прикинул, что принцессе, если она еще жива, должно быть, уже восемнадцать лет минуло. Вспомнил он и предсказание Алой феи и догадался обо всем, что на самом деле случилось. А потому повелел он возвестить во всех церквях:

«Всем девицам королевства восемнадцати лет от роду должно явиться на королевский двор, дабы примерить корону с жемчужиной Адальмины. И та, кому корона придется впору, будет признана настоящей принцессой, а принц Сигизмунд из франкских земель возьмет ее в жены».

Само собой, все девицы восемнадцати лет от роду тотчас же поспешили на королевский двор, а те, кто был чуть постарше или чуть помладше восемнадцати, притворились, будто забыли об этом.

Стоял прекрасный летний день, и, по меньшей мере, тысяча девушек томилась на королевском дворе в длинных рядах очереди, желая попытать счастья. С раннего утра до позднего вечера странствовала золотая корона с одной девичьей головки на другую. Примеряли ее все, но никому она впору не пришлась. Под конец стали девицы роптать:

— Да король смеется над нами! Давайте бросим жребий, кто выиграет, тому и корона, и принц достанутся.

Не по душе пришлись принцу Сигизмунду эти слова.

— Подождем, пока солнце сядет, — попросил он их.

— Ладно! Так и быть, — согласились девицы.

Перед заходом солнца выставили стража поглядеть, не идет ли еще кто-нибудь вдалеке по проселочной дороге. И вот принц крикнул:

— Страж! День клонится к вечеру. Не видать ли кого на дороге?

Страж ответил:

— Вижу, как цветы склоняют свои головки ко сну, ведь ночь близка! Но никого, никого на дороге не видать!

Вскоре принц спрашивает вновь:

— Вечер подходит к концу. Страж, не видать ли кого на дороге?

Страж отвечает:

— Тучка наползает на заходящее солнце, птица в лесу прячет головку под усталое крыло. Ночь уже совсем близка, но никого, никого на дороге не видать!

Вот принц спрашивает снова:

— Страж! Вечер кончился, уж не видать ли кого на дороге?

Страж отвечает:

— Далеко-далеко у лесной опушки вижу легкое облачко пыли. Оно все ближе и ближе. Вижу бедную пастушку, что гонит стадо коз по дороге!

— Пусть пастушка примерит корону! — молвил принц.

Все девицы закричали:

— Нет, нет! Уже поздно!

Однако король повелел привести пастушку, и, глядь, только ей корону на голову надели, она тотчас девушке впору пришлась.

Солнце в этот миг как раз село, стало сумрачно, и лица пастушки было хорошенько не разглядеть. Но сердце принца Сигизмунда подсказало ему, и он подумал:

«Богу угодно, чтоб я взял эту бедную девушку в жены, так я и сделаю. Видел я ее у старушки в лесу и знаю, что солнечное сияние озаряет ее всюду, куда бы она ни шла».

И все закричали:

— Долгие лета принцу Сигизмунду и принцессе Адальмине!

Но многие все же подумали про себя: «Да ведь это же всего-навсего — простая бедная пастушка!»

Повели тут пастушку с короной на голове в тронный королевский зал, сиявший тысячей восковых свечей. Но ярче всех свечей сияла диковинной красотой принцесса Адальмина, стоявшая посреди зала в своем тканом золотом одеянии. Ибо, получив обратно жемчужину, она вновь обрела и все дары Алой феи. Но самое лучшее — то, что ей дано было сохранить также и дар Лиловой феи — доброе, нежное сердце. И поскольку к ней снова вернулась ее чудесная память, она вспомнила и то, какой скверной она некогда была и как потом обернулась некрасивой, но доброй пастушкой.

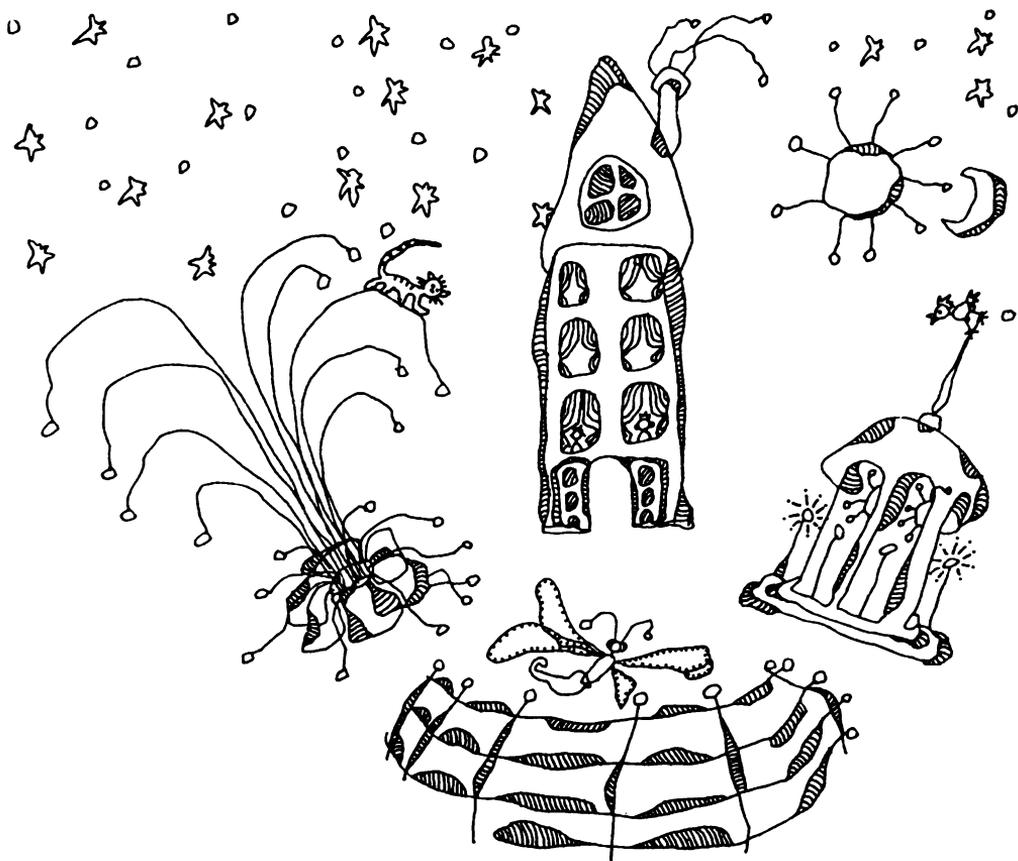
Пала тут принцесса на колени пред отцом с матерью и молила батюшку и матушку простить ей прежние высокомерие, надменность и злобу. А в доказательство того, что сердце ее ныне смягчилось, привела она из леса бедную старушку, обняла ее и поблагодарила. Все, кто видел это, глазам своим не поверили.

А принц Сигизмунд сказал:

— Я знал, что все так и будет! Жемчужина Адальмины прекрасна несказанно, но всего прекрасней доброе незлобивое сердце!

На королевском дворе сыграли свадьбу, там царилась радость, а четырех камердинеров и четырех камерфрейлин освободили из тюремной башни, и все в стране восклицали:

— Жемчужина Адальмины прекрасна несказанно, но всего прекрасней доброе незлобивое сердце!

Березка и звезда

Я знаю сказку из стародавних времен о мальчике и девочке, что шли в своей жизни навстречу одной-единственной цели.

Многие ли среди нас могут сказать то же самое о себе?!

Двести лет тому назад Финляндию постигла великая беда.

Кругом, куда ни кинь взгляд, бушевала война, города и селения были охвачены огнем, посевы вытаптывались, а более сотни тысяч жителей были обречены на гибель от меча, от голода, изгнания из родной страны и ужасающих хворей. Тогда, бывало, не услышишь и не увидишь ничего, кроме вздохов и слез, сетований, горя, пепла да крови, а все те, в конце концов, кто дольше всех питал надежды на лучшее, не знали, на что надеяться! Ибо бич Божий с небывалой силой был занесен над всей страной, а воспоминания тех дней не забудутся никогда. В те времена случалось также, что многие семьи разлетались в разные стороны — некоторых уводили в плен во вражьи земли,

а другие бежали в леса да на дикие безлюдные вересковые пустоши или еще дальше, в Швецию. Жена часто ведать не ведала, где ее муж, брат не знал, где сестра, а отец с матерью — живы или погибли их дети. Когда же наконец недруги замирились, и те, кто еще оставался в живых, снова возвращались в свои пенаты, оказалось, что тех, кто не оплакивал бы и сохранил всех своих близких, нашлось совсем немного. Все было точь-в-точь как в сказке о юной жене рыцаря Синяя борода¹, что посылала свою сестру в башню, откуда видно было все далеко-далеко вокруг, и непрерывно спрашивала:

— Анна, сестра моя, не видать ли кого на дороге?

Так спрашивали многие в то время, когда в горнице было пусто и одиноко, а от дорогих людей никакой весточки не приходило.

— Не видать ли тебе кого на дороге? Не видать ли тебе кого на дороге?

И большей частью слышалось в ответ:

— Нет, никого, никого не видать!

Но порой, как и в сказке о Синей бороде, случалось так, что вдали на дороге появлялось небольшое облачко пыли; облако все приближалось, и в конце концов появлялась небольшая кучка беглецов, искавших своих близких... Тогда взоры отца и матери высматривали своих дражайших детей, и если находили их после стольких лет разлуки, то-то было радости, радости

---

¹ См. сказку «Синяя борода» Шарля Перро.

такой, словно и горя-то никогда в жизни не бывало! И снова быстро возводились хижины, а поля вновь приносили урожай, и после минувших горестей наставало новое время.

В пору той долгие годы бушевавшей войны двое малолеток, брат и сестра, были уведены в чужеземную страну и обрели там дружественные сердца, что заботились о них.

Шли годы, брат с сестрой подрастали, не ведая ни в чем нужды, но при всем своем благоденствии так и не смогли забыть отца, мать и страну своих предков. С ними было, как со взятыми в плен евреями в Вавилоне¹, которые повесили свои арфы на ивы и не могли петь, ни играть, ни танцевать в чужеземной стране, ибо сердца их пребывали в Иерусалиме².

Когда прошла молва, что в Финляндии настало заморенье и что всем, кто хотел бы и мог, дозволено вернуться на родину, чужеземье стало для детей тяжелой долей.

И они потребовали:

— Отпустите нас домой!

Чужие люди, их попечители, улыбнулись и сказали:

— Отпустить вас домой? Глупые дети, вы, верно, не знаете, как далеко туда идти. Более сотни миль!

— Нам все равно, — отвечали дети, — только бы вернуться домой!

---

¹ Древний город в Месопотамии. Имеется в виду одно из преданий о завоевании Иудеи вавилонянами, когда были взяты в плен многие израильтяне.

² Столица Израиля.

— Разве вы не обрели у нас свой новый дом? Здесь в изобилии одежда и еда, вы можете не страшиться холода, есть чудесные фрукты, пить молоко, жить в красивых домах вместе с добрыми людьми, что любят вас от всего сердца! Чего вам еще надо?

— Да, ваша правда, — отвечали дети, — но мы хотим домой!

— В вашем доме царит страшная нужда и не хватает самого необходимого! Вы будете жить в ужасающей бедности, мох будет вам постелью, а хижина из еловых ветвей — крышей, ветер и холод — вашими постоянными спутниками, древесная кора — вашим хлебом насущным. Ваши родители, братья и сестры, да и все ваши друзья давным-давно погибли. А когда станете их искать, найдете лишь следы волков в сугробах на пустынном пепелище, где стоял ваш дом!

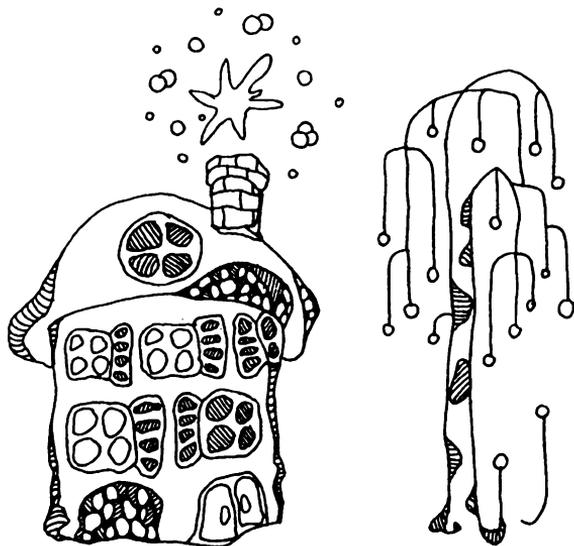
— Да, — ответили дети, — но мы хотим домой!

— Ведь почти десять лет минуло с тех пор, как вас увели оттуда. Тогда вы были несмышленышами, малолетками пяти и четырех лет. Теперь вам пятнадцать и четырнадцать, и вы так мало знаете об этом мире. Вы все забыли — и дорогу в родные края, и самих ваших родителей, и так же, как вы забыли их, они, если живы, забыли и вас.

— Да, — отвечали дети. — Но мы хотим домой!

— Кто тогда укажет вам дорогу?

— Бог, — ответил мальчик. — А кроме того, я помню, что на дворе у моих родителей росла высокая

березка, где много-много красивых птичек пели по утрам на солнышке.

— А я помню, — сказала девочка, — что там сквозь березовую листву вечерами светит звезда.

— Глупые дети, — возразили их попечители. — То, чего вы хотите, — лишь одно дурачество да верная погибель!

И они запретили детям даже думать о своем прежнем доме. Но чем больше они запрещали, тем больше думали о нем дети. И вовсе не из непослушания, а лишь потому, что неизменно и непоколебимо думали о том, как хотят они вернуться в страну своих предков.

Однажды лунной ночью, когда мальчик не мог сомкнуть глаз из-за мучивших его мыслей, он спросил у сестры:

— Ты спишь?

Она ответила:

— Нет, спать я не могу, я думаю о нашем доме!

— Со мной точно так же, — ответил мальчик. — Давай положим нашу одежду в узелок и убежим отсюда. Мне кажется, будто Господь Бог непрерывно стучится в мое сердце и непрерывно повторяет: «Иди домой! Иди домой!» А что глаголет Бог, грешным быть не может!

— Да, — согласилась сестра.

И они тихонько ушли.

На дворе стояла прекрасная ночь, ясный месяц освещал дорожки и тропки. Шли они, шли, а сестра вдруг и говорит:

— Знаешь, братец, боязно мне, что мы дорогу домой не найдем.

Брат ответил:

— Давай все время идти на северо-восток, там по вечерам, как всегда в пору середины лета, садится солнце, а наш дом в той стороне. Приметой же пусть служит березка на дворе да ясная звезда, что светит сквозь ее листву. Как увидим мы их, так и узнаем, что нашли свой дом.

Немного погодя сестра остановилась вновь:

— Знаешь, братец, боюсь я, как бы хищные звери да разбойники не причинили нам зла!

Брат ответил:

— Бог защитит нас. Помнишь молитву, которую мы выучили в нашем доме, когда были еще малы?

Куда бы ни спешить навстречу счастью, —
Оно дается только Божьей властью!

— Да, — согласилась девочка. — А Бог пошлет своих ангелов, чтобы они следовали рядом с нами в чужой земле.

Так и шли они вперед смело и мужественно. Мальчик вырезал себе крепкую палку из молодого дубка — защищать себя и сестру. Но никакого зла с ними не приключилось.

Однажды оказались они у перепутья, где две одинаковой ширины дороги вели каждая в свою сторону, и они не знали, какой путь им выбрать. Тут возле дороги, ведущей налево, запели две маленькие птички:

— Идем, — позвал девочку брат, — это верный путь, пение птичек мне подсказывает!

— Да, — согласилась с ним сестра, — наши птички — нечто большее по сравнению с другими пташками. Божьи ангелы облеклись в птичье оперение и провожают нас домой.

Дети отправились дальше, а птицы перепрыгивали с ветки на ветку, летели впереди, но не быстрее, чем дети успевали следовать за ними. Брат и сестра питались лесными плодами и ягодами, пили прозрачную родниковую воду, а по ночам спали на мягких постелях из медвежьего мха. И в диковину было им, что какой бы ни наступал день, они всегда находили еду и, где бы ни останавливались по вечерам, обретали место, чтобы отдохнуть. Объяснить это они не могли.

Но всякий раз,
видя птичек, дети
восклицали:

— Смотри, Божьи ан-
гелы сопровождают нас!

И снова шли долгими дорога-
ми все вперед и вперед...

В конце концов девочка почувство-
вала усталость и сказала мальчику:

— Когда начнем искать нашу березку?

Мальчик ответил:

— Не раньше, чем вокруг нас люди будут говорить
на том языке, на каком говорили наши батюшка с ма-
тушкой.

И снова шли они долгими путями к северо-западу;
лето начало уже клониться к своему исходу, и стало
прохладно в лесах.

Девочка спросила:

— Березки еще не видать?

Мальчик ответил:

— Еще нет!

Страны, которые они проходили, приобрели уже совсем другой облик. До сих пор брат с сестрой миновали обширные равнины, а теперь пришли в страну с холмами, горами, реками и большими озерами.

Девочка спросила:

— Как нам перебраться через крутые горы?

Мальчик ответил:

— Я перенесу тебя.

И он перенес ее через горы на руках.

Девочка снова спросила:

— Как нам перейти бурные реки и большие озера?

Мальчик ответил:

— Мы поплывем, я буду грести.

И он греб, пересекая реки и озера, ибо повсюду у берега их поджидала гребная лодка. Но некоторые реки брат с сестрой преодолевали вплавь. И они легко, словно морские птицы, струились по волнам, ибо рядом с ними в птичьем оперении летели, прокладывая им путь, ангелы.

Однажды они шли с самого утра без отдыха и очень устали.

Вечером брат и сестра приблизились к одинокой усадьбе, и была та усадьба совсем недавно сработана из грубого свежесрубленного леса и поставлена на пепелище сгоревшего дома. На дворе они увидели ребенка, чистившего репку.

— Не дашь ли ты мне одну из своих репок? — спросил мальчик.

— Ступайте в горницу, — ответил малыш. — Матушка вас накормит.

При этих словах мальчик захлопал в ладоши и, плача от радости, обнял и поцеловал ребенка.

— Почему ты плачешь и радуешься, братец? — спросила девочка.

— Как же мне не плакать от радости?! — ответил мальчик. — Этот ребенок говорит на языке наших бабюшки с матушкой. Теперь мы можем начать поиски березки и звезды.

Они вошли в горницу и были ласково привечены хозяевами. Их спросили:

— Откуда вы пришли?

Мальчик ответил:

— Пришли мы из чужеземья и ищем наш дом, но у нас нет никаких других примет, кроме тех, что на дворе нашего дома растет березка, где поутру, озаренные утренним солнцем, поют птички, а вечером в березовой листве светит яркая звезда!

— Бедные дети! — жалостливо молвили люди. — Ведь на земле растет столько тысяч березок, а на небе сияет столько тысяч звезд! Возможно ли найти среди стольких других те, что нужны вам?

Мальчик и девочка сказали:

— Бог приведет нас домой. Разве не привели нас его ангелы долгими-долгими путями в нашу страну? Мы ведь уже наполовину дома.

— Финляндия велика! — ответили люди, сидевшие в горнице, и покачали головами.

— Но Бог еще более велик, — ответил мальчик.

Поблагодарив хозяев, брат с сестрой отправились дальше. Ныне им не приходилось кормиться и ночевать в лесах, что было вовсе не худо. Ныне они шли от одной усадьбы к другой, и хотя между людскими домами простирались огромные дикие безлюдные вересковые пустоши, а повсюду царила страшная нищета, они все равно находили пристанище и кусок хлеба, когда бы им это ни понадобилось; все их жалели.

Но березку и звезду они так и не находили. Переходя от усадьбы к усадьбе, они искали их и видели множество березок и множество звезд, но тех, что были им нужны, все не встречалось.

— Ах, — вздыхала девочка, — Финляндия так велика, а мы так малы! Никогда не найти нам наш дом!

Но мальчик, ругая ее, спрашивал:

— Ты веришь в Бога?

— Да, — отвечала девочка.

— Тогда ты тоже знаешь, — сказал мальчик, — что в мире свершались еще более великие чудеса, чем чудо, что мы ожидаем. Когда три мудреца¹ шли ночью в Вифлеем, их вела путеводная звезда. Она ведет и нас, только нужно верить в нее.

— Да, это так, — ответила девочка, привыкшая всегда и во всем соглашаться с братом.

И они, исполненные веры, весело шли вперед.

И вот пришли они однажды вечером к одинокому хутору. Шел второй год их странствий. Дело было вечером в праздник Троицы², в конце мая, когда первая летняя листва начинает распускаться на деревьях. Войдя через калитку во двор, увидели они высокую березу с пышной кроной и нежными листьями, а сквозь светло-зеленую листву светила в тот полупризрачный вечер сияющая вечерняя звезда.

---

¹ Мудрецы-звездочеты с Востока узнали по появлению чудесной звезды на небе, что родился Царь Иудейский, Мессия, и пришли в Иерусалим, следуя за звездой, которая остановилась в Вифлееме над тем местом, где находился младенец Христос. Они склонились пред ним до земли и принесли ему в дар золото, ладан и благовонную смолу—мирру.

² В христианском учении — Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой. Один из крупнейших религиозных праздников.

Было уже по-летнему светло, так что лишь одна-единственная звезда виднелась на своде небес, звезда — самая большая и самая ясная среди всех.

— Это наша Березка! — тут же воскликнул мальчик.

— Это наша Звезда! — тотчас же подхватила девочка.

И оба бросились друг другу на шею и, проливая потоки радостных слез, возблагодарили Бога.

— Вот конюшня, куда батюшка обычно заводил наших лошадей, — вспомнил мальчик.

— А я узнаю колодец, где матушка всегда поила наших коров, — сказала девочка.

— Смотри, под березкой — два маленьких креста, что бы это значило? — в раздумье спросил мальчик.

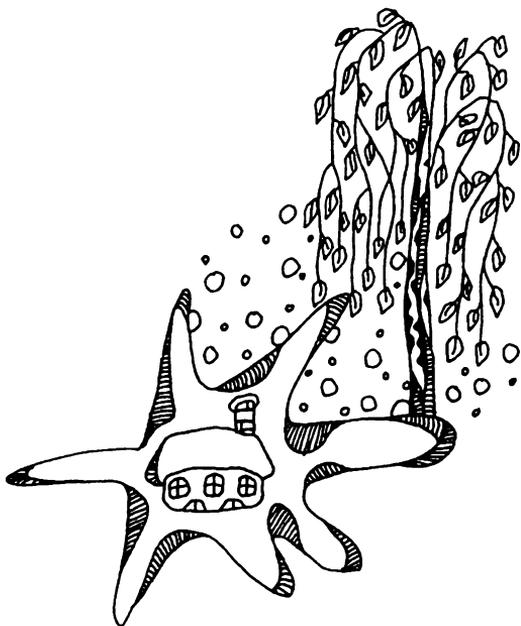
— Мне так боязно идти в горницу, — призналась девочка. — Подумать только, что если батюшки и матушки больше нет в живых или же они нас не узнают! Ступай

первым ты, братец!

— Давай сперва послушаем у дверей, — предложил мальчик.

Сердце его так сильно билось...

В горнице сидел молодой человек с женой. Вообще-то стар ни один из них не был, но горести и нужда безвременно избородили морщинами их лица.

Муж сказал жене:

— Да, нынче Троица! В этот день Бог посылает утешение скорбящему сердцу; но нам никакое утешение не явится. Все наши четверо детей покинули нас; двое спят вечным сном под березкой, а двое уведены в плен во вражью страну и наверняка никогда больше к нам не вернутся. Тяжко быть одинокими в старости.

Жена возразила ему:

— Разве Бог не всемогущ и не бесконечно добр? Он, что вывел детей Израиля из рабства¹, может, верно, отдать нам наших детей, коли сочтет это нужным. Сколько было бы теперь нашим младшеньким, коли б они остались в живых?

Отец ответил:

— Мальчику было бы ныне шестнадцать, а девочке — пятнадцать лет. Ах, разве мы не заслужили такое благословение Господне, чтобы снова вернуть наших дорогих деток!

Он еще продолжал говорить, как дверь вдруг отворилась, и в горницу вошли мальчик и девочка. Они сказались пришлыми из дальних стран и попросили кусочек хлеба.

— Подойдите ближе, дети, — позвал их отец, — и оставайтесь у нас ночевать. Ах, такими же большими наверняка были бы и наши дети, будь нам дано их сохранить!

---

¹ Имеется в виду рабство израильтян в Египте во власти фараонов и его окончание и Исход из Египта под предводительством Моисея, которому Бог повелел вывести свой народ из земли Египетской.

— Посмотри, — сказала жена, — как пригожи эти дети! Ах, такими же пригожими были бы и наши дети, останься они в живых!

И оба родителя горько заплакали. Тут дети больше не выдержали и со слезами на глазах упали в объятия своих отца и матери, воскликнув:

— Разве вы не узнаете нас?! Ведь мы — ваши дорогие дети, и Бог чудесным образом привел нас обратно из чужеземной страны!

И родители обняли их с такой невыразимой любовью и пали на колени рядом с детьми, дабы возблагодарить Господа; ведь в вечер праздника самой Троицы Он подарил им всем столь великое утешение. Затем детям пришлось рассказать о своей судьбе, а родители поведали им о своей. И хотя с обеих сторон было много горя, казалось, что все ныне забыто и сменилось радостью. Отец пытался прощупать мускулы сына, радуясь, что они так по-мужски крепки, а мать гладила каштановые волосы дочери и чуть не сотню раз целовала ее цветущие щечки.

— Да, — молвила с детской радостью матушка, — ведь когда две незнакомые птички так весело пели нынче на березке, я могла бы догадаться: что-то случится...

— Этих птичек я хорошо знаю, — сказала девочка. — Это два ангела в птичьем опе

рении, которые всю дорогу, пока мы шли, летели впереди, ведя нас за собой, и теперь вместе с нами радуются, что мы отыскали наш дом.

— Идем, давай еще раз поздороваемся с березкой и звездой! — позвал девочку брат. — Видишь, сестрица, там, под березкой, спят наши старшие брат с сестрой. Коли б это мы спали там под зеленой кочкой, а наши брат и сестра стояли бы здесь, на нашем месте, и смотрели бы на нашу могилу, кем были бы мы тогда?

— Тогда вы были бы ангелами Божьими в небе, — нежно молвила их матушка.

— Теперь я знаю, — ответила девочка. — Ангелы в птичьем оперении, что сопровождали нас всю дорогу и нынче, сидя на березке, возвестили о нашем возвращении, были наши брат и сестра, которые спят в этой могилке. Это они постоянно твердили нам в нашем сердце: «Идите домой! Идите домой! Утешьте батюшку с матушкой!» Это они указывали нам путь на диких безлюдных пустошах, чтобы мы не умерли с голоду, они готовили нам постели из мха, чтобы мы не замерзли, это они на бурных реках посылали нам лодки, чтобы мы не утонули... И они же нам подсказали: это — та самая березка, которую мы ищем и та же самая звезда — одна среди многих тысяч... Ибо Бог избрал их и послал нас охранять. Благодарим вас, братец и сестрица! Благодарим тебя, добрый Боже!

— Да, — согласился с ней мальчик и продолжил: — Смотрите, как ясно светит кроткая небесная звезда сквозь березовую листву! Отныне мы нашли свой дом; мы больше никуда не пойдём, сестрица!

— Дорогие дети, — сказал на это отец, — жизнь человеческая на земле — постоянное странствие к вечной цели. Идите всегда вперед, и пусть Бог живет в вашем сердце, а вечная цель да пребудет пред вашим взором. Вы шли вместе с ангелами, указующими вам путь, — и да указуют они вам путь и впредь! Вы шли в поисках березки, — она означала ваше отечество! Да пребудет отечество целью вашей любви и вашего труда, пока вы живы! Вы шли в поисках звезды — она означает вечную жизнь. Да светит она вам всю вашу жизнь!

— Аминь, да свершатся твои слова! — молвили, скрестив руки, дети в один голос с матушкой.

Звездозлазка

А случилось это некогда в Сочельник.

Лежало однажды в снежном сугробе малое дитя.

Как оно попало туда? ...Да его просто потеряли.

Старый лопарь ехал в своей пулке, запряженной оленем, в пустынных безлюдных горах, а следом за ним в другой пулке с оленем поспешала его жена. Сверкал снег, искрилось, переливаясь всеми цветами радуги, Северное сияние, на небе светили ясные звезды. Женщина держала в объятиях младенца, укутанного в толстую полость из оленьей шкуры.

Лопарь находил их поездку прекрасной, и все время оглядывался, не отстает ли от него жена. Она ехала одна в своих маленьких лапландских санях-пулке, ведь олень не может везти более одного ездока.

Только они поднялись на самую высокую вершину гор и собирались спуститься вниз с перевала, как повстречали волков, огромную стаю, их было сорок или пятьдесят, как это часто случается в Лапландии. Волки, которым не удалось полакомиться олениной, выли от голода и тотчас помчались следом за лопарем

и его женой. Почуяв волков, олени обратились в бегство. С головокружительной быстротой ринулись они вниз с горы, да так, что сани непрерывно кренились, бесконечно объезжая сугробы. Однако лопарь с лопаркой были привычны к такой езде, они крепко держались за сани, правда, ни видеть, ни слышать ничего не могли.

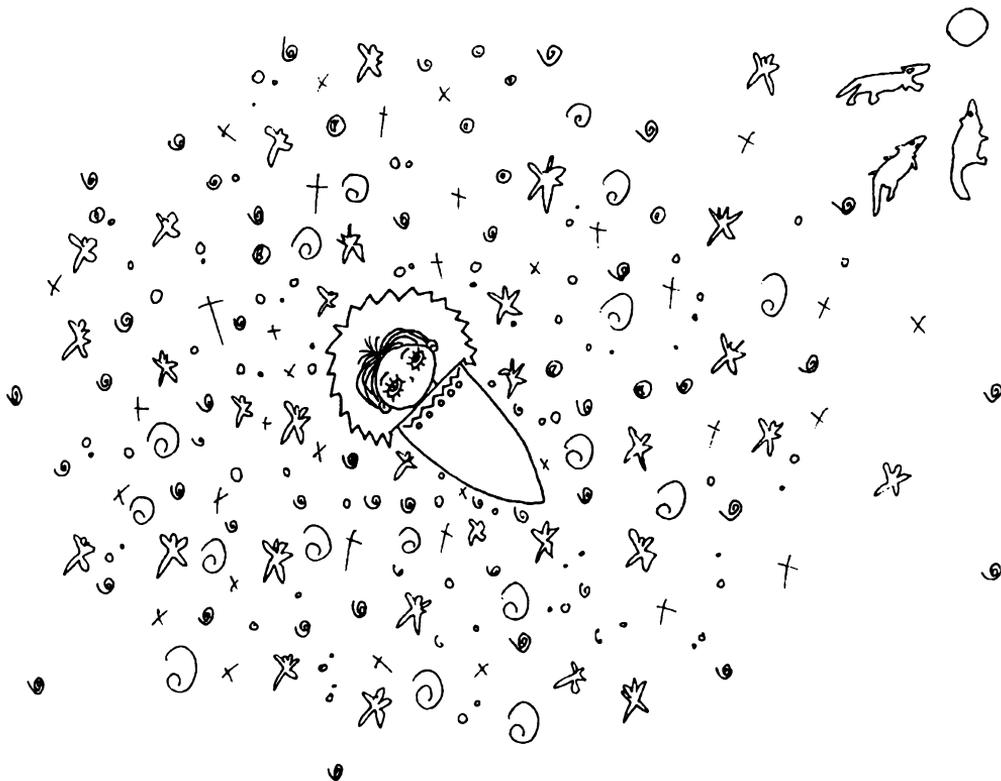
В этой суматохе и случилось так, что лопарка выронила ребенка в снег. Но даже отчаянные ее крики не могли остановить бег оленя. Олень чуял, что волки следуют за ними по пятам. Он прядал ушами и мчался еще быстрее. Его кости трещали так, словно кто-то щелкал орехи.

Вскоре олени и пулки были уже далеко впереди.

Маленькое дитя лежало в сугробе в своей оленьей полости и разглядывало звезды. Миг — и волки уже там, а ребенок не в силах шевельнуть ни ручкой, ни ножкой, он лишь глядел на волков. Младенец не плакал, не шевелился, он только глядел...

Но невинные глазки малютки обладают диковинной силой. Голодные хищники остановили свой бег и не посмели тронуть дитя. Некоторое время они молча постояли, глядя на него. Потом быстро умчались прочь по оленьим следам — продолжить охоту.

Младенец одиноко лежал зимней ночью в снегу на огромной безлюдной дикой вересковой пустоши. Он смотрел на звезды, а звезды смотрели на дитя, и между ними возникла дружба. Казалось, звезды — эти непомерно огромные бесчисленные и прекрасные от-

даленные солнца, что зажигаются в ночном небе, сжалились над беззащитным земным дитятей, лежавшим на заснеженной земле, и пока они смотрели на него, а он смотрел на них, звездный свет задержался в глазах ребенка.

Однако же младенец все равно замерз бы насмерть, если бы Господь не распорядился так, что той же дорогой по дикой безлюдной вересковой пустоши ехал еще один путник.

То был финский новосел из прихода Энаре, который вез из норвежского города Вадсё соль и муку на Рождество. Он нашел ребенка, поднял его и положил в сани.

Новосел вернулся домой в свою усадьбу под утро в Сочельник, когда колокола в церкви прихода Энаре начали звонить к заутрене. Он внес ребенка в теплую горницу и протянул его жене.

— Вот тебе рождественский подарок, Лису, — сказал он, стряхивая иней со своих каштановых волос.

И рассказал, как нашел ребенка.

Жена новосела взяла ребенка, вытащила его из оленьей полости и напоила теплым молоком.

— Бог послал тебя нам, бедное ты дитяtko, — молвила она. — Как же ты чудно смотришь на меня! Коли нет у тебя ни отца ни матери, Симон Сорса будет тебе отцом, я буду тебе матерью, а ты будешь — наше дитя. Малыши Симму, Пальте и Матте будут рады сестренке, ведь я вижу, что ты — девочка. Надеюсь, ты — крещеная?

— Кто его знает, полагаться на это нельзя, — заметил новосел Симон Сорса. — Добираться в церковь и к пастору лопарям далеко, поэтому они ждут, когда ребятишек наберется целая куча, и тогда везут их сами к пастору. А когда он окрестит их, говорят «Аминь»! Раз нынче в церкви Рождественская заутреня, девочку лучше всего сейчас же отнести туда да и окрестить.

Жена сочла совет Симона добрым, и найденку тут же окрестили и нарекли в честь названной матери — Элисабет. Пастор немало подивился тому, что, когда он благословлял девочку, глазки ее сияли, словно звездочки. И поэтому он шутя молвил:

— Наречь бы тебя Звездоглазкой, а не Элисабет!

Жена новосела сочла, что речь пастора — не речь христианина. Но Симон Сорса заметил то же самое, что и пастор, и согласился:

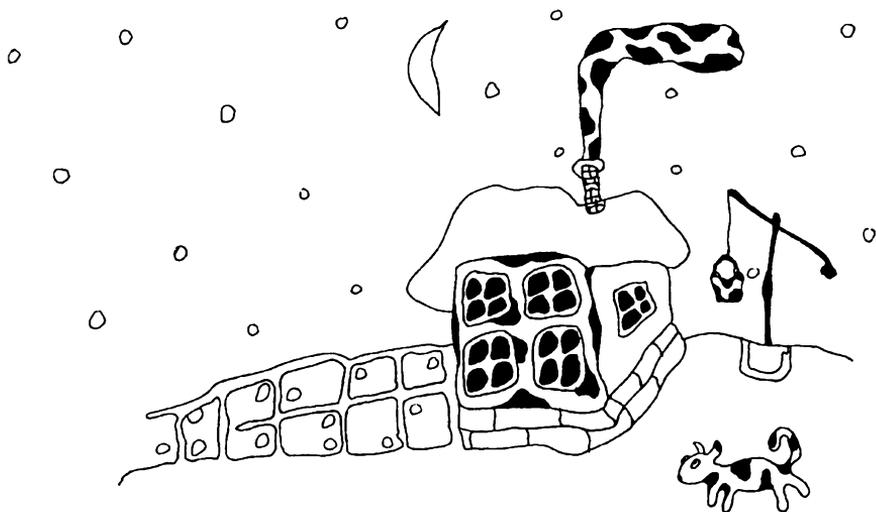
— Звездоглазка — было бы имя ничуть не хуже, чем Элисабет.

— Еще чего! — рассердилась жена. — Нечего называть девочку колдовским именем, ведь она — лопарка, а лопари и так колдовать умеют. Глянь-ка, у Симму и Пальте, да и у Матте одинаковые красивые серые глаза; они ничуть не хуже ее карих, и уж коли хочешь дать ей прозвище, зови ее Кошкоглазкой. Это все одно.

Новосел не хотел огорчать жену и прикинулся, будто забыл другое имя девочки, но слова пастора невольно получили огласку, и соседи стали с того дня называть найденку Симона Сорсы — *Звездоглазкой*.

Девочка подрастала вместе с тремя названными братьями и стала тоненькой и хрупкой, а все трое мальчишек — сильными и крепкими. Почти как у всех маленьких лапландцев, волосы у нее были черными, глаза — карими, а нрав — спокойный, мирный и тихий. Хотя лопарята порой бывают такими же пылкими и своенравными, как негритята, все четверо детей отлично уживались меж собой. Правда, мальчишки иной раз в шутку таскали друг друга за волосы.

Новосел и его жена любили их всех одинаково, в семье царили мир да лад, и ни родной отец ни мать девочки никогда не разыскивали Звездоглазку. Да и лопарь с лопаркой, верно, ничего иного и подумать не могли, кроме того, что волки съели их малютку...

Звездоглазке было не более трех лет от роду, когда названная мать начала замечать за девочкой нечто ей непонятное. У нее в глазах была такая сила, которой никто противостоять не мог.

Звездоглазка никогда никому не перечила, она не защищалась, когда мальчишки дразнили ее: она только смотрела на них, и братья тут же делали все, чего хотела она. Черная кошка со сверкающими искристыми зрачками не смела на нее глаз поднять. Стоило Звездоглазке взглянуть на бурого лохматого Кетту, дворового пса, как он тут же переставал лаять и ворчать. Названная мать внушила себе, будто видела, как глаза девочки мерцали в темноте. А однажды, когда бушевал снежный буран и Звездоглазка, крадучись, тайком выбралась на крыльцо, могло почти наверняка показаться, будто она укротила буран. Ведь

буквально через несколько минут установилась тихая ясная погода.

Жена новосела как ни любила девочку, такое ей было не по душе. Ей не раз приходилось слышать, что лопари — мастера колдовать, и теперь она в это поверила.

— Не смей глазеть не меня, — порой нетерпеливо говорила она малютке. — Сдается, ты думаешь, будто видишь меня насквозь!

Звездоглазка огорчалась и опускала глазки, понимая лишь, что опечалила добрую свою матушку. Тогда названная мать любовно гладила ее по щеке и говорила:

— Не плачь, милая Элисабет, ведь ты не виновата, что ты — лопарское дитя!

Однажды жена новосела сидела за прялкой и думала о муже, который снова куда-то уехал. И вдруг вспомнила, что лошадь его потеряла подкову с левой задней ноги. Звездоглазка сидела в углу верхом на лавке, словно на деревянной лошадке, делая вид, будто скачет верхом. Внезапно она сказала оседланной ею лавке:

— Матушка думает, что ты потеряла подкову на левой задней ноге.

Жена новосела прекратила пряхсть и удивленно спросила:

— А ты откуда знаешь?

— Элисабет видела это, — ответила о себе самой Звездоглазка.

Названной матери стало не по себе, и она сделала вид, что ничего не заметила, но решила построже приглядывать за девочкой.

Спустя несколько дней у них в горнице заночевал какой-то чужак, а утром хватились: пропал золотой перстень, что лежал на столе. В краже заподозрили чужого парня, обыскали его одежду, но перстень так и не нашли. В этот миг проснулась Звездоглазка, глянула удивленно на чужака да и говорит:

— А перстень у него во рту!

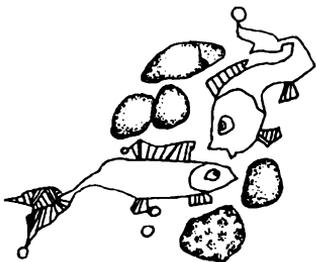
Перстень и в самом деле оказался там, парня же выгнали вон.

Прошло некоторое время. Пальте захворал корью, и в дом пришел пастор — поглядеть, что с мальчиком, ведь пастор был сведущ и в лекарском искусстве. А у названной матери хранились тогда в кладовке два свежих лосося, и она подумала:

«Как быть? Дать тебе, пастор, маленького лосося или большого? Сдается, с тебя и маленького с лихвой хватит!»

Звездоглазка сидела в углу. На коленях у нее лежала щетка, и она будто бы изображала хворого мальчика. Затем появился и веник, и он будто бы изображал пастора. А Звездоглазка вдруг возьми да и спроси его:

— Дать тебе маленького лосося или большого? Сдается, с тебя и маленького с лихвой хватит!

Названная мать, услышав эти слова, испугалась, но и разозлилась тоже. Когда пастор ушел, она сказала Звездоглазке:

— Вижу, тебе никогда не избавиться от колдовства, лопарка ты этакая! Поэтому не

смей больше глазеть на меня, ведьмины твои глаза!
Будешь жить в погребке под полом и только раз в день
подниматься наверх — поесть, но глаза твои будут по-
вязаны тогда толстым платком. Незачем тебе видеть
людей насквозь, пока от своего поганого колдовства
не избавишься.

Не очень-то красиво обошлась жена новосела с не-
счастной малюткой, что никому никогда худа не сде-
лала. Но Элисабет была суеверна, как и многие дру-
гие; она твердо и нерушимо верила, что все лопари —
колдуны. Поэтому она заперла Звездоглазку в темном
погребке, однако же дала ей и съестное, и одежду, и по-
стель, чтобы дитя не голодало и не холодало. У Звездо-

глазки было все необходимое, кроме свободы, любви, общения с людьми и дневного света.

Новосел уехал из дома, а Звездоглазка сидела в погребке. Не очень-то это весело, но не так уж и скучно. Девочка была там не одна, а с целой компанией: старая толстая палка, с которой она играла, разбитый кувшин, деревянный чурбан да стеклянный сосуд без горлышка. Палка изображала мать, кувшин — отца, чурбан — ткацкий челнок, стеклянный сосуд — трех названных братьев. И все они, кроме палки, жили в пустой бочке. Все в бочке занимались своим делом, Звездоглазка пела им, а мыши и крысы — слушали ее песни.

У Лису, жены новосела, была соседка по имени Мурра. Как-то за день до Рождества обе женщины сидели в горнице и толковали про колдовские фокусы лопарей. Хозяйка дома вязала шерстяные рукавички. Симму играл с медными монетками, Пальте толоч осколки кирпича, а Матте обвязал веревочкой кошкины лапки. И тут вдруг они услышали, как в погребке, укачивая ткацкий челнок, поет Звездоглазка:

Матушка перебирает,
Разговаривая, спицы.
Симму на полу играет —
Любит с медью он возиться.
Матте вяжет кошке лапки
И толчет кирпичик Пальте...
Солнце светит из-под лавки
И светлым-светло в подвале!

— О чем поет внизу эта маленькая лопарка? — спросила Мурра.

— Она поет колыбельную своим игрушкам, что живут в бочке, — отвечала Лису.

— Но ведь она видит сквозь пол все, что делается в горнице, — возмутилась Мурра. — Она видит, как в темном погребе светит месяц!

— По правде говоря, не верю я, что это так. Однако, сдастся, девчонка — маленькая колдунья!

— От колдовства есть средство, — посоветовала злая Мурра. — Повяжи девчонке ее звездистые глаза семью шерстяными платками да положи семь циновок на творило погребца, тогда она точно ничего не увидит!

— Попытаюсь, — ответила Лису.

Она тут же спустилась в погреб, повязала семью шерстяными платками маленькие глазки-звездочки, а потом положила семь циновок на творило погребца. Но через некоторое время стемнело, на небе засветились звезды, а Северное сияние двумя большими бледно-алыми дугами поднялось на вечернем небе.

И тогда послышалась новая песенка, которую запела Звездоглазка:

Расстиляет небосвод
Звезды вечерами,
И сияние встает¹
Прямо над горами:
Словно радуга, вдали
В небе хороводит...
Видят звездочки мои:
Рождество приходит!

— Нет, вы только послушайте, — снова возмутилась Мурра, — теперь она видит Северное сияние и звезды!

Страшнее троллева отродья, чем Звездоглазка, я в жизни не видала.

— Да нет, быть такого не может, — молвила жена новосела. — Спустишь-ка я в погреб!

Откинув творило под семью циновками, она спустилась вниз, где нашла Звездоглазку, повязанную семью шерстяными платками, и спросила ее:

— Видишь ты звезды?

— Да, вижу, их так много-премного, — ответила Звездоглазка. — Они такие ясные и светлые. Матушка! Вот-вот наступит Рождество!

Названная мать снова поднялась наверх и поведала обо всем Мурре.

А Мурра сказала:

— Никакого другого средства больше нет, только одно осталось: в подполе надо вырыть яму в семь альнов глубиной, положить в ту яму троллево отродье да засыпать яму песком. Только это и поможет!

— Нет, — отказалась Лису, — этого я никогда не сделаю. Жаль мне дитя, да и боюсь, муженек мой больно опечалится, когда узнает, что случилось со Звездоглазкой.

— Тогда отдай девочку мне, — предложила Мурра. — Я отвезу ее обратно в горы Лапландии.

— Только коли не причинишь ей зла! — предупредила жена новосела.

— Какое зло могу я ей причинить? Я просто отвезу ее туда, откуда она родом.

Получив девочку, Мурра завернула ее в старую оленью доху и отвезла в горы. Положила она там Звездоглазку в снежный сугроб, да и ушла со словами:

— Я сделала то, что обещала! Раз она из снежного сугроба явилась, дорога ей только одна — обратно в сугроб.

Звездоглазка, завернутая в оленью доху, лежала в сугробе и глядела вверх на звезды. Снова, как и три года назад, наступила Рождественская ночь, и многие сотни тысяч прекрасных небесных солнц, таких ярких, непомерно великих и отдаленных, одержимые жалостью, смотрели вниз на невинное дитя. Они светили в ее глазках, они заглядывали в ее детское сердечко и не находили там ничего, кроме доброты и любви к Богу. И глазки ребенка обрели тогда еще более диковинный блеск. Они могли видеть еще дальше, дальше звезд... Зоркий взгляд Звездоглазки проник до самого невидимого трона Господня, где ангелы

поднимаются ввысь и спускаются долу с посланиями к великим неисчислимым мирам в бесконечном творении Божьем. А ночь стояла ясная и тихая, преисполненная безмолвного обожания. И одно лишь Северное сияние искрилось на небе. Вместе со своей радугой высилось оно над головкой Звездоглазки.

Ранним рождественским утром, когда ребятишки еще спали в горнице, домой из поездки воротился новосел. Стряхнув иней со своих каштановых волос, он обнял жену и спросил о детях. Жена рассказала, что Пальте хворал корью, но уже здоров, Симму же и Матте пухленькие, словно пшеничные булочки.

— А как поживает Звездоглазка? — спросил Симон Сорса.

— Хорошо, — ответила Лису, она боялась мужа, да и совесть ее замучила.

— Надо хорошенько заботиться о Звездоглазке, — продолжал новосел, — нынче ночью, когда я спал в саях, мне привиделся сон, будто звезда упала на полость моих саней и молвила: «Возьми меня, заботься обо мне хорошенько, ведь я — благословение твоего дома!» Но когда я протянул руку, чтобы взять звезду, глядь, а она уже исчезла! Я проснулся и подумал о том, как Божье благословение сопутствовало нам во всем, что бы мы ни предпринимали все эти три года с тех пор, как взяли к себе чужое дитя. Прежде нам ни в чем удачи не было. Мы были нищие и хворые, поле наше сгубил мороз, медведь задрал наших коров, волк отнял наших овец. А нынче мы благоденствуем! А все оттого, что мы благо-

словенны! Бог милостив к милосердным, а ангелы его особо пекутся о невинных детях.

Когда Лису услышала эти слова, у нее снова защемило сердце, но она не посмела вымолвить ни слова.

Когда наконец мальчики проснулись, отец обнял их, радуясь, что они такие здоровенькие и сильные. Покачав их некоторое время на колене, он снова спросил:

— Где же Звездоглазка?

Тогда Симму ответил:

— Матушка заперла ее в погребе.

А Пальте сказал:

— Матушка повязала ей глазки семью шерстяными платками и положила семь циновок на творило погреба.

Матте же добавил:

— Матушка отдала ее Мурре, а Мурра увезла ее в горы.

Услыхав слова сыновей, Симон Сорса побагровел от гнева, однако жена его побелела как полотно и смогла лишь вымолвить:

— Она ведь лопарка, а все лопари — мастера колдовать!

Новосел, не ответив ни слова, несмотря на усталость, тут же отправился на конюшню и снова запряг лошадь в сани. Сперва он подъехал к лачуге Мурры, потащил ее за собой, толкнул в сани и заставил показать то место, где она оставила ребенка. Они туда и отправились, поднялись в горы, вылезли из саней и пошли на лыжах по окутанном снегом ущельям. Когда они подошли к суг-

робу, где Мурра оставила ребенка, там виднелась еще маленькая-премаленькая вмятинка, а чуть подалее в снегу — следы лыж. Но Звездоглазку они так и не нашли, она исчезла. Они долго искали ее, однако же, не найдя, в конце концов повернули назад. Новосел бежал впереди на лыжах, а Мурра следовала чуть поодаль за ним. Тут слышался крик, Симон Сорса, мчавшийся словно ветер, обернулся и увидел, как на вершине горы целая стая голодных лапландских волков кинулась на Мурру и стала рвать ее на куски. Но помочь ей он не смог. Ему помешал крутой горный склон, и когда он с великим трудом поднялся в гору, волки уже сожрали Мурру. Опечаленный, вернулся Симон Сорса домой, как раз когда церковные колокола перестали звонить к Рождественской заутрене.

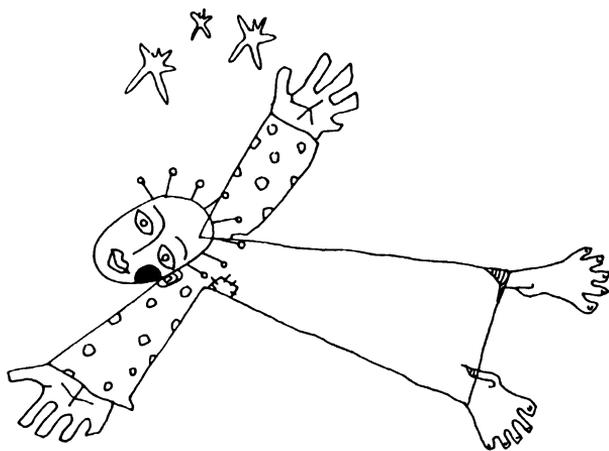
В горнице сидела в горьком раскаянии его жена. У нее не хватило смелости пойти в церковь восславить Бога, ведь когда она поутру пошла в овчарню задать корму овцам, то увидела, что волки побывали и там. Среди ночи вломились они в овчарню, и никого в живых не оставили.

— Это лишь начало нашей кары, — горько вымолвил новосел. — Пойдем в церковь вместе с детьми. Это нужно нам куда больше прежнего, нам должно замолить великий грех...

Никто не знал, куда подевалась Звездоглазка. Следы лыж в снегу неподалеку от сугроба, в котором она лежала, позволяли надеяться, что какой-то путник, странст-

вовавший в горах, снова с помощью доброго ангела был приведен на эту дикую безлюдную вересковую пустошь, нашел дитя и взял его с собой. Нам ведь должно думать, что все именно так оно и случилось, но никому не ведомо, кто был тот путник или куда потом отвезли Звездоглазку и где обрела она ныне свой новый, надемся, лучший дом... Но она принесет туда с собой благословение и увидит там куда больше, чем видят другие.

Да, она заглянет в человеческое сердце, она заглянет в Зазвездье, заглянет даже в обители святых.

Как тролли на свой лаг Рождество справляли

Красивый домик на углу улицы был в Сочельник ярко освещен. Там зажгли высокую елку, украшенную блестящими звездочками, конфетами и яблоками; на столе горели свечи в пышных подсвечниках, а дети вели себя невообразимо тихо всякий раз, когда в прихожей что-то скрипело или шелестело. Вдруг в комнату вошел Рождественский Козел¹ и, как водится, спросил:

— Есть ли здесь добрые, послушные дети?

Все в один голос ответили:

— Да! Есть!

— Вот как! — воскликнул Рождественский Козел. — Раз дети здесь добры и послушны, никто не останется без подарка. Но, увы, в этом году у меня подарков в два раза меньше, чем в прошлом!

— Почему? — хором завопили дети.

— Об этом я вам скажу, — пообещал Рождественский Козел. — Я прибыл с Дальнего Севера, где загля-

---

¹ В Швеции и Финляндии — рождественская декоративная фигурка из соломы. Раньше также так называли того, кто, одетый Рождественским Козлом, раздавал подарки на Рождество.

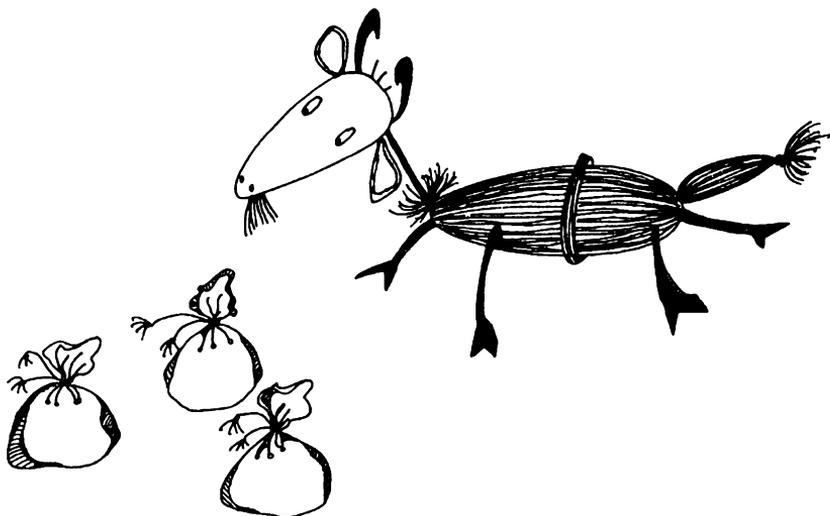
дывал в двери многих бедных лачуг и видел много-много маленьких детей, у которых и куска хлеба в Сочельник не будет. Поэтому я и отдал им половину моих подарков. Разве я неправильно поступил?

— Да, да, — правильно, какой ты добрый! — закричали дети. Промолчали сперва только Фредрик да Лотта, так как вдруг почувствовали себя совсем обделенными. Ведь Фредрик раньше почти всегда получал двадцать подарков, а Лотта — тридцать. А сейчас им достанется только половина.

— Разве я неправильно поступил? — во второй раз спросил Козел.

Тогда Фредрик, повернувшись на каблуках, угрюмо ответил:

— Что за скверное нынче Рождество! У троллей — и то Рождество получше, чем то, какое ты приберег для нас!

А Лотта, в свою очередь, заревела и воскликнула:
— Значит, я получу всего пятнадцать подарков?
Даже у троллей нынче вечером Рождество будет во сто
крат лучше!

— Вот как! — отозвался Рождественский Козел. — Раз так, я тотчас отнесу вас к ним!

И, схватив за руки Фредрика и Лотту, он потащил их за собой, хотя они изо всех сил сопротивлялись.

Как они мчались, как неслись по воздуху!

Не успели дети опомниться, как уже утопали в снегу посреди бескрайнего леса. Было ужасающе холодно и мела метель, так что едва можно было различить во мраке высокие ели, стоявшие вокруг, а совсем близко в лесу слышался вой волков. Однако у Рождественского Козла не было времени ждать, и он вскоре умчался вновь: ему нужно было еще нынче вечером навестить великое множество детей, что куда добрее Фредрика и Лотты.

Они принялись кричать и плакать, но чем громче они кричали, тем ближе сжималось вокруг них кольцо воющих волков.

— Идем, Лотта! — одумавшись, позвал Фредрик, — надо попытаться найти какую-нибудь хижину в лесу!

— Кажется, я вижу вдалеке среди деревьев слабый свет! — воскликнула Лотта. — Идем туда!

— Никакой это не свет, — объяснил Фредрик, — это всего лишь льдинки, что блестят в темноте на деревьях.

— Кажется, я вижу впереди высокую гору, — сказала Лотта. — Уж не гора ли это Растекайс, куда Рождественской ночью на спине верховного волка прискакал Сампо-Лопаренок¹?

— Что ты болтаешь! — ответил Фредрик. — Растекайс находится милях в семидесяти от нашего дома. Идем! Поднимемся на вершину горы, оттуда лучше осмотреться вокруг.

Сказано — сделано! Они пробирались вперед через высокие снежные сугробы, через кусты и упавшие деревья, а вскоре подошли к горе. Там виднелась

¹ См. сказку «Сампо-Лопаренок».

маленькая дверца, и сквозь щели в дверце пробивалось нечто похожее на свет. Фредрик с Лоттой двинулись на этот свет, и к своему величайшему удивлению тут же поняли: это все-таки гора Растекайс, и они попали к троллям! Но поворачивать назад было уже слишком поздно, к тому же волки были так близко! Они чуть ли не заглядывали в дверные щели, когда дети за-

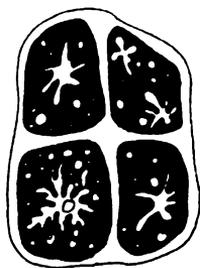
хлопнули за собой дверцу. Фредрик и Лотта в страхе остановились и увидели пред собой большой зал, где тролли праздновали Рождество. Их было, верно, много тысяч, но все в сером одеянии и совсем крошечные, высотой едва ли в один альн, морщинистые и очень шустры. То есть примерно такие же, как в сказке о Сампо-Лопаренке. Темноты тролли не боялись, так как

вместо свечей они держали замерзших насмерть светлячков и обрубки гнилых пней, светившихся во мраке. Но когда троллям хотелось устроить особенно яркую праздничную иллюминацию, они гладили по спине большую черную кошку так, что та вся искрилась, и тогда многие кричали:

— Нет, стоп, стоп, уже слишком светло, этого никому из нас не вынести!

Ведь все тролли несколько своеобразны: они чуждаются света и им не по себе, когда кто-нибудь видит их такими, какие они есть. Потому-то и задан был грандиозный пир,

что тролли заметили: дни становятся все короче, а ночи все длиннее, когда год близится к концу. И тогда тролли снова надумали (как они думают всегда во время Рождества; ведь так охотно веришь в то, чего больше всего желаешь), что в конце концов день вовсе исчезнет и наступит сплошная ночь. И поэтому они снова так искренне и сердечно обрадовались, что стали плясать в недрах горы и весело, на свой лад, справлять Рождество! Ведь все они до единого были язычниками и ни о каком лучшем Рождестве понятия не имели.

Вскоре стало заметно, что троллям вовсе не холодно. Они угощали друг друга в мерзлую зимнюю ночь конфетами изо льда, и прежде чем взять их в рот, дули на ледяшки, чтобы они не были слишком горячи для них. Имелось там и другое великолепное угощение из папоротника и паучьих ножек. Да и рождественская елка вся была из кристаллов льда, а один из старичков-домовичков выступал в роли Рождественского Козла.

В этот год свирепого великана — Горного короля — у троллей на Рас-текайсе не было, так как после того, как он лопнул возле усадьбы священника в Энаре, никто ведать не ведал, что с ним стало. Но многие полагали,

что он переселился на Шпиц-берген, дабы править языческой страной и бежать как можно дальше от *христиан*. Свое королевство на Севере он оставил ныне королю Греха и Мрака по имени Мундус¹, сидевшему здесь же посреди зала.

Рядом с ним расположилась королева троллей по имени Каро² (хотя имя это и звучит, как собачья кличка). И у них обоих были длинные-предлинные бороды.

Они дарили друг другу рождественские подарки, как водится и у всех прочих народов на земле. Король Мундус преподнес королеве Каро пару ходулей, да таких высоких, что, встав на них, королева сделалась самой высокой и самой знатной фру на всем свете.

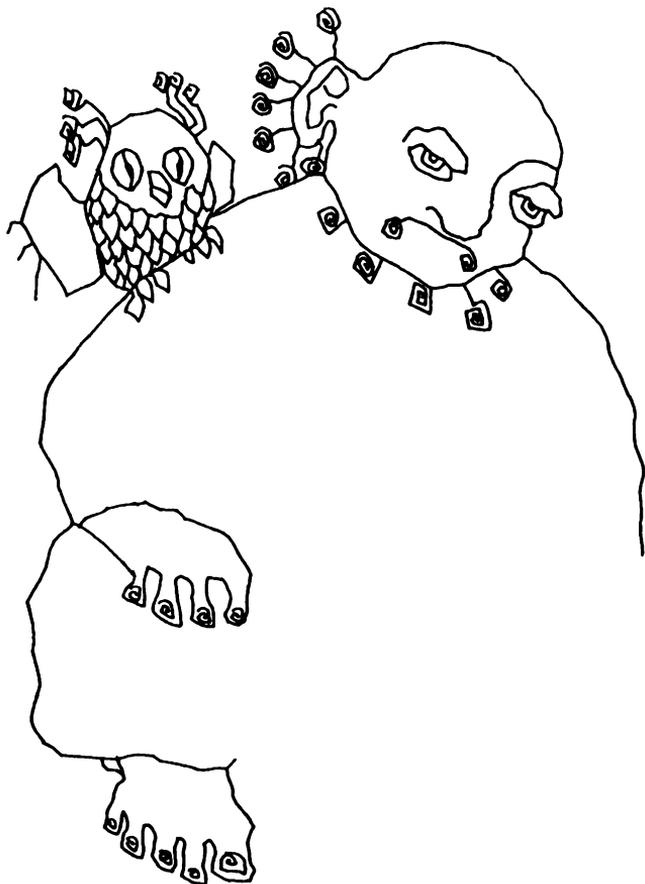
Королева же Каро подарила королю Мундусу свечные ножницы, какими подрезают фитильки горящих свечей, да такие огромные, что он мог подрезать ими фитильки всех свечей мира, а подрезая их, гасил бы свечи. Многие бы хотели получить в подарок от троллей на Рождество такие свечные ножницы!

Но вот король Мундус поднялся на своем троне и стал держать пред собравшимися воистину судьбоносную речь. Он надменно возвестил троллям, что ныне

---

¹ Чистый, опрятный, изысканный; мир, земной шар (*лат.*).

² Мясо, плоть, тело (*лат.*).

настанет конец всякому свету. Ныне тени и мрак вечно будут витать над всей страной, а миром должно управлять троллям!

Тут тролли изо всех сил заорали:

— Ура! Ура нашему великому королю Мундусу!
Ура нашей красавице королеве Каро! Ура! Ура вечно-
му владычеству Греха и Мрака! Гип, гип, гип! Ура!

Король спросил:

— Где мой верховный лазутчик? Я послал его на самую высокую вершину горы разведать, есть ли еще где-нибудь в мире хоть какая-нибудь полоска света?

Явился лазутчик и промолвил:

— Господин король, власть твоя велика! Все потонуло во мраке!

Немного погодя король спросил опять:

— Где мой лазутчик?

И лазутчик явился.

— Господин король, — промолвил он, — далеко-далеко у края неба я вижу совсем слабую полоску, похожую на мерцающий свет звезды, когда та выходит из черной тучи.

И король повелел:

— Ступай назад, на горную вершину!

Немного погодя король спросил опять:

— Где мой лазутчик?

И лазутчик явился.

— Господин король, — промолвил он. — Небо пасмурно от нависшей там тяжелой снежной тучи, а слабую полоску света я больше не вижу.

Король повелел:

— Ступай назад на горную вершину!

Немного погодя король спросил опять:

— Где мой лазутчик?

И лазутчик явился.

Но тут король увидел, что лазутчик весь дрожит и кажется совсем слепым.

Король спросил:

— Мой верный лазутчик, почему ты дрожишь? И почему ты ослеп?

Лазутчик ответил:

— Господин король, туча рассеялась, а звезда — больше и ярче всех остальных звезд сияет на небосводе. Поэтому я дрожу, а при виде ее я ослеп!

Король спросил:

— Что это значит? Разве Свет ныне не тленен? Разве он не погас, а власть Тьмы — не вечна?

Однако же все тролли, молча и трепеща от страха, стояли вокруг, и ни один из них не ответил.

Наконец кто-то из толпы произнес:

— Господин король, здесь у дверей стоят двое детей человеческих. Дозволь спросить их, может, они знают больше?!

Король повелел:

— Позвать сюда детей!

И тотчас же Фредрика с Лоттой подтащили к королевскому трону, и можно представить себе, до чего худо было у них на душе! Увидев, что дети боятся, королева сказала одной из старух-домових, стоявших вокруг ее трона:

— Дайте бедным детям малость драконьей крови да кожуры навозных жуков. Пусть полакомятся, им нужны силы, чтобы открыть рот!

— Ешьте и пейте! Ешьте и пейте! — понукала де-
тей домовиха.

Но есть кожуру навозных жуков и пить драконью
кровь у детей никакой охоты не было.

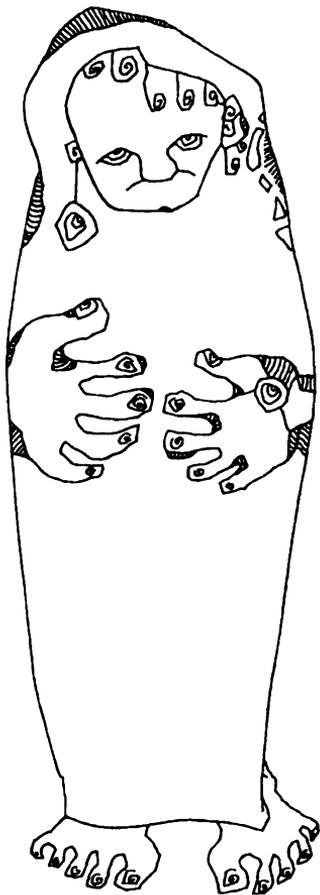
Король обратился к ним:

— Ныне вы в моей власти, и я могу превратить вас
в ворон или в пауков. Но я хочу загадать вам загадку, а
коли вы ее отгадаете, велю
отвести вас — целых и не-
вредимых — обратно к вам
домой. Желаете?

— Да! — в один голос
ответили дети.

— Быть по сему, —
молвил король. — Что это
значит, ежели посреди го-
рода, в самую темную ночь,
когда весь Свет погас, а
Мрак и тролли правят ми-
ром, вдруг снова появ-
ляется Свет? Далеко на
Востоке видна звезда, и
она сияет ярче всех других
звезд, грозя низложить
всю мою власть! Скажи-
те, дети, что означает эта
звезда?

Лотта ответила:

— Эта звезда поднимается в Рождественскую ночь над городом Вифлеемом¹ в земле Иудейской и освещает весь мир.

Король спросил:

— Почему она так ярко светит?

Фредрик ответил:

— Ведь нынче ночью родился наш Спаситель, а он — и есть тот Свет, что озаряет весь мир. И с нынешнего дня Свет начнет все прибывать, а дни снова станут длиннее.

Короля на троне стала бить сильная дрожь, и он снова спросил:

— Как зовут Владетеля Света и Короля, что родился нынче ночью и явился, дабы спасти мир от власти Тьмы?

Брат и сестра в один голос ответили:

— Иисус Христос, сын Божий!

Не успели они произнести эти слова, как гора содрогнулась, а шквальный ветер пронесся по большому залу и опрокинул королевский трон. Звезда же сияла над мрачайшими ущельями и расселинами; и все тролли вдруг исчезли, словно тени или дым, и на Растекайсе ничего не осталось, кроме елки изо льда, но и она начала мерцать и таять. А высоко в воздухе слышались ангельские голоса, они звучали, словно музыка арфы.

Дети же закрыли лица руками, не смея взглянуть вверх, и на них напало нечто похожее на сон, который

---

¹ Город на юге Израиля, где, согласно Евангелию, родился Иисус Христос. Звезда, что пришла с Востока, остановилась над домом, в котором находился младенец Иисус.

приходит, когда очень-очень устанешь. И они так и не узнали больше о том, что происходило затем в недрах горы. Когда же они снова пробудились ото сна, брат и сестра лежали каждый в своей кровати, в печке горел огонь, а старая Кайса, что обычно будила их, стояла рядом и поторапливала:

— Быстрее вставайте, надо поспеть в церковь!

Фредрик и Лотта сели и в недоумении посмотрели на Кайсу. Может, она тоже ростом с альн, и у нее борода, и она собирается поднести им малость драконьей крови да кожуру навозных жуков! Но вместо этих лакомств они увидели уже накрытый кофейный столик, где лежали на подносе свежие рождественские булочки. Ведь в рождественское утро детей угощают кофе, хотя в другое время этого не делают. А за дверью дома звучали колокольчики, люди длинными рядами ехали в церковь, во всех окнах горел свет, но ярче всех сияла церковь.

Фредрик и Лотта взглянули друг на друга, они ведь так и не посмели рассказать Кайсе, что были на Рождестве у троллей. Может, она и не поверила бы им и высмеяла их, сказав, что всю ночь они проспали в своих постелях.

Ты этого не знаешь, и я не знаю, да и никто толком не знает, как все было. Но если ты все-таки знаешь это, да и я знаю это, то мы сделаем вид, будто этого не знали. А если все-таки никто этого не знает, то никто не знает также, знаешь ли это ты. А если это знаю я, а теперь знаешь и ты, что я знаю то, чего никто не знает,

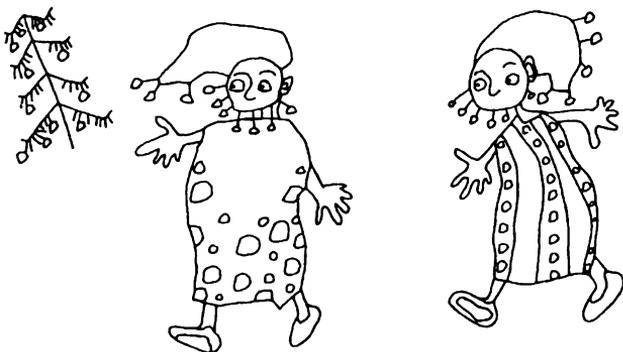
было бы приятно узнать, что знаешь ты, и знаешь ли ты больше, чем знаю я!

Одно лишь мне известно, а именно то, что вечно недовольные дети всегда — раньше или позже — попадают к троллям. Там им преподносят льдинки, драконью кровь и кожуру навозных жуков вместо чудесных подарков, какими они пренебрегли у себя дома.

Фредрик и Лотта никогда не смогли забыть Рождество у троллей. Мало того, что они утратили все рождественские подарки, им было стыдно за самих себя, да, они стыдились так, что рождественским утром не смели в церкви и глаз поднять.

Там было светло и прекрасно, там спустилась вниз, и зажгла все свечи, и засияла в веселых глазах всех добрых детей звезда Вифлеема. Фредрик и Лотта заметили это, но все равно не смели глаза поднять. Они решили тоже стать хорошими детьми. Сдержали ли они свою клятву? Не знаю, но охотно думаю, что это так.

Встретишь их, спроси об этом у них самих!

Инеисты́й великан¹

Сага о Ётунхейме

Далеко-далеко на Севере была некая страна, и называлась она Ётунхейм, а жили там великаны, которые звались хримтурсы — инеистые великаны. Бог Тор² постоянно воевал с ними и истреблял их, убивая своим молотом; но один Великан все же остался в живых. Он укрылся в айсберге близ Северного полюса и жил там еще даже в прошлом году. Никто не знал, сколько ему лет, может, три или четыре тысячи, потому как ни в одну церковную книгу он вписан не был. Был этот Великан высоченный, но глупый. «Один

---

¹ Инеистые великаны — хримтурсы (*др.-исл.*). Это древние исполины, первопоселенцы мира, предшествующие по времени богам и людям. Они обитали в холодной каменной стране на Северной и Восточной окраинах земли (Ётунхейм) и были представителями стихийных, демонических сил природы, врагами асов — высших богов. Инеистые великаны — прямые потомки первого великана скандинавской мифологии Имира, из тела которого, согласно мифу, создан мир. Боги убили Имира, а в крови его утопили всех инеистых великанов.

² Громовник (*исл.*) — бог грома, бури и плодородия, божественный богатырь, защищающий богов и людей от великанов и страшных чудовищ. Вооружен боевым молотом Мьёлльниром.

километр высоты и шесть километров глупости», — говорили о нем в народе. Ну, может, то был всего лишь оговор, но и половины такого роста, да и глупости тоже, вполне хватило бы.

Инеистый Великан держался молодцом, хотя и был такой древний. Он совсем замерз и превратился в ледышку. Холод он, пожалуй, переносил неплохо, но в оттепель — боялся растаять. В айсберге своем он большей частью спал, но каждые сто лет просыпался и оглядывался вокруг, желая узнать, что же делается в мире. Это освежало и взбадривало его, ведь он, верно, думал, что сможет продержаться еще тысячу лет.

У инеистых великанов прежде состояли на службе маленькие хитрые карлики, что звались черными альвами¹. Они могли видеть сквозь гору и умели все на свете, не умели только создавать солнечный свет.

В стародавние времена были они так многочисленны, что только, бывало, крикнешь в лесу, как наверняка тотчас получишь ответ! Но ныне и черные альвы также исчезли вместе с инеистыми великанами, так что на свете остались всего-навсего один Великан да один Альв. Инеистый Великан, обитавший в айсберге близ Северного полюса, поставил своего Черного Альва на стражу у айсберга, пока он спит.

---

¹ Альвы (*др.-исл.*) — в скандинавской мифологии низшие природные духи, имевшие отношение к плодородию. Обычно противопоставляются высшим богам — асам. Делятся («Младшая Эдда») на темных, обитающих в земле, и светлых (белых). Князем альвов в героической «Песне о Вёлунде» («Старшая Эдда») называется кузнец Вёлунд.

В нынешнем году пробудился Великан чуть раньше Рождества, одним пинком пробил дыру в айсберге и вытянул свои затекшие ноги.

— Сколько лет минуло с тех пор, как я заснул? — спросил он Черного Альва, стоявшего на страже у подножья айсберга.

— На сто лет ближе к концу света, — ответил Черный Альв.

— Так, так! — молвил Великан. — Появился ли в мире за эти сотни лет кто-либо умнее и сильнее меня?

— А откуда ему взяться? Могучий Инеистый Великан, ты — самый сильный и самый умный на всем свете!

— Но я начинаю стареть!

— Это ничего не значит, коли можно спать, как ты. Когда спишь, становишься сильным и мудрым, а никто не умеет спать так, как ты.

— Надо думать! Но как поживает ныне Тор?

— Тор отправился погостить к Одину в Вальхаллу¹. Теперь он редко разъезжает на своей колеснице в облаках.

— Надеюсь, нынче грозы нет?

— Что, откуда взяться посреди зимы грозе?

— Тогда выйдем и отправимся в Ётунхейм. Садись ко мне на закорки! Люди становятся все глупее. Хочу поглядеть, насколько они поглупели за эту сотню лет!

---

¹ Верховный бог в скандинавской мифологии, обитающий в своем жилище Вальхалле.

Черный Альв взобрался на спину Инеистого Великана и уселся там, словно муха. Ведь Альв ростом был не больше мальчонки, на которого надели его первые брючки.

Ледяной, припорошенный инеем Великан потянулся так, что его узловатые костистые ноги хрустнули, натянул на них семимильные сапоги и через несколько шагов оказался у горы Растекайс в Лапландии.

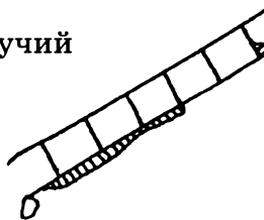
— Ну, меня радует, что скалы не растаяли на солнечном свете. Но что это за черные линии виднеются там, вдали, на снегу?

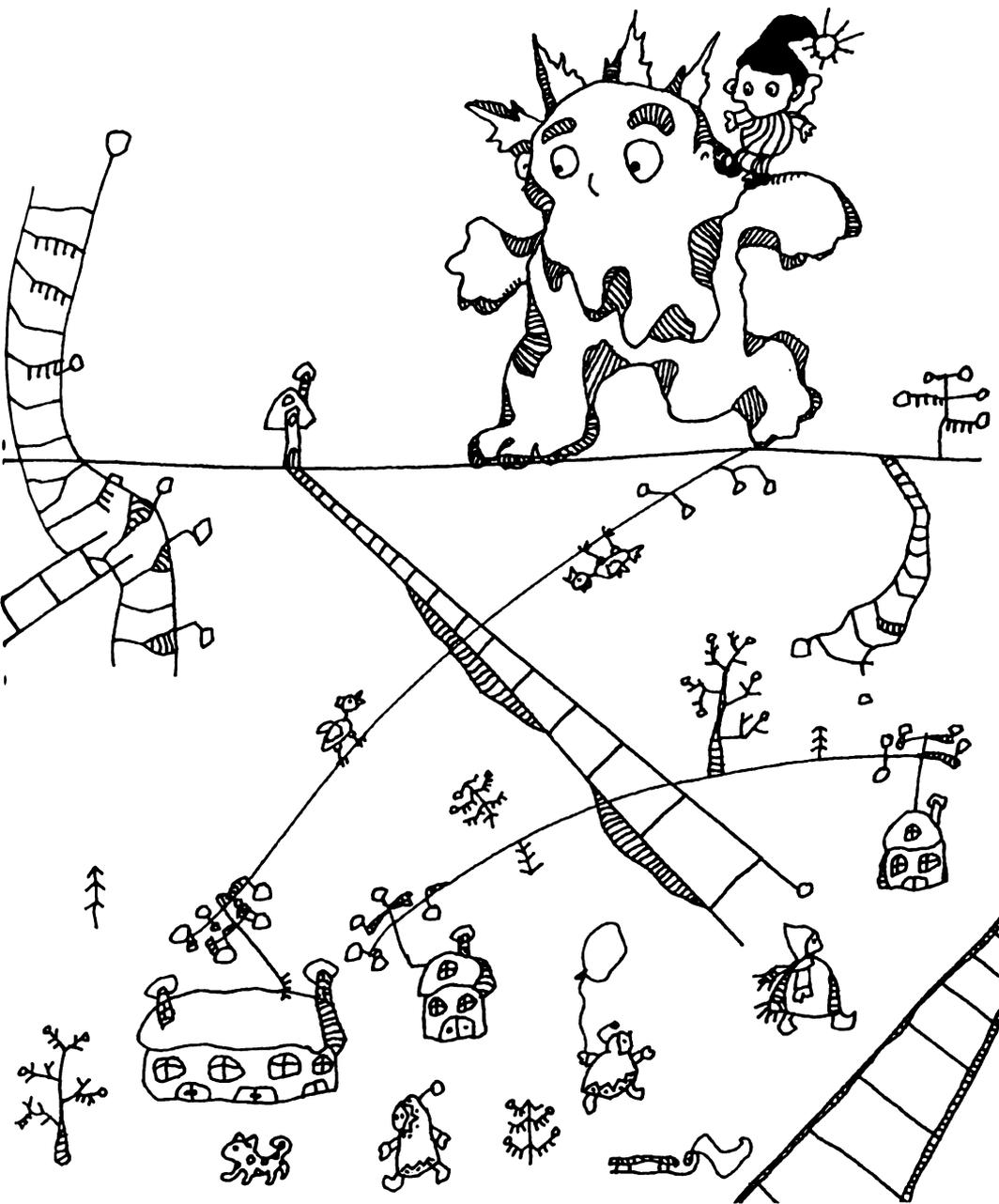
— Это — железные дороги, могучий Великан. Западная ведет к Лофотену, а Восточная успела добраться до Улеборга.

— Железные дороги? Это что — замерзшее железо?

— Нет, глупые люди придумали много разных фокусов за последние сотни лет. Сейчас они проезжают по железным дорогам шесть миль в час.

— Шесть миль! Есть о чем говорить! — презрительно воскликнул Великан.

И, сделав семимильный шаг, очутился уже в округе Тромсё в Северной Норвегии. Там он запутался в телеграфных проводах и чуть не сломал одну из своих хрупких ледяных ног.

— Нет, что за дурацкие силки поставили они песцам? — пробормотал он.

— Да, разве это не глупость! — подхватил Черный Альв. — Вот так они и болтают между собой по этим проводам.

Инеистому Великану вскоре наскучило в Норвегии, он повернулся и, сделав несколько шагов, очутился близ озера Энаре в Лапландии. Здесь из трубы домика новопоселенца, будто красный огненный столб, поднялся в морозный зимний воздух дым. Вместе с дымом донесся и приятный запах; он пришелся Великану по вкусу.

— Что это маленький народец варит?

— Люди варят кофе.

— Кофе! Это что-то вроде каши?

— Могучий Великан, кофе — что-то вроде бурого супа, он приносит радость людям.

— Давай попробуем этот бурый суп! — сказал Великан и сделал шаг вперед, забыв, что тем самым окажется в семи милях от кофейника.

Иногда ходить в семимильных сапогах бывает неудобно!

— Глянь-ка, хижина убежала от меня! — сердито сказал Великан.

Какой-то маленький черный предмет валялся в снегу. Великан поднял его, повертел, сунул в рот и начал его жевать.

— Это жилистый твердый кусок оленины, — заметил он. — Должно быть, оленина долго сушилась на солнце.

— Пожалуй, — согласился Черный Альв. — Вообще-то люди называют это резиновой галошей. Какой-то проезжий потерял ее, уронив в снег.

— А что они делают с резиновыми галошами?

— Они надевают их в слякоть, когда дороги развезет, чтобы не промочить ноги.

— Дороги развезет! Слякоть! Мокрые ноги! Что за слюнтяи живут нынче в Ётунхейме? Я проучу их!

После чего Инеистый Великан выплюнул галошу, набрал полный рот свежего воздуха и выпустил его через ноздри. Вскоре налетела снежная буря, мгновенно покрыла она всю окрестность сугробами высотой в человеческий рост.

— Где котелок с кофе? — спросил Великан.

Черный Альв показал на север, и Великану почудилось, что он ощущает запах кофе в воздухе. Он сделал несколько быстрых шагов, но снежная буря заставила его сбиться с пути, и он приземлился посреди Ботнического залива. Море было заковано льдом, но какой лед сможет выдержать такую тяжелую тушу, как Великан! Да, он тут же плюхнулся в воду — бум! И в этот миг ему непременно пригодились бы галоши!

— Глянь-ка на эти помои, что захлестывают голенища моих сапог! — воскликнул Великан, стоя посреди

моря. Но хуже всего — то, что ноги его начали оттаивать в семимильных сапогах. Другого средства, как только выбираться на сушу, у Великана не было. Когда Великан снова вылез на лед и зашагал большими шагами, раздался страшный треск: трах-тарарах!

И вот Великан уже возле какого-то селения в Финляндии... Стояла оттепель, светило солнце, и дети на салазках съезжали с горного склона.

— Это и есть лягушата? — спросил Великан.

— Могучий Великан, — предупредил его Черный Альв, — бежим отсюда, оставаться здесь опасно. У лесных холмов ты видишь вовсе не каких-то там лягушат, это — дети человеческие.

— Так, так! — произнес Великан. — Я так долго спал, что забыл, как выглядят дети. Меня позабавило бы, коли б я увидел, как эти мелкие твари валяют дурака.

С этими словами он протянул свою длинную руку, схватил одного из детей и осторожно приподнял. При виде Великана другие дети с криками бросились прочь.

Великан с любопытством разглядывал добычу. То был мальчуган лет десяти. А звали его Матте Флинк¹, и он как нельзя лучше соответствовал своему имени. У мальчика сердце ушло в пятки, но, проглотив слезы, он посмотрел Великану прямо в глаза.

— Вот как, значит, ты — один из тех, кто проезжает шесть миль в час и болтает с другими через силки для ловли песцов? Какой же ты маленький жал-

---

¹ Шустрый, ловкий (шв.).

кий кроха! Уж не думаешь ли ты, что умен? А ведомо ли тебе, кто я? Я — самый умный на всем свете!

— Чтоб я тебе поверил, докажи это, — ответил Матте Флинк, раздраженный хвастовством Великана.

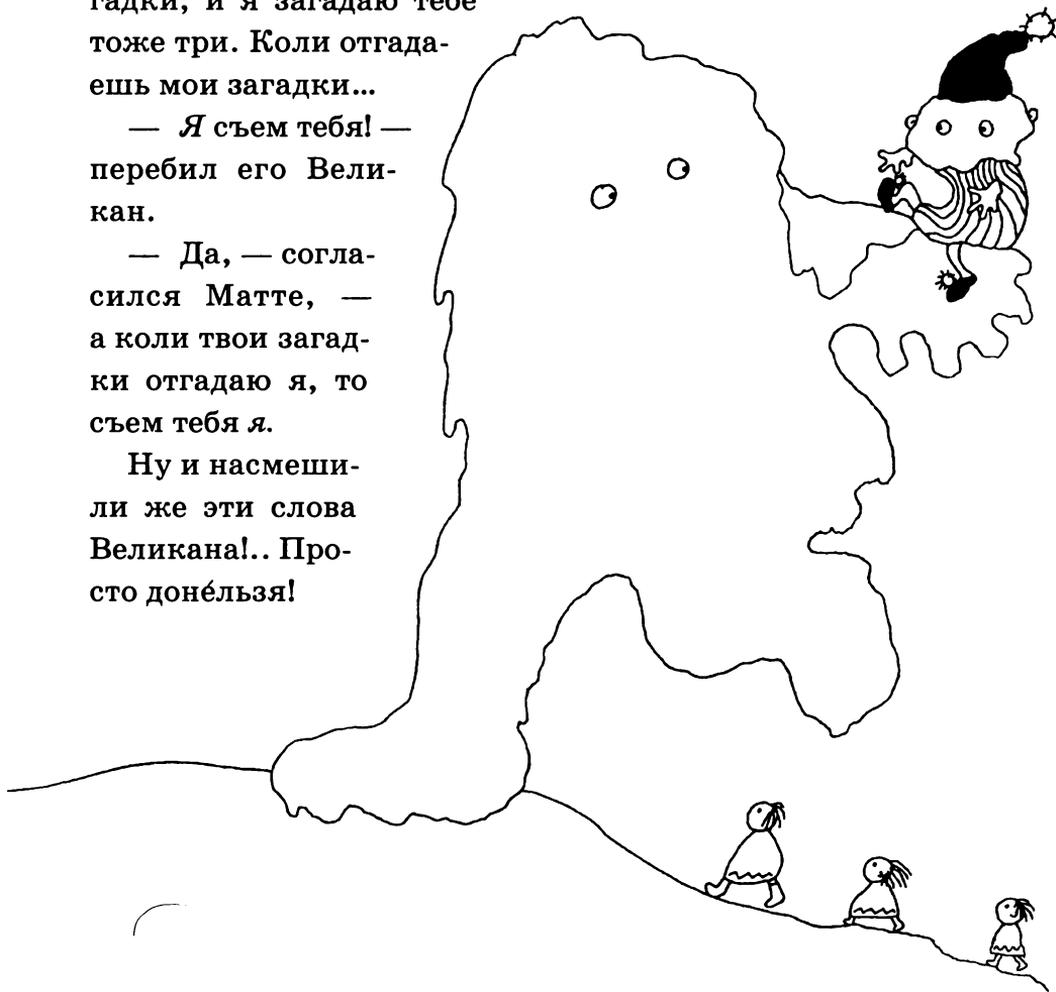
— Доказать? Что ты имеешь в виду?

— Загадай мне три загадки, и я загадаю тебе тоже три. Коли отгадаешь мои загадки...

— Я съем тебя! — перебил его Великан.

— Да, — согласился Матте, — а коли твои загадки отгадаю я, то съем тебя я.

Ну и насмешили же эти слова Великана!.. Просто донельзя!

Но маленький шустрый хвастунишка пришелся ему по душе. Он поставил мальчугана головой прямо в снег, но Матте тотчас вскочил на ноги и скомандовал:

— Начинай!

— Нет, могучий Великан, — прошептал Черный Альв, — не давай себя одурачить! Ты, ясное дело, самый умный на всем свете, но даже самого умного могут обмануть глупые дети человеческие.

— Держи язык за зубами! — вскричал раздосадованный Великан. — Увидишь, я съем этого мальчишку, у меня проснулся адский аппетит! Вот как, три загадки! Ладно! Что есть *у тебя*, а *у меня* этого нет?!

— Десять лет жизни! — ответил Матте Флинк.

— Да, с этим не поспоришь! Ну, а что есть *у меня*, а *у тебя* этого нет?

У Матте было большое желание сказать: «Глупость!» Но у него хватило ума ответить:

— Тысяча лет жизни!

— Так, так! С этим вообще уж никак не поспоришь! Но послушай-ка, — сказал Великан, уверенный в своей победе, — что на свете есть такое, что есть *ни ты* и *ни я*?

— Крокодил? — ответил Матте.

— Крокодил... а что это такое?

— Тогда — горная крыса, если тебе это понятней! — сказал мальчик.

— Горная крыса? Да, с этим вообще не поспоришь! — опечаленно ответил Великан. — А теперь — твой черед спрашивать!

— Кто родился на свет в пору Сотворения мира и будет жить до его скончания?

— О, этого никто не ведает, да и ты — тоже, — неуверенно ответил Великан.

— Ну ладно, это — луна! Ну, а кто всегда ухмыляется?

Великан полагал, что, должно быть, это — он сам.

— Нет, это — щель в стене. А теперь отгадай, что это такое:

Бескрылая птица по небу летела,
Безногая птица на ветке сидела,
Девушка безротая птицу кормила,
Ее без огня, без кастрюли варила
И мало-помалу
Без соли съедала!

У Великана так горели уши, что даже начали таять.

— Съешь мальчишку! Съешь его! — шептал Черный Альв.

Но Великан хотел сдержать свое слово и серьезно задумался... «Как птица может быть бескрылой, а девушка — безротой? Понять это просто невозможно!»

— Послушай-ка, Матте, — спросил он, — кто из нас глуп, ты или я?

— Не знаю, — осторожно ответил Матте. — Но птица бескрылая — это снежинка, а девушка безротая — это солнце.

— Так, так, — произнес Великан. — Пожалуй, глупово все не ты. Но ум — ничто по сравнению с силой!

Ведома ли тебе молва о том, что я — самый могучий на всем свете?

— Чтоб я тебе поверил, докажи и это! — сказал Матте. — Попытайся передвинуть эту гору на три тысячи миль, а завтра верни ее на то же самое место!

Великан осмотрел гору и счел задачу довольно трудной.

— Дурацкая болтовня! — заявил он. — Эту каменную громаду никому во всем мире не передвинуть.

— А вот и нет! — ответил Матте, — это сделаю я, я в школе научился. Сажусь на вершину горы и сижу здесь до утра. Гора вращается вместе с землей, делая круг в три тысячи миль за двадцать четыре часа, а завтра в это же время я вместе с горой — снова здесь!

— Могучий Великан, он обманывает тебя! — шептал Черный Альв.

— Ну нет, послушай-ка, Матте, — возразил Великан. — Все это — только выдумки ученых. Позволь мне выказать свою силу так, чтобы всем стало понятно!

— Изволь, — согласился Матте. — Вот наш сарай. Подойди к нему и просунь голову сквозь стену!

Великан согласился. Раз за разом бился он своей оледеневшей головой о стену, но пробить ее так и не смог. Запыхавшись, он заявил, что это — никому не под силу.

— А вот и нет! — ответил Матте. — Это сделаю я!

После чего вбежал в сарай, высунул голову в окошко и закричал:

— Дорый день, могучий Великан! А теперь я тебя съем!

Великан счел это столь очаровательной шуткой, что просто расхохотался. А не смеялся он, пожалуй, уже несколько тысяч лет с той поры, как Тор вместе со своей колесницей кувыркался в облаках. Великан так безудержно смеялся, что и вовсе позабыл: ведь тело его изо льда — дряхлое, хрупкое и ломкое. Уши его растапливали, голова была разбита о стену сарая, ледяное сердце — растопилось, а ноги превратились в морские волны. Смех и солнечный свет совершенно доконали Великана. Страшные звуки — б-р-р, трам-тарара-рам, бам-бам! — раздались в воздухе, когда вся эта ледяная, припорошенная инеем громада тела Великана рухнула, превратившись в большую кучу слякоти и грязи. Это было прощание Великана с миром.

Черный Альв так перепугался, что тут же помчался изо всех сил к опушке леса и застрял там в заячьих силках.

Матте Флинк был горд одержанной победой, но жалел, что такой славный Великан утечет вместе с водой и слякотью.

Сельские дети, удивленные и любопытные, собрались на высоком снежном сугробе, там, где пал Великан, и толковали о том, что он, возможно, немало съел детей на своем веку.

Однако маленькая девочка, подъехавшая на лыжах к сугробу, сказала:

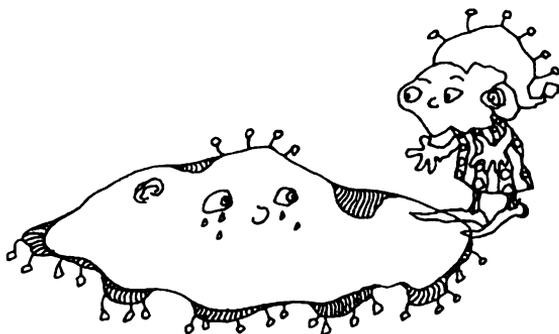
— Нет, Великан был добрый, он не ел детей, напишем ему надгробное слово.

И написала лыжной палкой на снегу:

«Здесь покоится последний Инеистый Великан. Он был огромный и глупый, но не сделал в этом мире никакого зла. Хорошо быть умным, но еще лучше — быть глупым и добрым, нежели умным и злым!»

И маленькая, озаренная солнечным сиянием девочка заплакала на могиле последнего Инеистого Великана.

А эпитафия на его смерть, как и на смерть многих других, была запечатлена на снегу.

Старый домовой Абоского замка¹

Жил-был однажды старый домовой, семисот лет от роду, и обосновался он в подземелье Абоского замка. У него была такая длинная борода, что он мог дважды обернуть ее вокруг себя. Был он сгорблен и согнут, словно старый арбалет, натянутый до отказа. Домовой похвалялся, что он-де самый старый домовой во всей стране. Даже домовой из кафедрального собора, которому было пятьсот пятьдесят лет, величал его дядюшкой. Все прочие домовые Финляндии считали его главой рода. Домовой Абоского замка был хороший, щепетильно честный, дельный, хотя и не без слабостей. Жил он в самом глубоком подземелье Абоского замка, в так называемой Полой башне, где в стародавние времена содержали самых отпетых и опасных преступников, которым никогда больше не суждено было увидеть белый свет. Там-то и находился со всеми возмож-

---

¹ Замок в Або (шведское название города Турку) — один из старейших в Финляндии. Заложен в конце XIII в. шведскими королями как крепость и тюрьма. Долгие годы замок служил темницей. В наши дни это превосходный исторический музей.

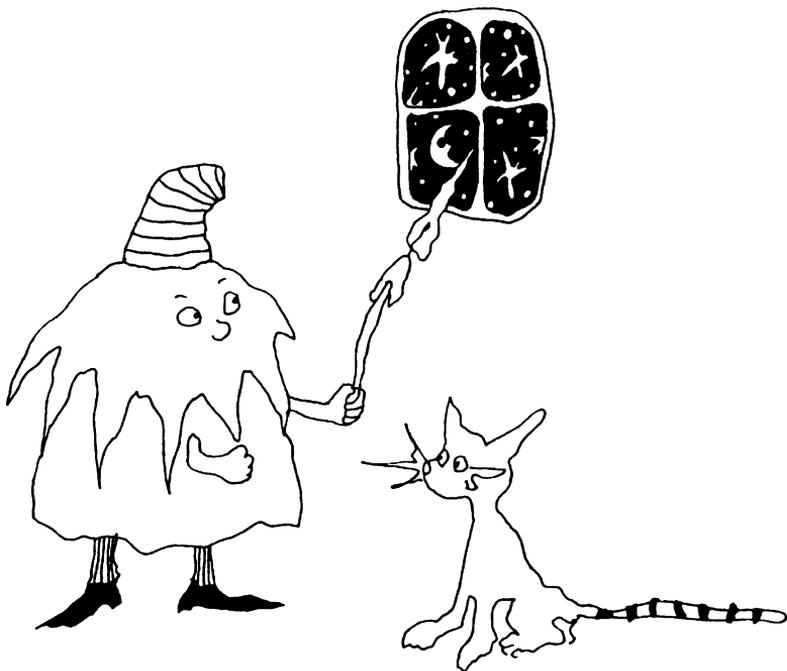
ными удобствами роскошный «дворец» домового. Там не было недостатка в мусорных кучах, разбитых вдребезги кувшинах, рваной рогоже, непарных сапогах и перчатках, ломаных игрушках, оконных створках без стекол, в ушатах и чанах без днищ, в изглоданных крысами книгах без переплетов и множестве другого хлама, совершенно не поддающегося описанию. Башня тщательнейшим образом была задрапирована паутиной всевозможнейших узоров и усеяна небольшими лужицами, которые в течение сотен лет непрерывно восполняли запасы воды.

В этом удобном обиталище домовому жилось так хорошо, что он редко искал общества вне дома. Других домовых старый батюшка-домовой из подземелья вообще ни в грош не ставил и не считал их скольконибудь достойными внимания.

— В мире нынче все измельчало, — говаривал он. — Домовые годятся теперь лишь на то, чтобы строить беседки да чинить детские игрушки, чистить сапоги да подметать пол. Люди презирают их и не устаивают даже угощения — плоски каши на Рождество¹. Посмотрели бы вы на стариков домовых в мое время! Мы сдвигали скалы и строили башни.

У старого домового было всего лишь два друга, которых он иногда посещал: домовой из кафедрального собора и старый привратник из замка — Маттс Мурстен. Домового из собора он посещал раз в двадцать лет, и раз

¹ По старинному обычаю, домовому в Финляндии и Швеции выставляли плоску каши за угол дома на Рождество.

в двадцать же лет домовый из кафедрального собора жаловал в гости к домовому из замка. У них был кратчайший путь друг к другу через знаменитый подземный ход меж замком и собором, ход, о котором рассказывают все жители Або, хотя никто из них его не видел. Домовым было вовсе не трудно прокрадываться через тесный ход — им ведь ничего не стоит пролезть и сквозь замочную скважину. Гораздо хуже обстояло дело с детьми человеческими. Привратник Маттс Мурстен знал это лучше кого-либо другого, потому что он был единственным человеком, которому удалось проползти через этот ход. И вот тогда-то он впервые и познакомился со старым домовым из Абоского замка.

Маттс Мурстен был в то время проворным мальчуганом двенадцати лет, и ему море было по колено. Он искал старые пули от мушкетов среди древнего хлама в подземелье замка, когда его однажды утром угораздило обнаружить лаз в подземный ход. Вот он и стал изучать, куда может привести эта дыра. Он все полз и полз, но когда ему удалось продвинуться вперед, камни за его спиной обрушились и преградили обратный путь. Это ничуть не опечалило Маттса; ведь где-нибудь он-то, верно, сможет вылезти из подземного хода! Но под конец случилось так, что камни обрушились и впереди, так что Маттс не смог пролезть ни вперед, ни назад. Так бы он, видно, и сидел пригвожденный к месту и поныне, если бы все это не произошло в тот самый день, когда домовые из замка и кафедрального собора имели обыкновение раз в двадцать лет посещать друг друга. Домовой из замка шел как раз к домовому из собора, когда обнаружил мальчика, застрявшего в куче мусора, словно лисенок в капкане! А сердце у домового было доброе, ведь все домовые хотя и страшно обидчивы, но добросердечны. Потому-то он и зарычал на Маттса:

— Ты что здесь делаешь?

— Ищу старые пули, — дрожа, ответил Маттс.

Домовой засмеялся:

— Держись крепче за голенище моего сапога, — посоветовал он, — и я помогу тебе выбраться отсюда.

Маттс ничего не видел в темноте, но, протянув руку, ухватился за голенище сапога домового. Они быстро

двигались вперед между камнями и щебнем, а вскоре домовый сказал:

— Вылезай через дыру!

Маттс, по-прежнему ничего не видя, ухватился за творило лаза, которое могло подниматься вверх. И вскоре он уже очутился на высоких хорах кафедрального собора, где в полном облачении стоял епископ и как раз собирался отправлять службу.

— Посмотрите-ка на него, — сказал епископ. — Что тебе надо в винном погребе собора?

Маттс подумал, что епископ вряд ли опаснее старого домового, и откровенно ответил, что искал мушкетные пули. Епископ счел, что ему не подобает смеяться, когда он облачен в столь парадные одежды. Он указал лишь мальчику пальцем на заднюю дверцу, после чего Маттс убрался как можно скорее.

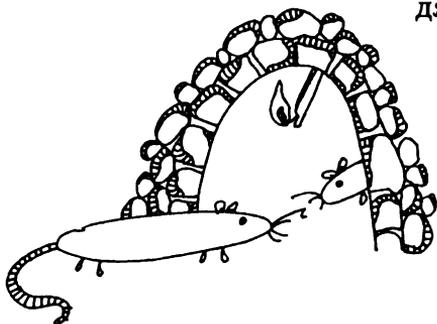
С этого дня между Маттсом Мурстеном и старым домовым из Абоского замка завязалась, можно сказать, дружба. Маттс его не видел, потому что старый домовый ходил по большей части невидимкой в своей серой куртке и черной мерлушковой шапке. Стоило ему вывернуть шапку наизнанку, как он становился невидимкой. Домовому доставляло удовольствие помогать (это в обычае домовых) в том, чтобы Маттс благоденствовал на этом свете. И у мальчика и вправду все шло на удивление хорошо.

Когда Маттсу Мурстену исполнилось тридцать лет, он стал привратником в Абоском замке. Он с честью исправлял свою должность целых пятьдесят лет

и, отслужив до восьмидесяти, вышел в отставку с пенсией. А потом много-много лет прожил в старом замке, где некогда искал пули в подземелье.

Дружба между домовым и привратником стала столь задушевной, насколько это вообще возможно между домовым и человеком. Матс Мурстен передал свою должность мужу внучки Андерсу Тегельстену и больше уже не беспокоился о том, что узники из замка сбегут. Теперь у него было довольно времени, чтобы бродить, где ему вздумается, по старому замку, исправлять повреждения, затыкать разбитые оконные рамы и всячески препятствовать снегу и дождю проникать сквозь щели в крыше. Во время своих блужданий он часто встречал старого домового, не видя его. Домовой занимался теми же самыми делами, что и привратник, потому что оба старика ничего на свете так не любили, как свой замок. Никто, кроме них, не заботился об этой древней постройке. Стоит, ну и пусть стоит, а рухнет, ну и что же... Над замком полыхал огонь, над ним проносилось время, зимы врвались в него снегом, лето — дождем, ветер сотрясал его трубы,

крысы прогрызали дырки в полах, дятлы разбивали рейки оконных переплетов, своды подземелья грозили обрушиться, а башни подозрительно клонились набок. Абоский замок уже давно превратился бы в кучу щебня, если бы домовый постоянно не занимался тем,

что исправлял все повреждения. А теперь еще у домового появился помощник в лице старого Мурстена.

Семисотлетнее сердце домового было тронуту. В один прекрасный день случилось так, что он вывернул мерлушковую шапку мехом наружу и тут же перестал быть невидимкой. Откуда он только такой взялся! Старый Мурстен чуть не рухнул от испуга с лестницы башни, когда увидел маленького, ласково ухмылявшегося старца с длинной белой бородой и согбенной спиной. От удивления он хотел было перекреститься, как это делалось еще во времена его детства, но домовый опередил старика:

— Ты боишься меня? — спросил домовый.

— Не-е-т, — заикаясь, возразил привратник. Но он все-таки испугался и спросил: — С кем имею честь?..

Домовый засмеялся со свойственным ему лукавством.

— Ах, вон что, ты не имеешь чести меня знать. Помнишь, кто сказал тебе: «Держись крепче за голенище моего сапога!» — когда тебе было двенадцать лет? Помнишь, кто задул свечу, когда ты заснул над книгой, и кто отыскал твой сапог в море, когда ты упал с причала? Помнишь, кто подчистил кляксу, когда ты писал прошение о должности привратника? А знаешь, кто все ночи напролет ходил по замку, пока ты спал, и приглядывал, чтобы все двери узников были надежно закрыты? Это был я. Полагаю, Маттс Мурстен, мы старые знакомые. Станем теперь друзьями!

Привратник сильно смутился. Он, конечно, догадался, кто был пред ним, и, как добрый христианин,

страшился общения с нелюдем. Но он сделал хорошую мину при плохой игре и с того раза уже привык встречать старого домового то тут, то там во время своих блужданий по замку.

А рассказы домового об Абоском замке стоили того, чтобы их послушать. Домовой принимал участие во всех событиях и происшествиях с самого начала существования замка, он помнил все, словно это было вчера. Он видел Святого Эрика¹ и Святого Хенрика². Он знал всех хёвдингов³ из этого замка. Он видел герцога Юхана III, любимого сына короля Густава Васы, и его блистательный двор, он видел пленного короля Эрика, что доводился Юхану старшим братом. Видел Пера Брахе⁴, который принимал первых профессоров в Абоской академии⁵, и многих других прославленных мужей. Домовой рассказывал о частых осадах замка и злосчастных судьбах его обитателей во времена пожаров и войн. Самый страшный пожар случился тогда, когда домовый уехал навестить своих кузин, домових из Тавастехуса⁶. После этого события он решил больше никогда не покидать Або.

---

¹ Шведский король. Правил с 1158 г. в лене (губернии) Вестерйётланде, выступал за распространение христианства в Швеции.

² Покровитель Финляндии (умер в 1156 г.). По преданию, был епископом в Упсале. Пошел следом за святым Эриком в крестовый поход на Финляндию и принял мученическую смерть.

³ Вождей, военачальников (*шв.*).

⁴ Потомок знатного рода в Швеции. В 1648–1654 гг. — просвещенный генерал-губернатор Финляндии.

⁵ Университет в Або, основан в 1640 г.

⁶ Лен, город и замок в Центральной Швеции.

Привратник внимательно слушал домового и следовал за ним из одного зала в другой, из одного подземелья в следующее. И вот однажды они пришли к Полой башне.

— Не хочешь ли спуститься ко мне вниз и поглядеть, как я живу? — предложил домовый.

— О да, — не без тайного трепета ответил привратник. Но любопытство взяло верх: в Полой башне он никогда не был.

Они спустились вниз, домовый впереди, привратник позади. Внизу было темно, хоть глаз выколи, страшно холодно, сыро и смрадно.

— Разве я не уютно устроился? — спросил домовый.

— Разумеется, уютно, коли вам по вкусу, — вежливо согласился Маттс Мурстен. И в тот же миг наступил на лапку дохлой крысы так, что она хрустнула у него под ногой.

— Да, у вас, людей, какая-то удивительная страсть к солнечному свету и воздуху, — засмеялся домовый. — У меня же есть то, что гораздо лучше. Приходилось ли тебе дышать более целительным воздухом?! А свет, который есть у меня, куда лучше солнечного, вот увидишь. Мурра, старая троллиха, где ты пропадаешь? Иди сейчас же сюда и посвети моему собрату по ремеслу.

При этих словах что-то черное прокралось едва слышными шагами из самого отдаленного угла, влезло на камень и вытаращило два огромных сверкающих зеленых глаза.

— Ну как, по душе тебе мое освещение? — полюбопытствовал домовый.

— Это кошка? — спросил привратник, одержимый тайным желанием очутиться подальше отсюда.

— Да, сейчас Мурра — кошка, но она не всегда была кошкой. Она сторожит мой двор и остается моей единственной собеседницей. Она добрая тварь, когда не злится. Безопасности ради не подходи к ней слишком близко. Я могу обойтись без общества, но мне нужна дворовая стража. Хочешь посмотреть мою сокровищницу?

— Благодарю покорно, я не любопытен, — отвечал привратник.

Он мерз и думал про себя, что сокровища домового, верно, так же «замечательны», как воздух и освещение в его башне.

— Как прикажешь! Сдается мне, ты принимаешь меня за нищего, — обидчиво сказал домовый. — Иди сюда, погляди!

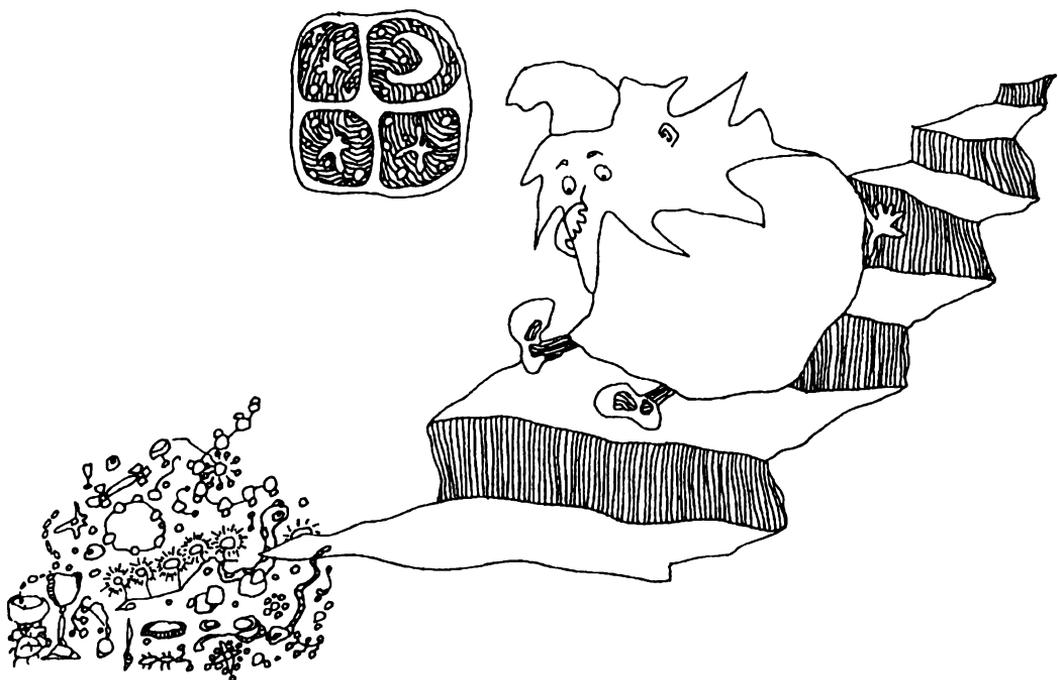
С этими словами он отворил маленькую заржавелую дверцу, которая пряталась в самом темном углу, под мхом, плесенью и паутиной. Кошка Мурра прокралась через эту дверцу и осветила своими сверкающими глазами подземелье, набитое золотом, серебром и драгоценными камнями, богатой придворной одеждой, великолепными доспехами и прочими сокровищами. Домовый оглядел все эти драгоценности с каким-то жадным удовлетворением. А потом похлопал своего гостя по плечу и сказал:

— Признайся, Маттс Мурстен, что я вовсе не такой бедняк, каким ты по простоте душевной меня представ-

лял. Все это мое, захваченное по праву имущество. Всякий раз, когда в замке случался пожар или его разорили враги, я невидимкой бегал по залам, подземельям и прятал несметные сокровища, которые, как считают, стали добычей огня или недруга. О, как прекрасно быть таким богачом!

— Но что вы делаете со своим богатством, вы, который так одинок? — осмелился спросить привратник.

— Что я с ним делаю? Я люблюсь им дни и ночи напролет, я сохраняю, я защищаю его. Разве я в таком окружении одинок?

— Ну а если кто-нибудь придет и выкрадет ваше сокровище?

Мурра поняла вопрос и рассвирепела. Старый домовый крепко схватил своего испуганного гостя за руку и, не ответив, повел его к другой, железной, двери, которую он слегка приотворил.

Оттуда слышался ужасный рев, казалось, рычат сотни хищников.

— А ты не думаешь, — воскликнул хриплым от гнева голосом маленький старичок, — ты не думаешь, что несчастные людишки уже не раз жаждали захватить мои сокровища! Здесь лежат эти разбойники, связанные по рукам и ногам. Все они теперь — волки, и если у тебя есть охота сделать то, что пытались сделать они, ты разделишь их участь.

— Боже, сохрани нас, — вздохнул кроткий прирватник.

Когда домовый увидел, как испугался его гость, к нему вернулось его хорошее настроение, и он сказал:

— Не принимай это так близко к сердцу. Ты честный малый, Маттс Мурстен, поэтому ты узнаешь еще кое-что. Ты видишь здесь и третью железную дверь, но ее не смеет открыть никто, даже я. Глубоко внизу, под фундаментом замка, сидит тот, кто гораздо старше и гораздо могущественнее меня. Там сидит старый Вейнемейнен¹, окруженный своими спящими воинами, и все ждет и ждет. Борода его гораздо длиннее мо-

---

¹ Герой карело-финского эпоса «Калевала».

ей. А когда она вырастет так, что сможет обвиться вокруг каменного стола, тогда наступит конец его заточению. Борода растет с каждым днем, и каждый день он проверяет, хватит ли ее, чтобы обвить вокруг стола. Но как только он видит, что еще немного недостает, он очень грустит, и тогда звуки его кантеле¹ так отчетливо доносятся сквозь толщу скал, что к ним прислушиваются даже старые стены замка. А здешняя река на воле выходит из берегов, чтобы лучше слышать. И вот его богатыри просыпаются, поднимаются во весь рост и ударяют мечами о щиты с такой силой, что своды замка сотрясаются.

Ну а теперь, мой друг Маттс Мурстен, разумнее тебе отправиться наверх, к людям. А не то услышишь больше, чем в силах выдержать. Но я чуть было не забыл, что ты мой гость и тебя нужно угостить. Могу себе представить, что тебя не прельщают такие лакомства, как студень из паутины и приправленная пряностями вода из лужи... Не стесняйся, говори начистоту. Хочешь кружку пива? Иди за мной, у меня есть немало всяких припасов. Часто я удивлялся, как это я умудряюсь хранить разный ненужный хлам, но теперь я вижу, что он все же на что-нибудь да и сгодится.

Домовой вытащил из сокровищницы серебряный кубок и налил в него блестящую темно-коричневую жидкость из большой дубовой бочки. Привратник сильно озяб и не мог отказать себе в удовольствии

---

¹ Музыкальный инструмент (*фин.*).

отведать пива; он счел, что оно ничуть не хуже самого благородного вина. Привратник даже осмелился спросить, откуда у домового такой драгоценный напиток.

— Это не что иное, как оставшаяся от герцога Юхана бочка знаменитого финского пива. Оно настаивается с годами, как моя вода из лужи. Сохрани кубок на память обо мне; но не говори об этом никому ни слова. Таких кубков у меня сотни.

— Спасибо вам, батюшка домовый, — поблагодарил его старый Мурстен. — Могу я пригласить вас послезавтра на свадьбу? Это, ясное дело, дерзость с моей стороны, но моя правнучка, малютка Роза, выходит замуж за фельдфебеля Роберта Флинту, и это будет большая честь, если... если...

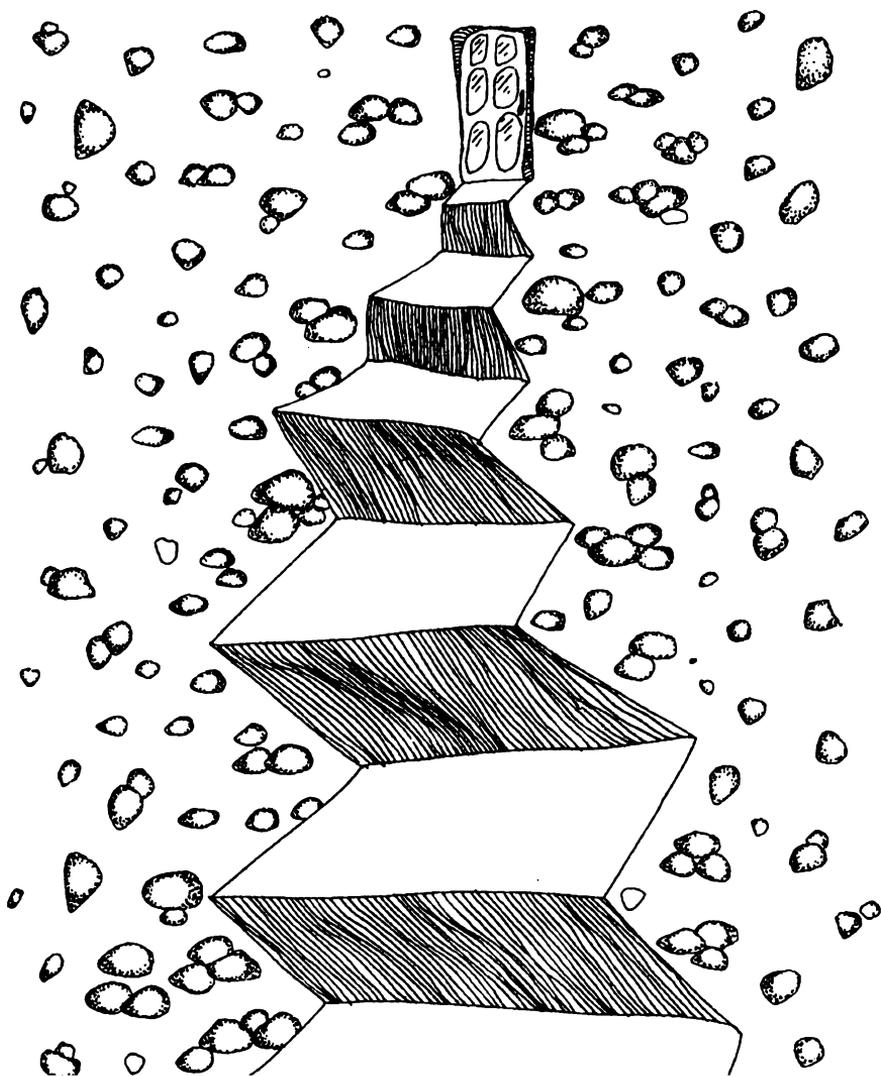
Но тут вдруг старику пришло на ум: а как отнесется священник к домовому? И он осекся.

— Я подумаю, — заметил домовый.

Вскоре они вернулись в подземелье замка под Полой башней. Когда старый Мурстен почувствовал, что легкие его наполняются свежим воздухом, ему показалось, будто никогда прежде не дышалось ему так легко. «Нет, — подумал он, — за все сокровища тролля я еще раз в эту ужасную башню не полезу».

И вот в старом замке принялись убирать, скрести и мыть. Ведь будут играть свадьбу! И вовсе не какая-нибудь там барышня из замка в шитом серебром платье выходила замуж за рыцаря с развевающимся на шлеме султаном из перьев и звенящими шпорами. Нет! То бы-

ла всего-навсего молоденькая девица из Або в домотканом хлопчатом платице. Но вы бы видели, как пригожа и хороша была малютка Роза! Бойкий фельдфебель из батальона метких стрелков дал ей понять, что если она только захочет, то со временем может стать генеральшей, когда он сам выбьется в генералы. Малютка

Роза сочла это вполне вероятным и дала слово для начала стать фру фельдфебельшей.

Но у Роберта Флинты был соперник, его двоюродный брат по имени Чилиан Грип. И он положил глаз на малютку Розу, да-да, и он тоже! Но не столько ради ее собственной маленькой персоны, сколько ради денег, которые, как он полагал, она получит со временем в наследство. Удача Роберта Флинты привела его в страшную ярость, и он решил, посоветовавшись со своей мамашей Сарой, самой зловредной старой сплетницей в Або, попытаться выведать, как бы одержать верх над соперником. Но не успел Чилиан ахнуть, как в церкви состоялось оглашение имен жениха и невесты.

Все приготовления к свадьбе удались сверх всяких ожиданий. Пшеничные сухарики поднялись на дрожжах, как булки, кладовые, словно сами по себе, ломились от яств. Крысы хотели было к ним подобраться, но все до единой попали в капканы. Казалось, весь замок помолодел, все разбитые стекла стали вдруг целыми, сломанные лестницы были починены, сдутые ветром печные трубы поднялись заново. Люди не уставали диву даваться, но старей-то привратник хорошо знал, кто виновник всех этих дружеских забот. Ему бы следовало испытывать только благодарность, а он вместо этого думал про себя: «Что скажет священник, когда войдет старый домовый и вывернет свою мерлушковую шапку мехом наружу?»

Настал день свадьбы, явились гости, но домовый не показывался. С облегчением вздохнув, привратник

присоединился к свадебному веселью. И музыка, и танцы, и речи были такими прекрасными, ну прямо под стать настоящему фельдмаршалу, а не только тому, кто намеревался стать генералом. Малютка Роза была так хороша и казалась такой счастливой в своем простом белом платье с цветком шиповника в волосах, что никто уже давным-давно не видывал столь прелестной невесты. А Роберт Флинта выступал во время полонеза с таким достоинством, словно был уже по меньшей мере генералом.

Наконец, когда настал черед выпить за здоровье невесты, все стаканы наполнились сами по себе, а едва малютка Роза вошла в круг поздравляющих, невидимая рука надела ей на головку сверкающую драгоценную корону. Гости в зале только диву давались. Все видели корону, но никто не видал того, кто надел ее на голову невесты. И тогда начали шептаться, что, мол, прадедушка невесты, старый привратник, должно быть, нашел сокровище в одном из подземелий замка.

Старый Мурстен держал свои мысли при себе, ожидая в страхе, что увидит, как домовой явится среди гостей, ухмыляясь от удовольствия, и спросит:

— Доволен ты моим подарком невесте?

Но домовой не пришел, вернее, он был уже здесь. Гостей обносили чашечками кофе, когда привратник услышал, как знакомый голос шепчет ему на ухо:

— Можно я возьму сухарик для Мурры?

— Возьми четыре сухарика, возьми всю корзинку, — шепнул ему в ответ ошеломленный привратник.

— Бедняжке Мурре надо чем-нибудь подкрепиться, — продолжал голос. — Видишь, старый друг, я принял твое приглашение. Но я не собираюсь выворачивать шапку мехом наружу, я не очень-то люблю священника. Как, по-твоему, идет моя корона невесте?

— Она похожа в ней на королеву.

— Еще бы, — заметил домовой. — Это корона Катарины Ягеллоники той поры, когда она была герцогиней Финляндской и жила в Або. Но никому об этом ни слова.

— Ясное дело, я буду молчать, — прошептал привратник. — Не могу ли я предложить крендель для Мурры?

— Мурра ест всего лишь один раз в пятьдесят лет. Ей хватит, — ответил домовой. — Прощай пока и спасибо за угощение. Здесь наверху так отчаянно светло, я хочу поскорее очутиться в моей уютной Полой башне.

На этом шепот стих; привратник был доволен, что избавился от столь сомнительного свадебного гостя.

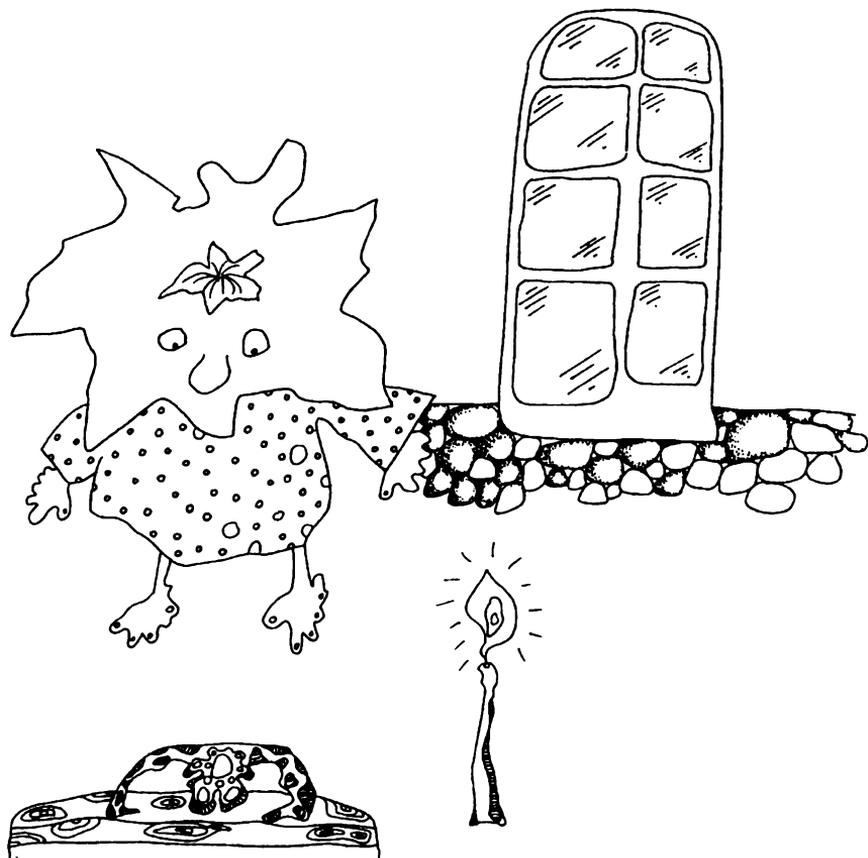
На радостях он выпил за здоровье невесты ароматного вина. Но ему, честному Мурстену, не следовало бы этого делать: ведь он был стар, и вино ударило ему в голову. Он стал болтлив и позабыл о том, что надо держать язык за зубами.

Меж тем тетушка Сара и ее сын, разумеется, не преминули явиться на свадьбу. Усевшись рядом с привратником, Сара не могла надивиться на драгоценную корону.

— Зачем прививать девчонке тщеславие? Лучше продать корону золотых дел мастеру и получить за нее кучу

денег, чем учить Розу задирать нос. И если ты, Мурстен, нашел корону в подземелье замка, то она все же принадлежит высокому начальству, поскольку и весь замок также его собственность.

— И вовсе не я нашел корону. И не я подарил ее невесте, — рассерженно ответил привратник.

— Сохрани меня Боже, кто же еще мог бы подарить невесте такую драгоценность?

— Вас, мадам, это не касается, — сказал привратник.

— Не касается меня? Меня не касается. А что если прокурор явится к моему кровному племяннику-жениху и скажет: «Держи ответ за краденое добро, фельдфебель. Корона краденая!»

Честный Маттс Мурстен рассердился и сгоряча наговорил о сокровищах в башне больше, чем того требовало благоразумие. Сара, которой удалось выведать тайну домового, тотчас подошла к своему сыну и нашептала ему, что в Поллой башне спрятаны несметные богатства. Их надобно присвоить, прежде чем кто-нибудь другой про то узнает. Чилиан Грип тотчас вызвался пойти за сокровищем. Мать и сын тайком выбрались из зала, запаслись фонарем, лопатой, киркой, веревочной лестницей и, никем не замеченные, отправились вниз в Полуую башню.

В глубоком подземелье было темно, каждый шаг повторяло эхо, вспугнутые крысы бежали вниз в свои норы. Потайной фонарь отбрасывал неверный свет на серые пыльные стены, по которым взад-вперед ползали пауки.

— Кто-то идет за нами... Ты не слышишь шаги? — спросила Сара.

— Это стены повторяют эхо наших шагов, матушка, — ответил Чилиан.

Здесь, в этих пустынных залах, малютка Роза и в темноте, и при дневном свете не раз бродила одна,

ничего не страшась. Но, когда совесть нечиста, дрожишь от малейшего звука!

После долгих поисков мать с сыном нашли наконец Полую башню. Ледяным смрадным воздухом повеяло на них из глубины. Неужто они осмелятся спуститься вниз, в эту мрачную и холодную дыру?

«Не ходите туда!» — повелела им Совесть.

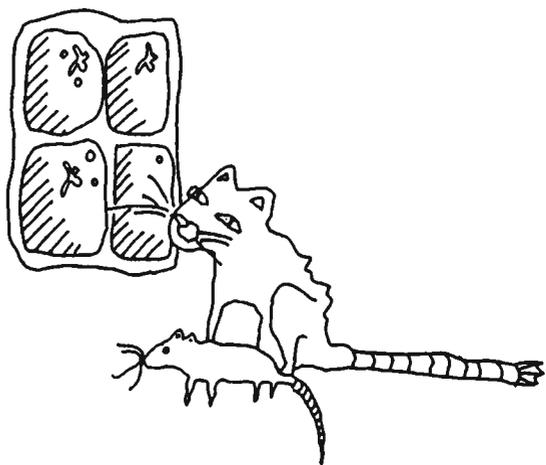
«О, полезайте туда!» — повелела им Алчность.

Сержант взял веревочную лестницу, крепко привязал ее у входа в подземелье и первым полез вниз, меж тем как его жадная мамаша следовала за ним по пятам.

Не успели они спуститься вниз, как фонарь погас. Черная тьма окутала их, точно мешком. И тут внезапно пара пылающих углей вспыхнула пред ними. То были глаза кошки Мурры.

— Сдается, лучше нам подняться обратно, — задрожав, прошептала Сара.

Сын ее думал точно так же. Но только они поставили ногу на веревочную лестницу, как замок содрогнулся от страшного грохота. Камни и гравий обрушились в башню и закрыли людям обратный путь. В тот же миг при свете кошачьих глаз они увидели маленькую

серую и сгорбленную фигурку домового, его крошечные красные глазки и длинную бороду.

— Добро пожаловать в мое жилище, — ухмыльнулся домовый. — Как любезно с вашей стороны навестить меня, я же в свою очередь оставлю вас у себя навечно. Я покажу вам мои сокровища, те самые сокровища, которые так пришлись вам по душе, но которые никогда не станут вашими. Мурра будет вам мурлыкать. Ты должна знать, Сара, что пятьсот лет тому назад Мурра была точь-в-точь такой же старой сплетницей и сквалыгой, что и ты. А после того как она прожила отпущенный ей людской век, она стала кошкой. Этой же чести будешь удостоена и ты, мой друг! Видишь, как глаза Мурры светятся от удовольствия, что наконец-то у нее появилась подруга! А ты, Грип, раз уж ты вор, после того как проживешь свой людской век, станешь волком среди всех прочих волков. Слышишь, как они воют от радости?!

Чилиану Грипу с его мамашей пришлось остаться в Полой башне. Люди только диву давались, куда они пропали. Но кто станет горевать о сплетнице и кто будет оплакивать вора?

На следующий день старый привратник Мурстен сказал правнучке:

— Роза, свадьба вчера была чудесна, а невеста прекрасна. Дитя мое, попробуй угадать, кто некогда носил твой венец? Ни больше ни меньше, как Катарина Ягеллоника, герцогиня Финляндская.

— Дедушка, вы смеетесь надо мной, — воскликнула Роза.

— Ты мне не веришь? Я знаю это из самых надежных рук. Принеси сюда корону, и ты увидишь, что она отмечена королевским вензелем.

Роза подошла к шкафу, где хранила свой подвенечный наряд, но, изумленная, вернулась обратно. Корона исчезла. Вместо нее лежал лишь кусок ржавого железа.

— Ах я, старый дурак, — вздохнул привратник, который не смог сохранить тайну. — Я поклялся молчать о тайне, которую мне доверили, и я же выдал ее. Дитя, дитя, не выдавай никогда ничего из того, что доверили тебе под клятву молчания.

Роза решила, что старый прадедушка впал в детство. Ведь ему исполнилось уже восемьдесят восемь лет.

Однако же Маттс Мурстен прожил еще два года, но он не ходил больше в подземелье и по лестницам башни. У него не было ни малейшего желания встречаться со своим старым другом домовым. Потому что по многим признакам он понял, что домовый перестал оказывать ему прежнее дружелюбие. Покои замка никогда больше не убирала невидимая рука, цветы не поливали, а обвалившиеся стены не поднимались вновь. Замок пришел в упадок. Латать и чинить его было бесполезно, ведь ничто не могло противостоять той разрушительной силе, которая свирепствовала теперь в древнем замке.

Однажды старый Мурстен попросил Розу:

— Поведи меня на прогулку в замок!

— Хорошо, — ответила Роза. — Куда же ты хочешь пойти, дедушка? В подземелье, в залы или в башню?

— Нет, нет, не в подземелье и даже не в башню. Я могу встретить кого-нибудь на лестницах. Поведи меня к открытому окну на Ауру. Мне нужен свежий воздух.

— Тогда пойдем в Западный зал, окна которого выходят на устье реки. Я повезу с собой моего сыночка в плетеной колясочке.

У Розы был уже маленький мальчик, которого называли в честь короля Эрика.

Они медленно брели по замку. Солнце освещало могучие серые стены и почти девяностолетнего старца, что в последний раз брел по дорогом у его сердцу замку. Выглядывая в маленькие оконца, он видел у подножия башни залив, мерцающий и спокойный. Воспетая поэтами Аура катила свои сверкающие воды в залив, а вдалеке виднелись сотни белых парусов, которые раскачивал летний ветер.

Глазами, полными слез, смотрел на все это великолепие старый привратник.

— Ах, — вздохнул он, — вскоре этот прекрасный старый замок рассыплется в прах. Древнейший замок Финляндии превратится в груды камней, и галки напрасно будут искать стену, где построили бы свои гнезда. Если б я мог спасти старый замок от разрушения, я охотно отдал бы за него свою жизнь.

— Ну не очень-то дорого он тогда бы и стоил, — сказал хорошо знакомый привратнику голос, и старый домовый в шапке, вывернутой мехом наружу, вылез из трещины в стене.

— Это вы? — удивленно спросил привратник.

— А кто же еще! — засмеялся старый домовый. — Только я переселился из Полой башни в другую крысиную нору. Не мог выдержать несмолкаемую болтовню старухи Сары. Такая сплетница даже домового обратит в бегство. Ух, я теперь стал туг на ухо, я старею, и в мире нынче все измельчало, все вздор и чепуха.

— Это правда, — вздохнул привратник. — Мир становится все хуже и хуже. Но что же вы собираетесь теперь делать, если позволяете замку прийти в упадок?

— Позволяю? — проворчал домовый. — Тому есть причины, я был в дурном настроении. Но я не в силах забыть мой старый замок. Я должен, верно, выдержать еще несколько сотен лет до тех пор, пока борода старца, сидящего внизу, не обовьется вокруг каменного стола. Ты что-то такое говорил, будто готов отдать свою жизнь за старый замок?

— Я бы охотно это сделал, если вы и впредь сохраните его могущество.

— А на что мне твоя жизнь, старый ты пень, — расхохотался домовый. — Твоя жизнь исчисляется теперь часами. Отдай мне лучше малыша в плетеной колясоч-

ке. Он может прожить свои семьдесят—восемьдесят лет и стать мне добрым слугой.

При этих словах малютка Роза побледнела и склонилась над ребенком, словно защищая его.

— Мою жизнь можешь взять тысячу раз, — воскликнула она, — но не смей касаться маленького Эрика.

Домовой нахмурил кустистые брови и пробормотал:

— Вы, люди, удивительное племя, не понимаю я вас! Что такое человеческая жизнь? Где был этот ребенок вчера и где будет этот старик завтра? Нет уж,

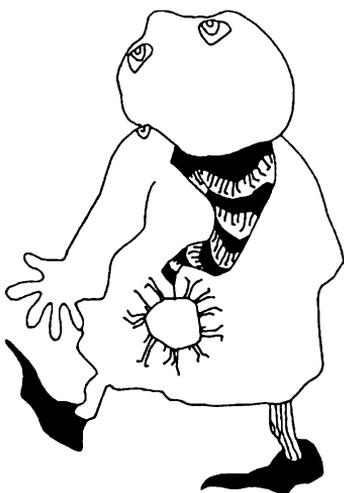
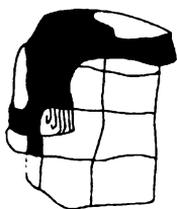
нам, домовым, куда лучше. Не желаю я с вами меняться.

Роза взглянула на него.

— Домовой, — сказала она, — знай же: если бы тебе исполнилась тысяча лет да проживи ты еще тысячу, мы все равно будем жить дольше, чем ты.

Такие дерзкие слова заставили обидчивого домового вскипеть от ярости.

— Берегись сама, ты, муравьяха! — воскликнул он и ударил рукой о стену с такой силой, что обломок стены, огромный как скала,

оборвался и со страшным грохотом обрушился с крутых склонов.

Еще один такой удар — и вся стена рассыплется в прах.

Роза и ее прадед упали на колени, готовые к тому, что старые стены сокрушат их в один миг. Но тут внезапно рука домового замерла и бессильно свесилась вниз. Его недавно столь суровые черты стали удивительно печальны, и привратник с Розой увидели, как крупные слезы покатались из его маленьких красных моргающих глазок.

Глубоко внизу из недр скалы под фундаментом замка послышались отдаленные звуки песни и музыка, такая сладостная, подобной которой никто никогда не слышал.

— Слышите? — прошептал домовый. — Это старец в недрах горы, тот, что много старше меня!

Они долго слушали в полном изумлении. Наконец песня смолкла, послышалось бряцанье, казалось, скрепляется оружие, и подземелье замка содрогнулось.

— Старец из недр горы кончил петь, — пояснил домовый, — и его люди ударяют своими мечами о щиты. Хорошо, что он запел в самое время. А не то бы я свершил такое, в чем бы потом горько раскаивался. Поднимайся, старик-батюшка!

Привратник меж тем опустился на пол.

— Поднимайся, дедушка, — попросила Роза и взяла его за руку, но рука старика тут же упала. Маттс Мурстен умер, пока пели песню.

Лучи вечернего солнца коснулись его седых волос.

— Так, так, — произнес домовый со странной гримасой и с таким незнакомым выражением в голосе, какого никогда прежде никто у него не слышал. — Мой старый друг принял злую шутку всерьез. Клянусь моими сокровищами! Я не хотел обидеть ни тебя, ни твоего малыша. Но я хочу сдержать свою клятву, старый товарищ. Этот замок не рассыплется в прах еще целых пятьсот лет, до тех пор, пока рука моя сохранит свою силу. Но ты покинул меня, старый собрат по ремеслу, — продолжал домовый. — Кто поможет мне теперь заботиться о нашем старом замке?

— Вместо дедушки это буду делать я, — заплакала Роза. — А когда мой маленький Эрик станет взрослым, он тоже полюбит старый замок и будет помогать вам так же, как старый прадедушка.

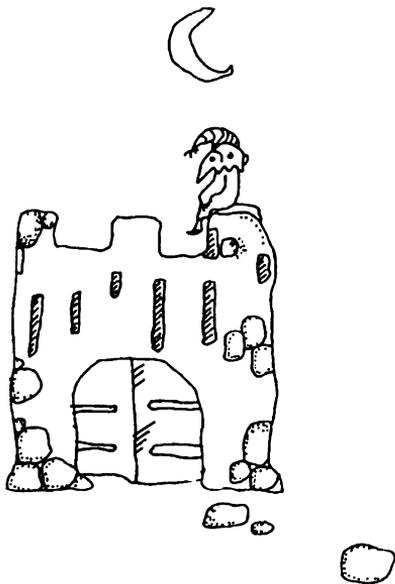
— Тогда Эрик все равно станет моим слугой, — сказал домовый.

— Нет, — возразила Роза, — до конца своей жизни он будет служителем Бога и людей.

Старый привратник Маттс Мурстен был погребен со всеми почестями, под колокольный звон и пение псалмов. После его смерти замок снова обрел былой уют. Огромный обломок стены однажды утром был снова водружен на свое прежнее место. Каменщикам стало легко поднимать и другие обрушившиеся стены. Каждый камень казался совсем легким. Все дыры и трещины заделывались, словно сами собой, и часто по

ночам слышалось, как гравий и камни перетаскивают по пустынным залам.

Это делал домовой, сдержавший клятву, которую дал старому привратнику. Так что Абоский замок стоит еще и поныне!

принцесса Линдагуль

Жил-был некогда в Персии король, и звали его Шах НаDIR. Был он несметно богат и властвовал над множеством стран и миллионами людей. Высокие залы его дворцов полнились золотом и драгоценными камнями, а корабли его бороздили все моря на свете. Когда он появлялся в своей столице Исфахане, его окружали телохранители в серебряных доспехах, а пятьдесят тысяч всадников на великолепнейших конях с золочеными уздечками и седлами, блиставшими драгоценными камнями, всегда были готовы по малейшему его знаку ринуться вперед — завоевывать мир.

Однако же могущественный Шах НаDIR не мечтал больше о войнах и завоеваниях. Он одержал в своей жизни немало побед, но теперь стал стар, немощен и редко покидал мягкие пурпурные диваны королевского дворца. И лишь порой, когда благодатная прохлада струилась вниз с гор, он садился в разукрашенный золотом паланкин, который несли восемь чернокожих рабов, одетых в шитое серебром платье, и велел нести себя на смотр войск или на единоборство зверей.

У Шах Надира было, как это принято на Востоке, множество жен, а также множество сыновей. Однако от сыновей ему было мало радости: неблагодарные, тщеславные, они посягали на жизнь и корону отца. Поэтому-то он и отсылал их прочь от двора в отдаленнейшие провинции, которыми они правили как наместники. А дома с Шах Надиром жила лишь его единственная дорогая ему дочь, принцесса Линдагуль, которую он любил превыше всего на свете.

Такого имени, как Линдагуль, никогда прежде в Персии и слыхом не слыхали. Но дело в том, что мать принцессы была родом с далекого Севера. В молодости она попала в плен к африканскому пирату и в конце концов, благодаря несравненной ее красоте, была продана персидскому шаху. Он возвысил ее, сделав своей супругой, и любил гораздо больше всех остальных жен. Прекрасная Шахиня, которая уже умерла, назвала свою единственную дочь Линдагуль, что значит «Липа золотая». Этим именем Шахиня хотела сказать, что принцесса так же чиста и прекрасна, как солнце, чьи золотые лучи играют весной среди листвы чудесных лип Севера.

Принцесса Линдагуль унаследовала царственную осанку отца, а стать и черты лица — матери-северянки. Сердце ее было благородно и нежно. И потому во всем обширном государстве Шах Надира не было никого, кто бы не любил ее.

Старый шах хорошо знал об этом, и его гордое сердце смягчалось всякий раз, когда он смотрел на свое дитя.

Одно ее слово могло смирить его жесточайший гнев, и не было на свете ни одного ее желания, в котором бы он мог ей отказать. Не отказывал он ей и тогда, когда она просила за какого-нибудь несчастного узника. Он самозабвенно любил дочь, и была она ему дороже всех его подданных. Да, пожалуй, он любил ее гораздо больше, чем Аллаха, своего бога. И это обожествление дочери навлекло на него гнев Аллаха.

Никому не жилось так прекрасно и вольготно, как принцессе Линдагуль. Через окошко со стеклами из горного хрусталя солнечные лучи проникали в ее мраморный дворец. Там она покоилась по ночам на мягких шелковых подушках, а когда наступало утро, служанки провожали ее в чудесный бассейн из слоновой кости и перламутра. Днем она шила шелком и золотом, играла на цитре¹ или гуляла в саду под пальмами, слушала пение птиц или же резвилась, как дитя, среди бабочек и роз.

Ведь принцессе Линдагуль было всего лишь двенадцать лет. Однако же двенадцать лет на Востоке — все равно что шестнадцать на Севере.

Не очень-то бывает на пользу жить в роскоши и видеть, как все твои желания исполняются по малейшему мановению руки. Многих начинают одолевать при этом гордость и прихоти. Принцесса Линдагуль была не из таких. Но мало-помалу ей стало скучно. Она не

---

¹ Музыкальный инструмент в виде треугольного ящика с натянутыми на нем струнами, которые приводят в действие щипком или особыми наперстками (*нем.*).

знала, почему так случилось, но полет бабочек, аромат цветов и звуки цитры больше не веселили ее; она с удивлением стала замечать, что частенько ей хочется плакать. Отчего это происходило, ни она, ни ее служанки понять не могли.

Наконец ей показалось, что она уразумела, почему ей жизнь больше не в радость; должно быть, потому, что чувствовала себя пленницей в собственном дворце. Она желала хотя бы раз порадоваться людской толчее в большом городе Исфахане. И потому-то однажды, когда отец снова навестил ее, она попросила его позволить ей увидеть великое единоборство зверей, которое должно было состояться в день его рождения. А так как Шах Надир ни в чем не мог отказать

дочери, он согласился исполнить ее желание, хотя принцесса в первый раз почувствовала, что делает он это крайне неохотно.

Шах Надир был могущественным повелителем, грозой половины Азии, а у подобных властителей всегда немало врагов. Один из них был Бум-Бали, король великанов из Турана, дикой страны гор и пустынь к северу от Персии.

Этот Бум-Бали во время своих разбойных набегов на дальнем Севере захватил в плен лапландского колдуна по имени Хирму. Тот мог обернуться любым зверем, а потом снова обрести свой прежний облик.

И вот когда Бум-Бали узнал, что в Исфахане будет великое единоборство зверей, он призвал к себе Хирму и спросил:

— Презренный пес, хочешь жить?

Хирму ответил:

— Господин, да не умалится никогда твоя тень! Тебе ведомо, что верный твой пес хочет жить!

— В первый день месяца Мухаррем¹, — сказал Бум-Бали, — состоится великое единоборство зверей в Исфахане. Прими обличье тигра и укради для меня принцессу Линдагуль, гордость короля и всей Персии.

— Твой верный пес исполнит повеление своего господина, — поклонился лапландский колдун.

---

¹ Заповедный или священный (*арабск.*). Название первого месяца мусульманского лунного календаря.

И вот в Туран прибыл персидский охотник на зверей, выловил всех хищников, каких только смог, и отвез их в клетках в Исфахан.

Настал первый день месяца Мухаррем, и все приготовления к празднику в столице Персии подошли к концу. Самых свирепых зверей из Индии, Аравии, Турана и даже из пустыни Сахары держали наготове в боковых помещениях рядом с большой круглой ареной, вокруг которой более шести тысяч зрителей заняли свои места на галереях. Ради их безопасности между галереями и ареной возвели могучую железную решетку. •

Рано утром весь город пришел в движение. Принцесса Линдагуль радовалась, словно дитя, тому, что вылетит как птичка из клетки, что увидит столь увлекательное зрелище, а в роли актеров — диких зверей со всего света.

Зрители собрались, затем прибыл и шах в сопровождении блистательной свиты, телохранителей и дочери, дивно прекрасной принцессы Линдагуль. Лицо ее было скрыто под чадрой, как принято на Востоке, в сопровождении своих служанок она ехала верхом на прелестнейшей маленькой зебре, пыжившейся от гордости, что несет на себе такую ношу. И хотя люди не могли видеть принцессы, все знали, благодаря молве, как она прекрасна и добра. Все знали, что своими мольбами она не раз спасала жизнь несчастных узников и что каждый день посылала она своих служанок с целебными снадобьями и хлебом к беднякам Исфахана. И когда

теперь она впервые показалась народу, ее встретил ликующий хор тысяч голосов.

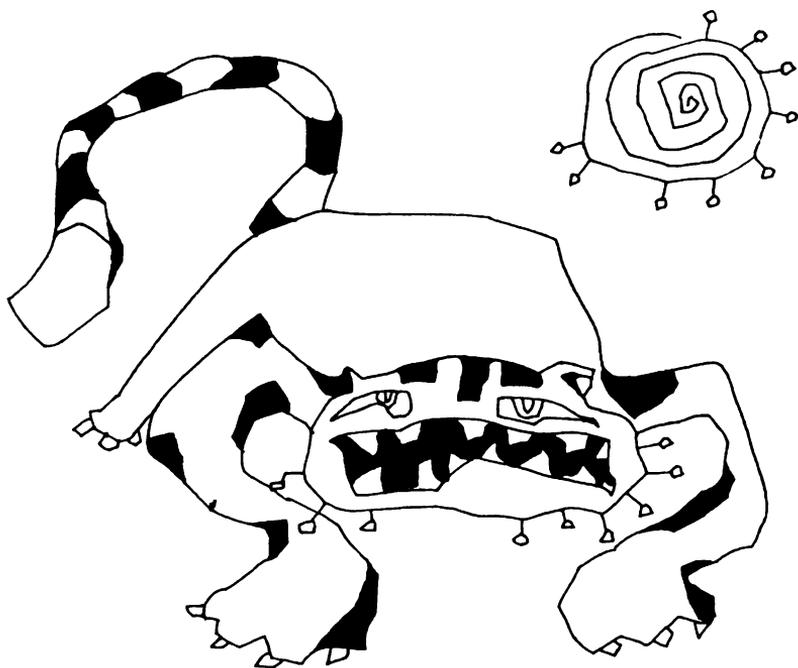
Быть может, принцесса и покраснела, но никто этого не видел. Она села рядом с отцом на вышитые пурпурные подушки, лежавшие на драгоценном ковре королевского балкона. И единоборство зверей началось.

Множество разных зверей уже сразились друг с другом, когда на арену вывели большого индийского слона; на спине у него высилась небольшая башенка с четырьмя стрелками из лука.

Противником слона был королевский тигр, необычайно огромный и красивый, нареченный в честь князя Тьмы Ариманом¹. Чтобы раздражить его, стрелки посылали из лука стрелу за стрелой. Тигр сидел, сжавшись в комок, сверкая глазами и размахивая хвостом. Казалось, он принял решение не вступать в борьбу. Но вот стрела задела его морду. Послышался страшный рев. Некоторое время Ариман хлестал песок хвостом, потом одним гигантским прыжком кинулся на хобот слона. Тот взвыл от боли и, обмотав хоботом тигра, поднял его и с такой силой швырнул оземь, что, казалось, сокрушил его насмерть. Однако же это было не так. Через мгновение Ариман поднялся, взлетел на спину слона и глубоко вонзил зубы в его шею. Вне себя от боли, слон пытался избавиться от врага, но напрасно. Силы

---

¹ От имени божества Анхра-Майнью, олицетворяющего злое начало и тьму у древних народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока.

его убывали, он медленно опустился на землю, башня была уничтожена, а стрелки из лука бежали.

После того как Ариман немного отдохнул, на арену вывели огромного льва, нареченного в честь князя Света Ормуздом¹. Зверям хотели бросить живого ягненка, но это было не для глаз принцессы Линдагуль, которая и так уже вдоволь насмотрелась на кровавое зрелище. Она махнула рукой: дрожащий маленький ягненок был спасен, а вместо него хищникам кинули дохлую собаку. Голодный лев тотчас ринулся на

---

¹ От имени божества Ахумаразда, олицетворяющего доброе начало и свет.

добычу. Тигр был сыт, потому что напился слоновьей крови, но, завистливый по природе, он также бросился вперед. Со страшной силой схватились меж собой Ормузд и Ариман, князь Света и князь Тьмы. Всю окрестность огласило эхо их мерзкого рычания, песок вихрился, терзаемый их лапами, и окрашивался их кровью. Долгое время исход битвы был неясен, но наконец лев подмял под себя тигра и разорвал ему грудь. Ариман был мертв. Ормузда с триумфом увели с арены.

Представление было окончено, и многие зрители спустились с галерей, чтобы осмотреть мертвых хищников. Принцессой Линдагуль также овладело любопытство: ведь до этого ей доводилось видеть лишь цветы да певчих птиц.

В сопровождении служанок и стражи она, как и все, спустилась вниз, и рабы расстелили у ее ног шитые золотом ковры, чтобы она не испачкала туфельки об окровавленный песок.

Чего ей было бояться? Всех хищников, которые еще оставались в живых, заперли в надежные клетки, а самый свирепый из них, огромный тигр Ариман, лежал мертвый на песке. Принцесса подошла к мертвому Ариману и, восхищенная красотой тигра, решила просить отца отдать ей во дворец его великолепную шкуру.

И тут внезапно «мертвый» тигр поднялся на задние лапы, прыгнул на принцессу, схватил ее своими страшными зубами и помчался прочь.

Крик ужаса вырвался из груди тысяч зрителей, но ни у кого не достало смелости вырвать из страшной пасти тигра его добычу. Только молодой доблестный принц Абдерраман преградил дорогу хищнику, схватился за его окровавленную грудь и стал биться с ним. Несчастный принц: тигр разодрал его правую руку, и прежде чем подоспела помощь, принц, истекая кровью, уже лежал на песке. А тигр, перепрыгнув через барьер, исчез с принцессой Линдагуль в зубах.

Велико было горе старого Шах Надира, велико было горе Исфахана, да и всей Персии. Пять тысяч всадников на конях с золотыми уздечками тотчас поспешили на поиски принцессы. Они обыскали каждое ущелье в Туране, где поймали свирепого тигра, но все напрасно. А когда всадники объехали не только Туран, но и половину Азии, вся рать вынуждена была вернуться в Исфахан с печальной вестью о том, что никаких следов принцессы не найдено.

Шах Надир рвал на себе седые волосы и проклинал свой день рождения, который стоил ему самого дорогого на свете. Он повелел всем поданным надеть траур, а во всех мечетях служить молебны о том, чтобы нашлась принцесса Линдагуль. Он велел также возвестить, что тому, кто вернет его дочь, он отдаст ее в супруги и всю Персию в придачу.

Надежда на столь высокую награду прельстила многих князей и заставила их отправиться на поиски исчезнувшей дочери Шах Надира. Но рано или поздно все вернулись назад, так и не найдя ее; все, кроме

одного. И этот один был принц Абдерраман. Он дал священную клятву искать принцессу целых пятнадцать лет — найти ее или умереть.

Если бы принцессу похитил настоящий тигр Ариман, наша сказка на этом бы и кончилась. Ведь для королевского тигра нет на свете ничего святого! Даже если это самая прелестная в мире принцесса. Но на сей раз все было иначе. Колдун Хирму воспользовался единоборством зверей, чтобы выполнить повеление великана Бум-Бали на свой лад. Такое сокровище, как Линдагуль, он хотел сохранить для себя. И вместо того чтобы подарить пленницу Бум-Бали в Туране, он быстрыми прыжками помчался с ней к себе домой, в далекую Лапландию.

В Лапландии стояла в то время мгlistая осень. Старая лапландка Пимпедора варила в чуме кашу в котле над очагом, меж тем как ее сын Пимпепантури в ожидании еды разглядывал свои оленьей кожи пьексы¹. Пимпепантури был мальчик добросердечный и скромный, но чуточку недалекий и вдобавок совсем не чуточку ленивый. Хирму очень хотел выучить его на колдуна, но из этого так ничего и не получилось. Пимпепантури больше любил есть и спать, нежели учиться чему-нибудь полезному...

Вдруг старая лапландка повернулась к сыну и спросила:

— Ты ничего не слышишь?

— Я слышу, как трещит огонь, а каша кипит и булькает в котле, — зевнув, ответил Пимпепантури.

---

¹ Специальная обувь для лыж.

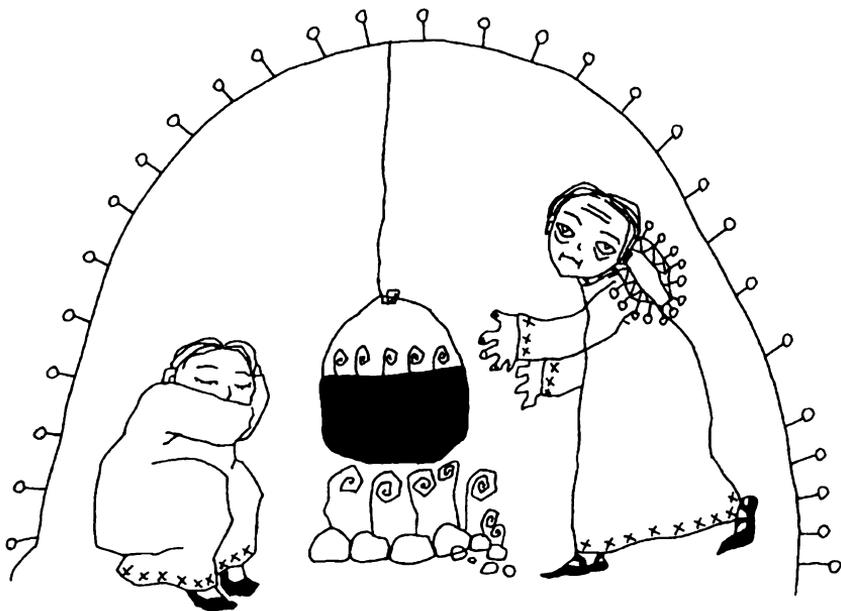
— А разве ты не слышишь, как кто-то рычит вдалеке?

— Верно, — согласился Пимпепантури. — Это волк, который тащит одного из наших оленей.

— Нет, — возразила старая лапландка. — Это возвращается домой отец. Его не было целых четыре зимы. Я слышу, как он рычит, будто дикий зверь. Должно быть, он очень торопится домой.

И в этот миг появился в обличье тигра Хирму с принцессой Линдагуль в зубах. Он положил ее на покрытый мхом пол чума и, приняв свой прежний облик, воскликнул:

— Жена, нет ли чего поесть? Я прибежал издалека.

Старая лапландка от испуга чуть не свалилась в котел. Но она знала своего старика и пообещала ему вкусную еду, если он расскажет, где был все эти четыре зимы и что это за красавица кукла, которую он притащил с собой.

— Долго рассказывать, — отрезал колдун, — позаботься о нашей красавице кукле и дай ей теплого оленьего молока, чтобы она ожила и пришла бы в себя. Она знатная фрёкен¹ из Персии, она принесет нам счастье.

Но принцесса Линдагуль вовсе не умерла. Она не была даже ранена, а лишь потеряла сознание от страха.

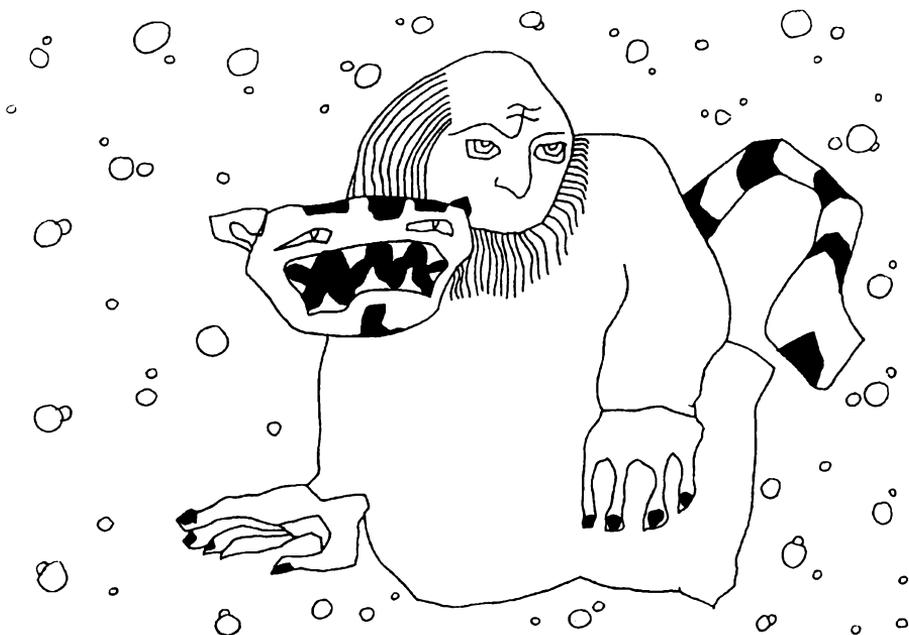
Когда же принцесса очнулась, она лежала в своем наряде из серебристой ткани на оленьей шкуре, разостланной на покрытой мхом земле в лапландском чуме. Было темно и холодно; отсветы огня падали на тесные стены и старушку, поившую ее оленьим молоком. Принцесса подумала, что попала в подземные чертоги мертвых, и заплакала оттого, что она, такая молодая, отлучена от солнца Персии и благодатных садов Исфахана.

Колдун меж тем стал раздумывать, как овладеть сокровищами Персии.

— Не плачь, прекрасная принцесса, — сказал он. — Ты не умерла, тебя просто похитил свирепый тигр, а мой доблестный сын, рыцарь Морус Пандорус, спас тебя. Мы станем твоими рабами и будем служить тебе с величайшим усердием до тех пор, пока не сможем увезти тебя обратно в Персию.

---

¹ Девушка, барышня (*шв.*).

— Что это ты врешь, старик, — сказала колдуну на своем языке честная лапландка.

— Моя жена говорит, — продолжал Хирму, — что если ты захочешь взять в мужья нашего сына, доблестного и прекрасного рыцаря Моруса Пандоруса, мы тотчас же отвезем тебя обратно в Персию.

Пимпепантури не понимал по-персидски. Он страшно удивился, когда отец толкнул его к принцессе и нагнул его неуклюжую спину так, что это должно было изображать поклон.

Линдагуль не была бы принцессой и дочерью гордого Шах Надира, не оскорбись она подобной дерзостью. Она посмотрела на колдуна, посмотрела на его неотесанного

сына такими глазами! Нет, она не посмотрела, она сверкнула глазами — ведь в Персии умеют сверкать глазами, — да так, что оба они, и отец, и сын, испугались насмерть.

— Нет, так не годится! — воскликнул колдун. — Сперва надо ее укротить!

И он запер принцессу в маленький чулан в чуме, пообещав ей половинку оленьего сыра и ковшик воды из талого снега. День прошел в крошечной тьме, и лишь Северное сияние светило в щелку чума.

Линдагуль плакала. Да, она плакала так, как только плачешь, если тебе двенадцать лет и ты — персидская принцесса, которая жила раньше в розовых садах и мраморном дворце, а потом вдруг одна-одинешенька очутилась, голодная и холодная, в зимней Лапландии. Наконец принцесса заснула. И тогда рядом с ней оказался добрый Нукку Матти, властитель прекрасных снов. Тот, кого шведы зовут Йон Блунд, а датчане и норвежцы — Оле Лукойе, что означает Оле Закрой Глазки. Уж не знаю, как называют его в Персии... Нукку Матти взял принцессу в свои объятия и перенес на Фьедерхолм, Острова-Пушинки¹, где веселые сны порхали вокруг принцессы. Так проходили недели и месяцы, ночь за ночью в царстве снов. Линдагуль была терпелива и больше не плакала. Сны предсказали ей: «Жди, скоро явится твой избавитель».

Но кто освободит ее? Кто найдет дорогу туда, где далеко вокруг в снегах нет никакой дороги? Правда, старая

---

¹ Сказочные острова, что упоминаются во многих сказках Тепелиуса.

лапландка подумывала о том, чтобы освободить Линдагуль, но не смела сделать это из-за своего старика. Пимпепантури тоже подумывал освободить ее, но для этого он был слишком ленив.

Так прошла зима, начало светить солнце, снег таял, завели свои пляски комары. И тогда колдун подумал: «Теперь она укрощена!» Он пошел к ней и спросил, хочет ли она обратно в Персию. Ей нужно было только взять его сына в супруги, и тотчас оленья упряжка умчит ее на юг.

Линдагуль подумала о юном принце Абдеррамане, который некогда пролил за нее кровь на песке Исфахана. Прикрыв лицо, она не ответила ни слова.

Ну и разгневался же колдун! Он запер Линдагуль в глубокой пещере в горах, а как-то потом и говорит ей:

— Морошка уже созрела. Теперь тебе придется считать каждый день, если ты не пожелаешь ответить мне «да». Сегодня ты получишь тридцать ягод для еды и тридцать капель росы для питья. С каждым днем ты будешь получать на одну ягоду морошки и на одну каплю росы меньше. А как минет тридцать дней, я спрошу тебя, что ты надумала.

Так Линдагуль и в самом деле просидела тридцать дней взаперти в пещере. Теперь в пустынной Лапландии было светло днем и ночью, но в пещере — всегда темно. Ягод морошки и капель росы с каждым днем становилось все меньше и меньше, но щечки Линдагуль не поблекли, и она по-прежнему оставалась спокойна и терпелива. Ведь все, в чем она терпела нужду днем, Нукку Матти и чудесные сны возмещали ей по ночам. Линдагуль думала о принце Абдеррамане, пела восточные песни и радовалась, когда эхо повторяло их на горных склонах.

На тридцатый день к ней явился колдун с последней ягодой морошки и последней каплей росы, завернутыми в листочек лапландской карликовой березки, и спросил:

— Ну, ты надумала?

Линдагуль снова прикрыла лицо, но не ответила ни слова.

— Даю тебе еще один день сроку на раздумье, — сказал колдун, — а сейчас у тебя появится многочисленное общество.

С этими словами он отворил пещеру, и словно живое облако ринулось в дверь. То была целая туча голодных

лапландских комаров, тысячи тысяч комаров. Они летели до тех пор, пока не заполонили всю пещеру.

— Да принесут тебе много радости твои новые знакомые, — пожелал ей злой колдун и запер дверь.

Линдагуль не поняла, что он имеет в виду. Она не знала ни лапландских комаров, ни персидских тропических жуков. В прежние времена служанка целый день стояла рядом с ней, отгоняя летучих чудовищ. И сны пощадили ее, так и не дав понять, что такое человеческая злоба. Они тотчас окутали ее плотной пеленой тончайшего тканья, сквозь которую не могли проникнуть комары. Изю всех сил кусали ее твердый гранит скалы, но сочли его слишком скудным и, подобно серой паутине, расположились наконец лагерем на стенах пещеры.

В полдень тихонько отворилась дверь, и в пещеру вошла старая лапландка Пимпедора с кувшином в руке, а следом за ней Пимпепантури.

— Бедное дитя, — сказала кроткая старушка, — мне жалко тебя, но я не смею выпустить тебя отсюда, потому что мой старик превратит меня тогда в курицу-пеструшку. Вот тебе кувшин со смоляным маслом. Смажь свое тело — это лучшее средство от комаров. Тогда они тебя не съедят.

— А это тебе копченый олений окорок, чтобы ты не умерла с голоду, — добавил Пимпепантури. — Я отгрыз от него кусочек, уж очень проголодался по дороге, но на кости есть еще мясо. Я украл ключ от пещеры, пока отец спал, но я не смею выпустить тебя, потому

что он превратит меня тогда в миску с простоквашей. И вовсе не надо брать меня в мужья. Бьюсь об заклад, что ты и настоящего пальта¹ сострять не сумеешь.

— Нет, этого я, конечно, не сумею, — ответила принцесса Линдагуль и поблагодарила мать и сына за их доброту.

Но тут же растолковала им, что не хочет есть и что комары ее не кусают.

— Ну возьми все же смоляное масло на всякий случай, — сказала старая лапландка.

— Да, возьми все же и олений окорок, — попросил Пимпепантури.

— Большое спасибо, — поблагодарила Линдагуль.

И тут дверь за ними закрылась. Ночь миновала, а утром пришел колдун, ожидавший найти свою пленницу такой покорной, какой становятся только, когда тебя до полусмерти заедят комары. Но когда он увидел, что Линдагуль так же цветет, как и прежде, и что она снова прикрывает свое лицо, он страшно разгневался.

— Выходи! — приказал он.

Линдагуль вышла на свет ясного дня, нежная и легкая, как эльф.

— Теперь слушай, что я надумал, — продолжал колдун. — Ты станешь цветком вереска на Лапландской вересковой пустоши и проживешь столько, сколько живет вереск. Погляди на солнце, оно стоит

---

¹ Кровавой хлебец (*шв.*). Национальное блюдо в Швеции и Финляндии.

низко над окоемом. Через две недели и один день наступят первые полярные холода, когда все цветы вереска умирают! И накануне этого дня я в последний раз спрошу, что ты надумала.

Тут он замолчал, словно уже ждал желанного ответа. Но когда Линдагуль, не ответив, снова прикрыла свое лицо, он голосом, дрожащим от гнева, воскликнул:

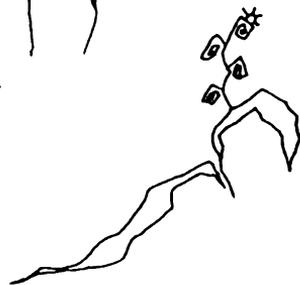
— Adama donai marrabataësan!

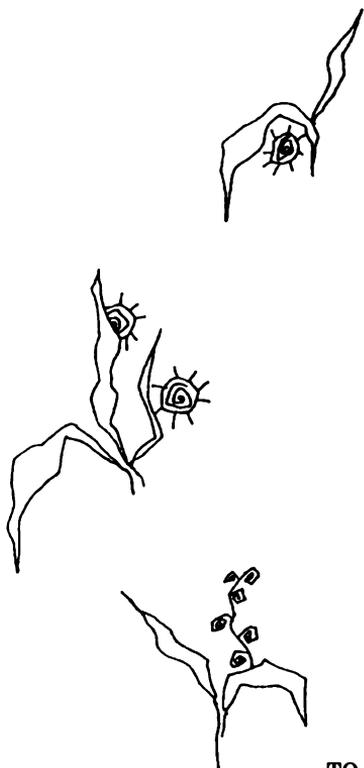
На языке природы это означает: «Человек, обернись цветком вереска!»

Колдун научился этому заклинанию однажды осенним вечером, когда Южный Ветер из африканских пустынь улегся на отдых в горах Лапландии. Ветер знает все слова, поскольку все слова бросают на ветер.

Только колдун вымолвил эти ужасные слова, как Линдагуль показалось, будто все цветы на пустоши выросли, превратились в деревья и прикрыли ее своей тенью. На самом же деле это она опустила до земли. Миг — и вот уже никто не мог бы узнать ее среди тысячи тысяч цветов вереска, что жили и умирали на дикой вересковой пустоши Лапландии.

— Через две недели в этот самый день! — пробормотал колдун.

Меж тем как все это происходило, принц Абдерраман блуждал по свету. Не было такой горы в Азии, такой пустыни в Африке, селения или города в южной и средней Европе, которые бы он не обыскал, но все напрасно. Глубоко скорбя, возвращался принц обратно в Персию, а его верный пес Валледивау бежал за ним следом. И вот однажды случилось так, что пес загнал в камыши утку-крякву, поймал ее и принес живой своему господину. Принц хотел убить утку, но она закрякала: — Подари мне жизнь, а я что-то скажу тебе взамен.

— Я дарю тебе жизнь, диковинная ты птица, — согласился удивленный принц. — Но что ты можешь мне сказать? — Скачи в Лапландию! — прокрякала утка и тут же исчезла в камышах.

Лапландия? Никогда принцу не доводилось слышать о стране с таким названием. Когда же он спросил, где находится Лапландия, то услышал в ответ:

— Скачи на север, только на север, и не останавливайся до тех пор, пока не кончится дорога, не кончится

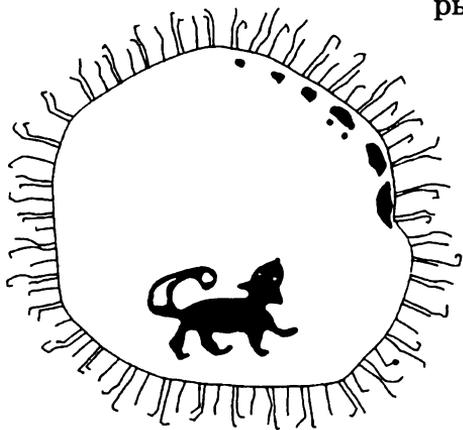
лес и не найдется человеческого жилища с очагом, выложенным из камня.

«Удивительно», — подумал принц, но последовал совету и поскакал на север, только на север, и не останавливался, пока не кончилась дорога, не кончился лес и уже не видно было никакого другого человеческого жилья, кроме чумов кочевников. Стоял последний день августа. Еще светило солнце, но небо переливалось всеми цветами радуги, дул прохладный северный ветер. А едва он уляжется, вот-вот ударит мороз.

Принц скакал уже много дней, не видя и следов человека, когда вдруг у подножия высокой горы заметил чум из звериных шкур. Он подъехал ближе, чтобы еще раз задать свои бесполезные вопросы. И вдруг, к своему неопишуемому изумлению, обнаружил надпись на склоне горы и прочитал имя «Линдагуль».

Колдун высек это имя над дверью горной пещеры, где была заточена Линдагуль, чтобы найти это место, когда он передвинет свой чум.

Принц вытащил левой рукой саблю и хотел ринуться в чум, но в этот миг на дороге, ведущей к вересковой пустоши, появился колдун.

— Верни мне принцессу Линдагуль! — воскликнул принц. — А не то я отправлю тебя в царство Аримана.

Колдун был хитер, и лукавство не раз спасало ему жизнь, но от такой неожиданной встречи он растерял всю свою находчивость. И ничего лучше не смог придумать, как превратиться в песка, который быстрыми прыжками кинулся в горы. Тем самым он надеялся спастись от сабли принца, но он забыл про пса, следовавшего по пятам за своим господином. Лишь только Валледивау увидел, что песец удирает, как стал преследовать его. Песец проскальзывал сквозь все расщелины и перепрыгивал через все горные пропасти, но Валледивау был еще проворней и настиг песка на самой высокой горной вершине, разорвал на куски и съел его сердце. А как только сердце было съедено, колдуну пришел конец. Когда пес вернулся с окровавленной мордой, принц понял, что произошло. Но где же Линдагуль?

Он вошел в чум.

Пимпедора варила оленьё мясо, а Пимпепантури спал на мягкой мшистой подстилке, чтобы не терять время понапрасну в ожидании обеда.

— Женщина, — сказал принц, — ваш муж мертв. Отдайте мне Линдагуль, и с вами не случится ничего дурного.

— Вот беда, он мертв, — проговорила старуха, как видно, не очень-то опечалившись. — Да, настал конец его злобным проделкам. А Линдагуль поищите среди вереска на дикой пустоши. Мой старик превра-

тил ее в цветок вереска, а ночью ударит мороз. И тогда принцессе конец.

— О любимая моя, малютка Линдагуль, неужто ты умрешь нынче ночью! — воскликнул принц и, выбежав из чума, кинулся в отчаянии прямо на поросшую вереском землю необозримой пустоши.

Тысяча тысяч бледно-розовых цветов, как две капли воды похожих друг на друга, ожидали там смерти.

— Подожди, — сказала тут старая лапландка, — я припоминаю слова, что превратили Линдагуль в цветок вереска. Мне было жаль это дитя, и я спряталась за камень поглядеть, что сделает мой старик. И я услышала, как он говорит: «Человек, обернись цветком вереска!»

— Ах, — вздохнул принц, — что пользы от этих слов, если мы не знаем тех, которые снимают заклятие.

Пимпепантури, решив, что долго нет обеда, выбрался из чума. Когда же он услышал сетования принца, то задумчиво дернул себя за челку и сказал:

— Когда батюшка хотел снять заклятие, он всегда переставлял слова.

— Да, правда твоя, — подтвердила старая лапландка.

Взобравшись на скалу, принц Абдерраман закричал что есть сил над всей бескрайней вересковой пустошью:

— Обернись цветком вереска, человек!

Но слова эти прозвучали впустую, ни один цветок на пустоши не шелохнулся, солнце быстро клонилось к окоему, а ветер улегся.

Принц боялся, что не сможет правильно произнести заклинание на незнакомом ему языке, и все повторял и повторял его, переставляя слова и меняя их окончания. Но все напрасно. Только один раз ему показалось, будто вереск на отдаленном бугорке чуть приподнялся, прислушиваясь. Но тут же опустился вновь на бескрайнюю, однообразную, безутешную пустошь.

— Солнце садится, — предупредила принца старая лапландка. — Если ты сейчас же не найдешь нужные слова, ударит мороз, и будет слишком поздно.

Багровый диск солнца катился уже совсем рядом с краем неба. Стояла тишина. Холодный и влажный вечерний туман, предшественник мороза, словно пеленой, окутал поля и пригорки. Все, что росло, все, что хоть на краткий миг осмелилось цвести в Лапландии, было обречено ныне на смерть.

Принц Абдерраман побледнел от ужаса, голос изменил ему, и он едва слышно смог выговорить заклинание так, как еще не произносил:

— Вереска цветком, человек, обернись!

И вот на отдаленном бугорке поднялась веточка вереска. Туман уже окутал окрестность, но из тумана выросла стройная фигурка. И когда принц, затаив дыхание, несколькими прыжками достиг этого бугорка, ему навстречу шагнула Линдагуль, такая бледная, словно ее уже коснулось первое ледяное дыхание смерти. В последнюю минуту принц нашел нужные слова.

Он понес принцессу в чум, и заботами старой лапландки к ней мало-помалу вернулись силы. Пимпе-

дора была счастлива. Пимпепантури забыл на радостях свой долгожданный обед, который так и сгорел в котле.

Первыми словами принца была благодарственная молитва Аллаху, а потом он спросил Линдагуль:

— Что ощущаешь, когда превращаешься в цветок вереска?

— Это все равно что вернуться в раннее детство и не знать ничего иного, кроме как пить, спать и быть счастливой, — ответила принцесса.

— А что ощущаешь, когда вновь пробуждаешься к жизни?

— Это все равно что пробудиться ясным утром после глубокого спокойного сна.

— Завтра мы возвращаемся в Персию.

— Да, — ответила Линдагуль. — А эта добрая старушка и ее сын, которые пожалели несчастную пленницу? Возьмем их с собой и подарим им дворец в Исфахане.

— Нет уж, спасибо, — возразила Пимпедора. — Мне больше по душе мой чум в Лапландии.

— А есть в Персии снег и олени? — спросил Пимпепантури.

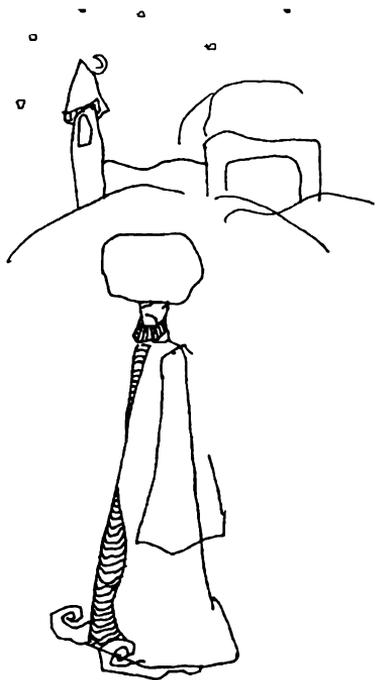
— Снег лежит только на самых высоких вершинах гор, а вместо северных оленей у нас просто олени, антилопы и газели.

— Нет уж, благодарю покорно, — произнес Пимпепантури. — Можешь спокойно ехать и выходить замуж за кого угодно. На всем свете нет страны прекраснее Лапландии.

Что толку было с ними спорить! Назавтра принц с принцессой отправились в путь, одарив старушку и ее сына своими шитыми золотом одеждами и получив в подарок лапландские платья из оленьих шкур.

Старая лапландка спрятала драгоценные персидские одежды в берестяной короб и высчитала, радуясь в душе, что сможет купить за них целый мешок муки.

Меж тем в золотом дворце Исфохана сидел Шах Надир, одинокий и печальный. Он не мог забыть исчезнувшую дочь. Его неблагодарные сыновья подняли против него мятеж и продвигались теперь с большой ратью к столице, чтобы свергнуть отца с трона. И вот однажды великий визирь возвестил, что молодой дикарь и молодая дикарка, одетые в оленьи шкуры, в сопровождении собаки хотят броситься к ногам шаха. Шах Надир никогда не отказывал в приеме чужеземцам: может, они что-нибудь знают про его дорогое дитя. К нему ввели обоих дикарей. Дикарь бросился к ногам шаха, а дикарка безо всяких церемоний обвила руками его шею. И Шах Надир понял, что лапландские оленьи шкуры прикрывают его столь долгожданное дитя.

— Аллах, Аллах! — воскликнул он. — Теперь я хотел бы умереть!

— Нет, господин мой, — возразил ему принц Абдерраман, — теперь ты будешь жить, чтобы радоваться вместе с нами и отвоевать свое государство.

Когда Шах Нади́р узнал, как все случилось, он тотчас назначил принца наследником престола, обещал ему свою дочь в жены и послал его во главе пятидесяти тысяч всадников на конях с золотыми уздечками победить мятежное войско. Прошло совсем немного времени, и принц одержал блестящую победу, взял в плен королевских сыновей и вернулся с триумфом в ликующий Исфахан. Тут-то и отпраздновали с необычайной пышностью свадьбу принца Абдеррамана и принцессы Линдагуль. Только никакого единоборства зверей больше не было. И жили принц с принцессой вместо долго и счастливо.

Но только один раз в году — тридцать первого августа, в годовщину спасения принцессы Линдагуль, — королевская чета появлялась одетая в свадебную лапландскую одежду из оленьих шкур. Чтобы и в добрые времена не забывать про злые.

Шах Нади́ру довелось на старости лет качать на коленях маленьких внуков, а его коварные сыновья кончили свои дни свинопасами у короля великанов Бум-Бали в Туране. О Пимпедоре же и Пимпепантури ничего больше в Персии не слыхали. Скорее всего, Лапландия так и осталась для них самой прекрасной страной на свете.

Как Муравьишка по докторам разъезжал

— Можно взглянуть, что там, наверху? — спросил Муравьишка. — Погоди немного, — ответила его Мама-Муравьица, — сначала я сама посмотрю, что там в мире творится.

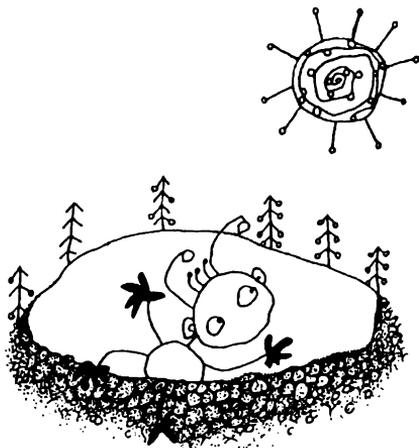
И она выглянула в отдушину муравейника, но ничего не увидела, так как солнце светило ей прямо в мордашку.

— А теперь я взгляну, что там, наверху!

И малыш пополз через отдушину муравейника.

Муравейник был сооружен под большой елью, солнце уже ярко освещало зеленые ветви, лед под ветвями таял, маленькая льдинка — бух! — и упала вниз в муравейник, сломав одну ножку Муравьишке; он как раз выползал из отдушины.

— Что это было? — спросила Мама-Муравьица.

— Да ничего особенного! У меня только ножка отвалилась, — застенчиво ответил Муравьинок.

Мама-Муравьишка перепугалась, втащила детеныша обратно через отдушину, сделала пластырь из живицы — жидкой смолы, и стала приклеивать ему смолой ножку. Казалось, все так хорошо сошлось, но, когда Муравьишка попробовал ходить, ножка снова отвалилась.

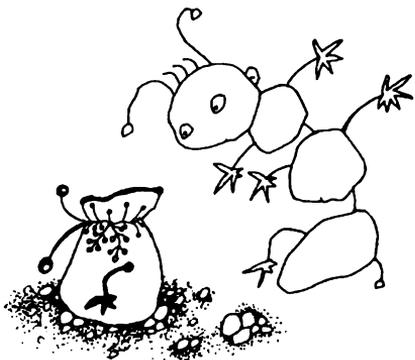
— Так не годится, ничего не получится, надо ехать к доктору! — решила Мама-Муравьишка. Она сшила мешочек из маленького увядшего ландыша, оставшегося с прошлого года, сунула ножку детеныша в мешочек, взвалила дитя на спину и отправилась в путь.

Муравейник располагался на лесном холме, совсем близко от железной дороги. Мама-Муравьишка знала расписание поездов и подгадала вовремя! Поезд пришел: пых-пых, урр-урр!

Мама-Муравьишка прыгнула с рельсов на колесо, прокрутилась несколько раз вокруг его оси, но ей повезло,

и она, к счастью, вместе с детенышем поднялась в вагон, и они покатали зайцами в Хельсингфорс.

Когда они прибыли в столицу, Мама-Муравьишка осторожно выползла из вагона, она боялась, что ее вместе с малышом растопчут насмерть, и тут же от-

важно влезла в пролетку извозчика. Она все еще несла Муравьишку на спине, а его ножку — в мешочке.

— Теперь едем к доктору! — заявила Мама-Муравьяха. — Любопытно, что скажет лошадь о такой тяжелой ноше, как мы с тобой?

— Что это за белая гора? — спросил Муравьишка, когда они проезжали мимо больших каменных домов.

— Это такие муравейники, в которых живут люди, — ответила Мама-Муравьяха. — Все мы — бедняги муравьи!¹

Но тут они подъехали прямо к больнице, так как кучер вез молодого доктора, ездившего в Петербург послушать, как Кристина Нильссон выступает в опере под звуки «Польки Водяного»².

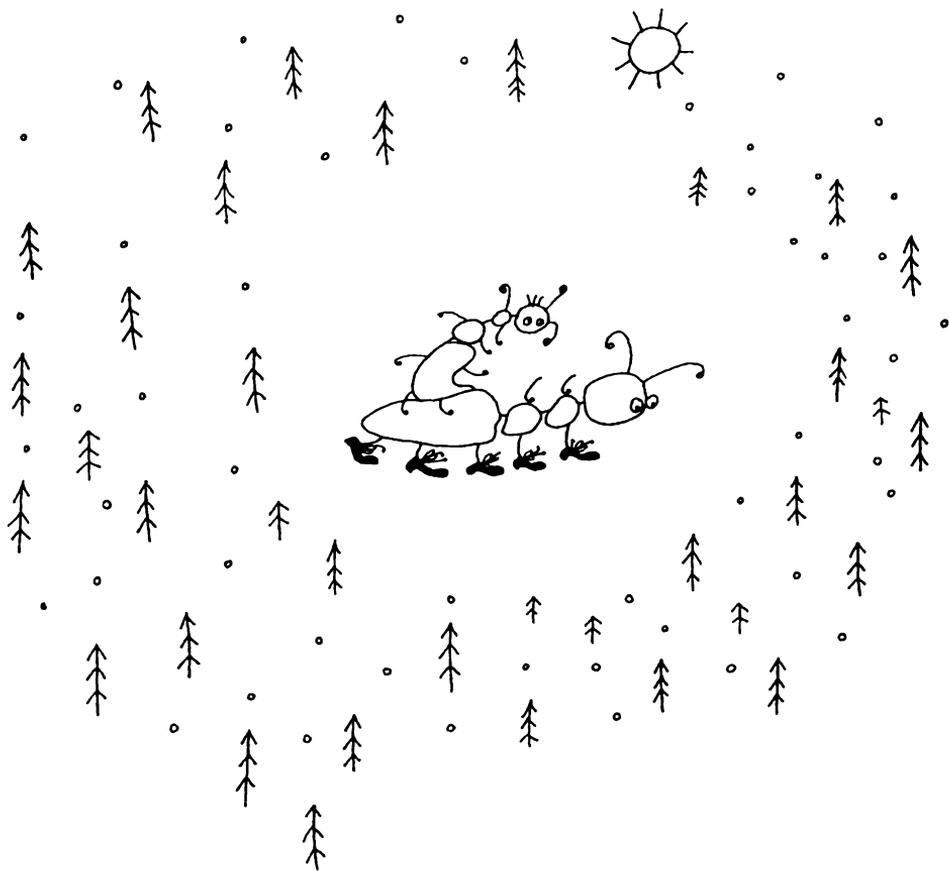
Мама-Муравьяха так спешила, что, забыв заплатить извозчику, быстро поползла вверх по лестницам с Муравьишкой на спине. Важный доктор сидел за столом и читал книгу об искусстве создания новых носов. Мама-Муравьяха влезла на стол и заползла на книгу. Важный доктор, увидев ее, щелкнул пальцем, чтобы стряхнуть Маму-Муравьюху с книги. Но она крепко уцепилась за страницу и принялась рассказывать о льдинке и ножке Муравьяенка.

---

¹ Здесь: игра слов. По-шведски «stackar» — муравейник, «stackare» — бедняга.

² В сказке упоминается опера «Гамлет» (1868; музыка А. Тома).

В «Польке Водяного» шведская певица Кристина Нильссон выплывала на сцену на листе кувшинки.

— Вот как, только и всего? — спросил важный доктор и хотел было тут же прикрепить крошечную больную ножку, но щипцы у него были слишком грубые, и вместо этого он отхватил еще одну из здоровых ножек малыша.

— Что это было? — спросила Мама-Муравьиха.

— Да ничего особенного, у меня только вторая ножка отвалилась, — смущенно ответил терпеливый маленький Муравьенок.

Важный доктор обвинил во всем свои очки и пошел искать более мелкие щипчики, но Мама-Муравьиха не стала его дожидаться. Упаковав обе оторванные ножки в мешочек, она снова взвалила детеныша на спину и поползла прочь.

— Пожалуй, надо нам ехать в водолечебницу к доктору Эверту, — сказала Мама-Муравьиха.

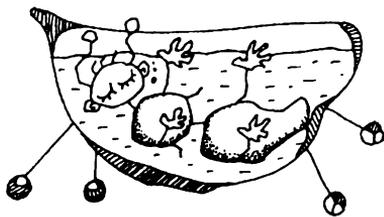
Ей посчастливилось очень быстро заполучить другого извозчика, который как раз вез в водолечебницу какого-то жирного толстяка, желавшего похудеть.

Доктор Эверт стоял возле большой лохани и как раз собирался окунуть туда жирного толстяка, когда Мама-Муравьиха влезла доктору на руку, чтоб ее заметили. Но не успел доктор увидеть Маму-Муравьиху, как тут же окунул руку в воду; там муравьи и остались.

Мама-Муравьиха спаслась на краю лохани и крикнула Муравьишке, чтоб он крепко держался за подол ее платья. Но когда Мама-Муравьиха убедилась, что спасена, она не увидела больше своего детеныша, потому что жирный господин так ужасно плескался в лохани, что вода там превратилась в бурный водопад.

— Как ты? — закричала Мама-Муравьиха.

— Ничего, только кругом немножко мокро, а сейчас я как раз тону! — послышался нежный голосок Муравьенка, приглушенный шумом бурного водопада.

Мама-Муравьяха кинулась прямо в водопад и с немислимым трудом вытащила детеныша на сушу. Но Муравьяшка, как видно, уже умер.

— Пожалуй, надо поехать к народному целителю доктору Беку, — решила Мама-Муравьяха.

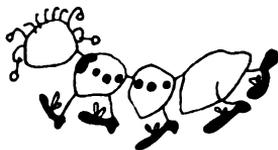
Доктор Бек, к счастью, был тогда в Хельсингфорсе, а не то Маме-Муравьяхе пришлось бы ждать пароходной оказии — ведь не идти же ей в Васу¹ пешком по снежным сугробам! И вот отправилась она с детенышем и с его обеими оторванными ножками к человеку, который был известным доктором, хоть и безо всякого докторского звания.

Доктор Бек взял увеличительное стекло, посмотрел на неподвижного Муравьяшку, на обе его оторванные ножки и сказал:

— Тут нужен массаж, Муравьянка надо растереть, но я не могу это сделать, слишком крупные у меня пальцы.

Поразмыслив немного, Мама-Муравьяха хотела было попросить о помощи мух, поскольку они, как известно, сльвут знаменитыми массажистками. Но их всех до одной угораздило заснуть мертвым сном.

— Загляну-ка я, нет ли кого-нибудь за большим кухонным очагом? — нашлась Мама-Муравьяха.

---

¹ Васа — город и порт в финляндской провинции Эстерботтен у Ботнического залива.

Она заползла за кухонный очаг и обнаружила полудохлого Сверчка, который валялся там с осени. С огромным трудом вытащила его Мама-Муравьяха задом наперед на солнечный свет.

Вскоре Сверчок пробудился к жизни и принялся бодро растирать маленького Муравьишку.

— Вот так и надо, — похвалил доктор Бек и показал с помощью вязальной спицы, как следует делать настоящий искусный массаж, чтобы вернуть к жизни маленького Муравьишку. Массажем ученые называют искусство растирать тело с лечебной целью.

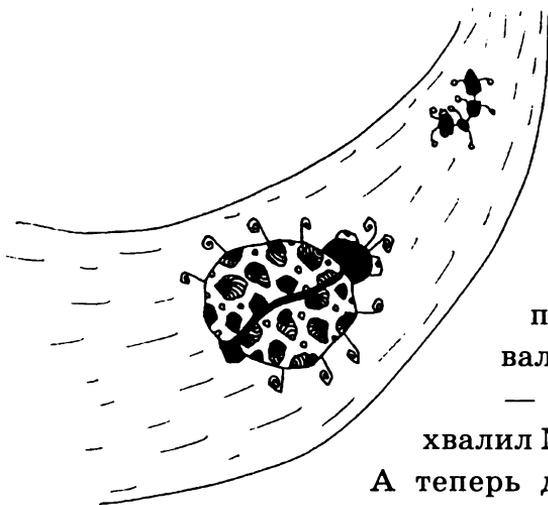
Чуть больше трех минут растирал Сверчок Муравьишку. И вот наконец малыш был вновь возвращен к жизни, что доставило несказанную радость его мамаше. После этого Муравьишке прикрепили обе оторванные ножки, и стал он отныне жив-здоров.

— Доктор, сколько я должна заплатить вам за ваши великие труды? — спросила Мама-Муравьяха.

— Накорми Божью коровку¹ в своей горнице, когда она в следующий раз явится в муравейник, — ответил доктор Бек.

---

¹ У Топелиуса есть сказка «Божья коровка, Ключница Девы Марии», где рассказывается о том, как Дева Мария девяти лет от роду потеряла золотой ключик, открывающий все сердца. И только крохотная аленькая букашка с черными точками, считающая

— Будет сделано! — радостно ответила Мама-Муравьиха. — Я угощу ее медовым пряником и еловой живицей, пусть наестся до отвала!

— Это хорошо! — похвалил Маму доктор Бек. — А теперь до свиданья! Меня ждут еще шесть рук и четыре ноги!

— До свиданья! — попрощалась Мама-Муравьиха и отправилась в обратный путь со своим маленьким и вполне здоровым детенышем.

Когда они вернулись домой в муравейник, уже наступила весна и все соседи давно выползли из муравейника и начали корчевать и убирать муравьиную проселочную дорогу, проходившую через Лесной холм, ведь после растаявших снежных сугробов там оставалось много разного сора.

При виде Муравьишки все обитатели муравейника пришли в неопишуемый восторг и изумление! И всем непременно захотелось посмотреть и пощупать Мура-

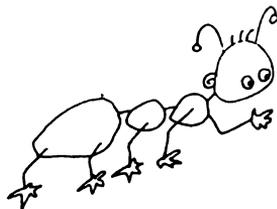

себя самой слабой, всеми гонимой и ничтожной, помогла девочке найти ключик. За это Дева Мария произвела букашку в свои ключницы. По-шведски букашка называется «Ключница Девы Марии», по-русски — «Божья коровка».

вьишку, проверить, хорошо ли срослись обе его ножки с тельцем.

В это же время на Лесном холме появилась одна из маленьких Божьих коровок — усталая, голодная и замерзшая. Она двигалась по первой весенней траве на Лесном холме. Тут муравьи схватились за свои острые копы из еловой хвои и хотели прогнать чужачку-странницу. Но Мама-Муравья встала на задние ножки и, замахнувшись изо всех сил зеленой травинкой, защитила Божью коровку. А потом пригласила ее в свою горницу. Там тотчас задали роскошный пир, какого давным-давно в муравейнике не бывало.

И Сверчок играл и пел застольную песню, и Муравьишка плясал на своих здоровых ножках, и Солнце светило, и маленький сынок Весны летал на своих шумных крылышках над зеленым Лесным холмом.

Где живут сказки

Беседа, что однажды осенью
вела стрекоза с малюткой Марией

— Здравствуй, Мария!

— Здравствуй, Стрекозка!

— На дворе у нас осень!

— Да, нынче на дворе у нас осень, Стрекозка!

— Листва желтеет, вечера становятся такими темными!

— Но ты ведь только и делаешь, что летаешь! Тебе ведь все равно, осень на дворе или весна...

— Это все потому, что я одна из тех, кто на заре жизни обитал в самом сердце природы, и там я так согрелась, что никогда не мерзну. А к тому же у нас нынче «летний» день Святой Бриты.

— Что ты хочешь сказать?

— 7 октября — день шведской святой — Бриты. Она была набожна и добра, и потому в этот день природа облачается на прощание в самые свои прекрасные одежды, чтобы отпраздновать День памяти своей любимицы. Каждую осень, когда уже думают, что зима близка, а в лесах так пасмурно и все увядает, пред именинным Днем Святой Бриты все же выдается еще несколько по-

гожих деньков, солнечных и мягких, а в воздухе почти веет весной. Осень сидит, разодетая в самые свои нарядные парадные мундиры, и принимает прощальные визиты перелетных птиц. Тогда Лето в своем зеленом потертом и изношенном охотничьем камзоле заглядывает еще разок в дверь и спрашивает Осень:

— Можно войти?

— Да, пожалуйста, — отвечает Осень. — Вот замшелая скамейка, не соблаговолите ли, кузина, при-

сесть, хотя у меня немного неубрано в столь ранний утренний час?!

— Нет, спасибо, — отвечает Лето, — это всего лишь визит по-французски¹. У меня совсем нет времени, ведь Северный Полярный поезд отправляется в Египет в семь часов вечера.

— О, торопиться нечего, — говорит Осень, — Святая Брита также отправляется этим поездом нанести визит Папе Римскому. А она еще чистит яблоки своим голодным деткам.

— Ну, коли так, — соглашается Лето, — я немного задержусь и погляжу, как ты заботилась о моих кочанах капусты, и цветут ли еще георгины...

И вот Лето усаживается на зеленую кочку, а Осень угощает его яблоками, брусникой и жареными грибами.

Вдруг: у — у — у! — раздается свисток-сигнал, и Северный Полярный поезд отправляется в Африку со всеми своими пассажирами — ольховыми чижиками и зябликами. Поезд мчится так быстро, что со свистом разрезает воздух. Ворона также собиралась ехать этим поездом; она жаловалась на местный климат и думала перебраться в Эстонию, но, как всегда, опаздывает! Сорока, что сняла гнездо на зиму, хотя оно всего-навсего в пристройке, сидя на ближайшей березе, хохочет над вороной.

А тут Осень принимается за уборку на дворе, и метла прогуливается по суше и по морю. Она все сметает

---

¹ Краткий визит.

на своем пути: листву с деревьев, уток с пруда, детишек с кустов крыжовника.

Наступила пора уроков и заготовки колбас...

— И пора сказок, Стрекозка! Вспомни, ты должна рассказать мне сказку!

— Что? Неужто тебе еще мало? Ты забыла «Спящую красавицу»¹, «Жемчужину Адальмины»² и сотню других сказок?

— Нет, но...

— Сама расскажи мне что-нибудь!

— Я ничего не знаю!

— Ну попробуй!

— Но я ничего не нахожу вокруг.

— Ты что, хочешь научиться находить сказки?

— Ну да, Стрекозка, хочу!

— Тогда слушай! Жили-были когда-то маленькие детки и играли они в фанты. Но еще раньше они надумали, что тому, кто не сможет выкупить свой фант, придется сидеть и смотреть, как другие едят землянику с молоком. А был там мальчик, которому выпало выкупить свой фант, — рассказать сказку. Но никакой сказки он не знал. Пошел он тогда к школьному учителю да и говорит:

— Дорогой господин магистр³, будь добр, подари мне сказку, а не то не видать мне земляники с молоком.

---

¹ См. сказку Шарля Перро.

² См. одноименные сказки Топелиуса в этом сборнике.

³ Ученая степень.

— Вот как! — ответил магистр и спросил: — Сколько будет: 9 помножить на 7?

— Но это же никакая не сказка! — возмутился мальчик.

— Нет, сказка, — молвил магистр, — это отличная сказка, и довольствуйся ею, никакой другой у меня нет.

Отправился мальчик сказки искать и пришел к своему дяде-генералу.

— Еще чего! — сказал генерал. — А тебе известно, что такое: «Ружье на плечо!»?

— Но это же не сказка! — воскликнул мальчик.

— Да ну! — удивился генерал, — это отличная сказка, а называется она «Обучение военному делу», и довольствуйся ею, никакой другой я не знаю.

Побрел мальчик дальше и пришел к крестному отцу, статскому советнику.

— Дорогой крестный, подари мне сказку, а не то не видать мне земляники с молоком!

— С величайшим удовольствием, — ответил крестный. — Смотри, вот Орден Станислава 2-й степени на шею с короной и мечами.

— Но это же не сказка! — всхлипнул мальчик.

— Конечно, — ответил крестный. — Это Орден — в знак моей чести и заслуг. Другой сказки у меня нет, довольствуйся этой!

Отправился мальчик дальше и пришел к мяснику, торговавшему на рынке мясом.

— Охотно, — ответил на просьбу мальчика мясник, — правда, я зарабатываю так мало; смотри, вот

ветчина, а вот ножки для студня, ничего другого у меня нет!

— Но это же не сказка... — рассудил мальчик.

— Чего тебе еще? — спросил мясник. — Не годится? Ведь это же свинина?!

Мальчик еще раз вышел из дома и явился к тетушке Улле, сестре отца, которая писала книги, и теперь-то уж он был уверен, что услышит хорошую сказку.

Тетушка Улла и в самом деле недолго думая дала ему толстую книгу рассказов «Для просвещенной молодежи».

— Но это же не сказки! — вздохнул мальчик.

— Чего тебе еще? — спросила тетушка Улла. — Не годится? Ведь эта книга — вершина мудрости, это — назидание, это мораль!

Бедный мальчик вовсе растерялся и подошел к торпарю, коловшему дрова в лесу.

— Дорогой торпарь, — попросил мальчик, — по-дари мне сказку, а не то не видать мне земляники с молоком.

— Ладно, — согласился торпарь. — Премудрость тут невелика. Поброди-ка по лесу: ведь там сказки кругом — на всех ветвях растут!

Пошел мальчик в лес, а как огляделся вокруг, увидел он, что и вправду на всех верхушках деревьев и на их ветвях сказки растут. Они выглядывали из березовой листвы, висели в виде шишек на елях, а можжевеловые кусты так заросли сказками и чудесными

рассказами, что ягод было почти не видать. Мальчик принялся собирать сказки и вскоре набил карманы доверху. А когда там уже больше ничего не поместилось, он набрал в охапку столько сказок, сколько смог унести.

— Вот чудно, — подумал он. — Ни школьный учитель, ни дядя, ни крестный, ни мясник, ни тетушка даже не представляют себе, сколько сказок в лесу!

— Да, видишь ли, — заметил Можжевельник, что всегда был настроен чуточку иронически, — это оттого, что эти люди, верно, слишком сыты и никогда не мечтали о землянике с молоком!

— Но школьный учитель такой худой; он-то, наверное, никогда не бывает сыт, — возразил мальчик.

— Он сыт своей великий ученостью, — важно ответил Можжевельник и лукаво пощелкал острыми иглами.

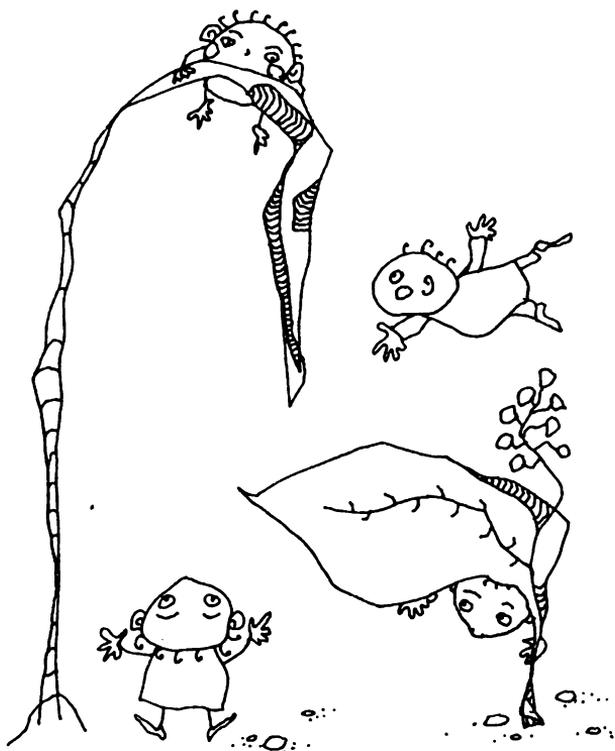
После этого мальчик отправился домой со своей огромной ношей, и его угостили земляникой с молоком, а сказок хватило ему на всю долгую зиму, до самой весны.

— А теперь я расскажу тебе, как найти сказки и в других местах, а не только в лесу у можжевельниковых кустов.

— Пожалуйста, Стрекозка, расскажи!

— Летом выходи из дома рано поутру, пока роса еще лежит на траве, и поищи вдоль межей; там, словно жемчуга, рассыпаны многие тысячи сказок. Вый-

ди потом на берег озера, где мелкие, покрытые легкой рябью волны, блестящие по краям, перекатываются на водной глади. Это — сказки, написанные голубыми буквами; ты должна научиться их читать! Осенью прислушайся к шуму высоких сосен; они поведают тебе сказки о великанах стародавних времен. Или пощи на диких безлюдных вересковых пустошах — вереск знает невероятно много, и в желтой листве, которая знает еще больше; но ее сказки — одинокие, печальные, написанные желтыми и бледно-красными буквами; от этих сказок веет легкой грустью. Зимой

читай изящные стихи цветов, нарисованные инеем на оконных стеклах, и, глядя на них, оживи все те прекрасные картины, которые изображает на ветвях лесных деревьев мороз. Когда же время снова начнет клониться к Весне, наблюдай как следует игру красок на вечернем небосклоне: там ты найдешь все сказочные, блестящие как золото замки феи. А Осенью, Зимой и Весной читай серебряные сказки звезд; они самые возвышенные и самые чистые в природе. Это оттого, что сам Господь начертал их на высоком голубом вечернем небе.

О малютка Мария, если бы ты знала, как невероятно много может поведать тебе великая, богатая и чудесная природа! Гораздо, гораздо больше, нежели сейчас могу рассказать тебе я. Все горы и камни, все деревья, кусты и мелкие растения, все животные в лесу, в воздухе, в море обладают своими собственными историями. Ничто не умерло в природе, все живет, все дышит и чувствует, думает и говорит!

Как много могла бы ты вобрать сказок в свое сердце и в свой передник, если бы прислушалась к горам и камням, к деревьям, кустам, к мелким растениям и животным в лесу! Если природа когда-нибудь онемеет и ты больше не услышишь, как она говорит, это значит — ты состарилась, а душа твоя поседела! Но зачем тебе носить эту седину в своей душе? Будь всегда молода, малютка Мария, будь всегда в сердце своем добрым дитятей Божьим, если даже станешь такой же старой и седой, как бабушка, сидящая в кресле-качалке! Тогда

ты всегда услышишь голос природы, тогда ты всегда
различишь пение ангелов, возносящих славу Господу
Богу в небесных высях, и тогда ты никогда не погря-
нешь в горестях мирских.

Да, так оно все и было!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Людмила Брауде. Как находят сказки</i>	5
Зимняя сказка о соснах Достаньтучу и Зацепибородойоблако	13
Сампо-Лопаренок. Лапландская сказка	28
Жемчужина Адальмины	50
Березка и звезда	64
Звездоглазка	81
Как тролли на свой лад Рождество справляли	98
Инеистый великан. Сага о Ётунхейме	113
Старый домовый Абоского замка	127
Принцесса Линдагуль	156
Как Муравьишка по докторам разъезжал	185
Где живут сказки. Беседа, что однажды осенью вела стрекоза с малюткой Марией	194

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО
И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Литературно-художественное издание

Сахарис Топелиус
СКАЗКИ ГОРНОГО КОРОЛЯ

Литературный редактор *Антонина Балакина*
Художественный редактор *Алексей Горбачёв*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Корректор *Наталья Воробьева*
Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.11.2002.

Формат издания 60 × 84¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,09. Тираж 4 000 экз.

Заказ № 25.

ИД № 02164 от 28.06.2000.

Торгово-издательский дом «Амфора».

197022, Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, д. 23.

E-mail: amphora@mail.ru

ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6».

191144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, д. 10.

Телефон отдела маркетинга 271-35-42.

Михазль Энде «Волшебный напиток»

Имя немецкого детского писателя Михаэля Энде знакомо читателям по сказочной повести «Бесконечная книга» и ее голливудской экранизации. «Волшебный напиток» — еще один шедевр писателя, чьи произведения давно уже известны во всем мире. Прочитав эту веселую и увлекательную историю, вы узнаете, какой волшебный напиток приготовили колдун Бредовред и ведьма Тирания и что из этого получилось. Книга впервые выходит в переводе на русский язык.

Мэри Нортон «Добывайки»

Английскую писательницу Мэри Нортон во всем мире знают как автора сказочных повестей о добывайках — крохотных человечках, которые живут в домах людей. Если вы замечали, что множество разных вещей пропадает у вас под рукой, значит, и в вашем доме поселились эти существа.

Повести о добывайках уже несколько раз экранизировались. Последний из фильмов, который в нашем прокате назывался «Воришки», имел огромный успех.

***По вопросам поставок
обращайтесь:***

Торгово-издательский дом «Амфора»

Москва:

ул. Судостроительная, д. 30, корп. 1, подъезд 3
(рядом с метро «Коломенская»)
Телефон/факс: (095) 116-68-06

Санкт-Петербург:

197022, наб. реки Карповки, д. 23
Телефон/факс: (812) 346-04-51, 346-22-71
E-mail: amphora_torg@mail.ru

Дистрибьютор в США и Канаде —

Дом книги «Санкт-Петербург»

Тел. (718) 368-4128

www.petro-pol.com

Сто пятьдесят лет назад в мире уже не водились драконы, но еще жили великие сказочники. У вас в руках книга одного из самых знаменитых сочинителей волшебных историй. Его сказками, в которых живут тролли, великаны и домовые, зачитываются дети и взрослые уже не одно столетие.

Сакариас Топелиус был младшим современником Ханса Кристиана Андерсена и, по словам замечательной шведской писательницы Сельмы Лагерлёф, «сохранил сказочный стиль во всей его прекрасной простоте, присовокупив к нему лишь особенную теплоту и сердечность».

ISBN 5-94278-349-7

9 785942 783495

Сделано в Санкт-Петербурге

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АМФОРА»